

О ПОСТАНОВЛЕНИЯХ МОНАСТЫРСКИХ

ТРУД
ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА КАССИАНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЙ
СВЯТИТЕЛЕМ
ИГНАТИЕМ

Во славу
Святой Животворящей
и Нераздельной Троицы,
Отца и Сына и Святого Духа,
напечатана книга сия
преподобного Иоанна Кассиана
«О постановлениях монастырских»
во граде Москве
в 2016 году

О ПОСТАНОВЛЕНИЯХ МОНАСТЫРСКИХ

ТРУД
ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА КАССИАНА,
ПЕРЕВЕДЕННЫЙ
СВЯТИТЕЛЕМ
ИГНАТИЕМ
БРЯНЧАНИНОВЫМ

Москва 2016

УДК 271.2
ББК 86.372
О 11

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-644-3596

О 11 О постановлениях монастырских. Труд преподобного Иоанна Кассиана, переведенный святителем Игнатием Брянчаниновым. — М. : Правило веры, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-94759-221-4

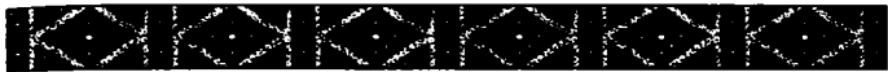
Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (†435), великий по-движник Востока и Запада, родился около 360 года в римской провинции Малая Скифия, принял монашество в Вифлеемском монастыре в Палестине около 388 года. Через два года он испросил благословение на путешествие-паломничество по египетским монастырям, чая «большой благодати совершенства», и провел там около 10 лет. Он посвящал все свое время, помимо собственно монашеского служения, встречам и беседам с прославленными египетскими аввами, запоминая и записывая бесценные рассказы о духовном опыте аскетов.

Труд преподобного Иоанна Кассиана «О постановлениях монастырских» описывает «устройство ангельского чина», свершившееся в монастырях палестинских и египетских, причем внимание акцентируется всегда на внутренней, духовной составляющей монашеского дела. Такой взгляд на жизнь христианина, нам думается, был присущ и святителю Игнатию (Брянчанинову), поэтому из множества святых отцов он вкупе со своим знаменитым «Отечником» избрал для перевода этот труд преподобного Кассиана. Перевод был закончен в 1842 году, однако издан не был. Сейчас рукопись этого перевода хранится в Отделе рукописей РГБ. В данном издании впервые публикуется перевод по рукописи святителя Игнатья, и книга «О постановлениях монастырских» впервые выпускается на русском языке отдельным изданием и полностью.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-94759-221-4

© Подготовка текста к публикации,
«Правило веры», 2016
© Оригинал-макет, «Правило веры», 201
© Оформление, «Правило веры», 2016

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (†435), великий подвижник Востока и Запада, родился около 360 года в римской провинции Малая Скифия в благочестивой христианской семье.

Он получил прекрасное классическое образование, превосходно владел латинским и греческим языками, однако ради служения Господу оставил открывавшееся перед ним блестящее светское по-прище и принял монашество в Вифлеемском монастыре в Палестине около 388 года. Через два года Иоанн Кассиан, наслышанный об образе жизни и глубокой рассудительности египетских отцов, испросил благословение на путешествие-паломничество по египетским монастырям, чая «большой благодати совершенства». Странствуя по Великой пустыне около 10 лет, он посвящал все свое время, помимо собственно монашеского служения, встречам и беседам с прославленными египетскими аввами, запоминая и записывая бесценные рассказы о духовном опыте аскетов. Оставив Египет, Кассиан отправился в Константинополь, где был радушно принят святым Иоанном Златоустом и рукоположен им в диакона в 400-м году...

Вернувшись на Запад, он был посвящен в пресвитера и поселился в городе Мессалия (ныне Марсель) в Галлии, где основал, по образцам еги-

петских и палестинских обителей, два монастыря, мужской и женский. Здесь же были написаны и два его богоумных произведения: «О постановлениях монастырских» и «Собеседования египетских отцов», первое из которых мы и представляем ныне читателям.

Труд преподобного Иоанна Кассиана «О постановлениях монастырских» описывает «устройство ангельского чина», свершившееся в монастырях палестинских и египетских, причем внимание акцентируется всегда на внутренней, духовной составляющей монашеского делания.

Такой взгляд на жизнь христианина, нам думается, был присущ и святителю Игнатию (Брянчанинову), поэтому из множества святых отцов он вкупе со своим знаменитым «Отечником» избрал для перевода этот труд преподобного Кассиана. Вот что он пишет Варфоломею, игумену Югской Дорофеевой пустыни, в марте 1841 года: «...после Пасхи, если Господь восходит, желается приняться за перевод Кассиана Римлянина с латинского; у меня его сочинения, книга преполезная». В июльском письме того же года он сообщает: «...теперь с услаждением занимаюсь Кассианом, т.е. переводом его на российский язык... очень рад, если буду в состоянии отверзть некоторые сокровищницы духовные — доселе запечатанные — переводом... Драгоценнейшая монашеская книга!»

Перевод был закончен в 1842 году, однако издан не был и следы его затерялись.

При подготовке очередного переиздания творений святителя Игнатия, выпускаемого нашим издательством, мы неожиданно узнали о том, что в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится рукопись этого перевода. И вот теперь, спустя 174 года, он впервые публикуется.

К сожалению, найденная рукопись обрывается на 188-й странице. Попытки найти продолжение ее не увенчались успехом. Поэтому, чтобы произведение было представлено читателю полностью, окончание труда преподобного Иоанна Кассиана мы публикуем по переводу епископа Петра (Екатериновского), выполненному в конце XIX века.

Книга «О постановлениях монастырских» впервые выпускается на русском языке отдельным изданием и полностью.

Посланie

С Каспира Епифания Апостольскаго

Домику Кассиану

Любо Мессалийскому.

Дороги, церковной моей членовиц и по всему землему членовиц, привета искренней и пристойной приветствия! Отцы Иаки-и, Каспира, Фавиниана и др., смиренного членства, ради, благодарюте ее и мн.

Отец! Несмотря на беспорядок доставленный отряду виновников неподчинения императору и императорскому велению, я сию же минуту, что на то имею и право сам здание, будущее имение обители, имене доставленное посредством, здание доставленное обители. Все же подчиняю Вам, не боясь членовиц православия подчинение! Издади претворение членов, как землемицей, не доводите до кончине тиха бичи, а иже приведите к приложению земли землемиц, винови-ищих посты! Странствующие борзодоголь-расхудожники дружески дадо-и упраздните то землемицам обители и расхудожники землеми-иц. Их члены падают под сабли от злодейства своих, а разгнанники во борзодоголь подбирая, исконные нравы землеми-иц - борзое здание! Скоро разгнанники земли падают не прокат на

ПОСЛАНИЕ

с. Кастора, епископа Аптенского,

к

Домну Кассиану

Abbe Messalijskomu

Домну, украшенному особеною славою святости и по всему достойному уважения, притом сияющему и красотою учености, отцу Кассиану, Кастор, униженнейший, сколько может, раб живущих в мире.

Отец! Наставники благоразумно доставляют отраду вспоможения недостаточествующим в рассудке и благоязычии: ибо, хотя дознано, что не все имеют в равной силе знание, будучи лишены обучения, однако доставляется польза тем, коим доставляется обучение. Все не можем всего: не всем известны правила подвижничества. Каждый претерпевает урок, им заслуженный, не домогаясь восхитить тех благ, коих приобретение приносит всем известную, величайшую пользу! Нуждающихся в руководстве

рассуждением других должно упражнять в долговременном обучении и разнородных занятиях. Как часто падает тщеславный от дерзости своей, и разрушаются его безрассудные подвиги, лишенные нужной опытности и верного знания! А мы, неразумные, легко можем по причине нашей нерадивости преклониться к чему-либо нелепому.

Возлюбленнейший отец! Со всевозможной любовью просим тебя: помоги нам, скучным в мудрости, из благочестивых и неисчерпаемых богатств твоих; тем учением, коим обладаешь по превосходству, от коего ум твой достиг совершенства и возросли прочие части души, не откажись возбудить нас, новоначальных, увлеченных приверженностью к роскоши мира. Знаем, что тебе коротко известны уставы главнейших монастырей Востока, в особенности египетских и основанных в Фиваиде; и преславные места рождения Господня были украшены твоим присутствием. Тебе, как опытнейшему из всех ученых католиков в правилах монашества, подлежит не пренебречь нами, скучными в знании. С покорностью просим тебя, Отец, не откажись изложить простым словом постановления монастырей, учрежденных, процветающих, хранимых в монастырях Египта и Палестины, как

они там преданы отцами, и препроводить в наш монастырь, объятый невежеством; не замедля напоить давно томящиеся жаждою сердца наши, излив в оные твою беседу, обиющую медоточеною сладостию, от коей могли бы мы, отвергнув бесплодие, произрастить плоды правды. Думаю: если возможем оказать какой успех, то сим и твое достоинство усугубится; так послушание скучных в знании воздаст некоторую посильную услугу трудам отеческим.

Прощай, отец слуг Божиих, и помни нас.

Юанна Кассиана

Пресвитера;

Красноречившаго и Древнейшаго Писателя

Предисловие

История о честномилостивом Монастырском же бене-
холу Наспору.

Монахъ Бенедикт Залота поисповедуетъ, что пренадлежитъ Святыни
получить чудодейство отъ божи, про честномилостивое благородство, а
широку сердца подобную бенедиктинскую пищу исправную, честномило-
стную, такъ, что, по видимому Господу, не появится никако
иаг подобный ни въ прошествовавшемъ иаг времена, ни появится
иаг поиздешніе, никакъ построитъ Господу никакъ величественнѣй
здания, просятъ помощь у честномилостиваго царя Гирса. Когда бене-
холъ изъ иаг Гирса, сего иага вѣданіи, то онъ, хотѣа въ иаг
честномилостивомъ иаге Бенедиктинскомъ благородствомъ пренадлежитъ
иаг честности тихъ зданий, такъ и святыни иаги сосудовъ, смирилъ съвѣ-
тилъ все здания при убранствии и распорядкѣи (Паралл. 3 Чарл. 11.11).

Самъ сей царь, пренадлежитъ иаги зданий царей, благородлившаго и здани-
емъ иаги отрасли Иудаїзмскаго народа, пренадлежитъ иаги цар-

Иоанна Кассиана
пресвитера,
красноречивейшего и древнейшего
писателя

ПРЕДИСЛОВИЕ

*К книгам о постановлениях монастырских
к епископу Кастору*

История Ветхого Завета повествует, что пре-
мудрейший Соломон, получив мудрость от Бога,
необыкновенное благоразумие и широту серд-
ца, подобную песку морскому неисчислимому;
так, что, по свидетельству Господа, не появлял-
ся никто ему подобный ни в предшествовавшие
ему времена, ни появится в последующие, желая
построить Господу оный великолепный храм,
просил помощи у иноплеменного царя Тирско-
го. Когда был прислан к нему Хирам, сын же-
ны-вдовицы, то он, хотя и был движим и вполне
вспомоществуем богодарованною премудростью
к устроению как храма, так и священных сосу-
дов, однако совершил все здание при заведо-
вании и распоряжении Хирама (3 Цар., гл. 5).
Если сей царь, превысший всех земных царей,

благороднейшая и знаменитейшая отрасль израильского народа, превосходивший всех ученых и мудрецов Востока и Египта, не пренебрег советом мужа бедного и иноплеменного; то и ты, блаженнейший папа Кастор, наставляемый сим примером, располагаясь построить истинный и разумный храм Богу, не из камней бесчувственных, но из собрания святых мужей, и желая посвятить Господу драгоценные сосуды, не металлические, не вылитые из множества золота и серебра, как после взял царь Вавилонский и назначил для увеселения своих князей и наложниц, но из душ святых, блистающих невинностью, правою и непорочною чистотою, носящих Царя Христа, в них обитающего, — ты удостоил принять меня, недостаточного и по всем отношениям беднейшего, в участники такового дела.

Желая в епархии твоей, в коей нет монастырей, основать обитель по постановлениям Востока, в особенности же Египта; сам, будучи совершен в знании и во всех добродетелях, столько исполнен всех духовных богатств, что не токмо с избытком довольно твоего слова для ищущих совершенства, но даже достаточно одной твоей примерной жизни, — просишь и повелеваешь, чтобы я, неможествующий, скучный в слове и знании, представил какое-либо произведение бесплодного ума моего к удовлетворению твоего желания о постановлениях

монастырских, соблюдение коих видел я в Египте и Палестине, так как оные там преданы были мне отцами, чтоб изложил я оные хотя неизысканным слогом, не стремясь за красотою речи, в чем ты сам особенно искусен, но простую жизнь святых излагая простым слогом для братий нового монастыря твоего. Сколько благочестивая ревность возбуждает меня повиноваться твоему желанию, столько смущают многочисленные препятствия и отклоняют от того, чему желаю повиноваться.

Во-первых, по причине недостаточного достоинства в моем жительстве, не могу положиться с уверительностью, чтоб я был способен достойно обнять сердцем и умом предметы, столь возвышенные, столь темные, столь святые. Во-вторых, будучи в продолжение стольких лет удален от их сообщества, от подражания их поведению, я уже не могу с точностью помнить то, что видел, или чему научился, или что покушался исполнить делом, находясь между ими от детства и возбуждаемый ежедневными увещеваниями и примерами, тем более что сущность сих предметов никак не может быть ни предана, ни постигнута, ни удержана в памяти праздным размышлением и учением посредством слов: она заключается в одной деятельной опытности. Невозможно учинить предания иначе, как заимствовать оное из собственной опытности; точно так же невозможно

принять или понять предание, не потрудившись обучиться оному со всею тщательностью и усиль-ным старанием; оное, не будучи часто обсуждае-мо и обрабатываемо сношением с духовными му-жами и повиновением им, скоро исчезает из ума беспечного.

В-третьих, кроме того, что помню я сии пред-меты не по их достоинству, но сколько позволяет настояще мое состояние, и потому не могу их объяснить скучным словом с должною отчетли-востью, надо прибавить и то, что о сих предме-тах мужи, и жизнью знаменитые и преславные по учености и красноречию, именно святой Ва-силий и Иероним и некоторые другие, потруди-лись написать многие сочинения. Первый из них отвечал вопрошавшим его братиям о различных постановлениях или случаях, требовавших реше-ния, сочинениями не только красноречивыми, но и обогащенными множеством свидетельств Свя-щенного Писания. Вторый же не только издал многие книги, бывшие произведением неусыпного ума его, но и перевел на латинский язык напи-саные на греческом. Если б после таковых рек, обилующих красноречием, я дерзнул принести несколько своих капель, то справедливо можно б было обвинить меня в надменности.

Разве одно удостоверение твоего святейшества и обещание, что примешь мое мелочное сочинение,

каково бы они ни было, может ободрить меня; или что пошлешь оное только обществу братий, живущих во вновь устроенном монастыре, кои, если что, может быть, нами скажется невразумительно, благовеино снова перечитают и милостиво простят, ища в моих словах более верности, нежели приятности в выражениях. Почему, блаженнейший папа, единственный образец благочестия и смирения, воодушевленный молитвами твоими, приступаю сообразно силам моего ума к исполнению дела, тобою на меня возлагаемого, попытаюсь описать то, что всячески оставлено предшествовавшими писателями, более слышанное, чем поизданное опытом, и оное объявлю вновь начинающемся монастырю, жаждущему правды. Я не буду исключительно стараться о составлении повествования о чудесах Божиих и знамениях, хотя о многих и невероятных не только слышал я от моих старцев, но и совершение оных видел пред глазами моими; оставя все сие, производящее в читателе только удивление, впрочем нисколько не способствующее к наставлению в совершенной жизни, постараюсь с точностью объяснить, сколько при Господней помощи могу, одни их постановления и монастырские правила, в особенности же начала и причины главных страстей, коих они считают восемь, и преданное ими врачевание сих страстей. Намереваюсь изложить краткое рассуждение не о

чудесах Божиих, но о исправлении наших нравов и о достижении совершенства в жизни сообразно тому, чему мы научились от наших старцев. И в следующем постараюсь также удовлетворить твоему желанию: если, может быть, в сих странах найду что, устроенное не по уставу отцов, издревле учрежденному, но убавленным или прибавленным по произволу настоятельствующего в каждом монастыре, — то дополню или убавлю со всею точностью сообразно правилу монастырей, основанных в древности в Египте и Палестине, нами виденных. Никак не верю, чтоб можно было найти в западных странах Галлии новое установление, более благоразумное и более совершенное, нежели там, где с начала проповеди апостольской святыми и духоносными отцами основаны монастыри, продолжающие существовать и в наше время. Полагаю благоразумным допустить в сочинении сие снисходительность, несколько смягчая то, что предписывают правила монастырей египетских, палестинских или месопотамских и что найду жестоким или неудобным, по суровости климата, или невозможным по разности нравов: ибо если будет наблюдаться благоразумная мера, уравновешивающая предприятия к силам, то наблюдением ее и при разномерности способов можно достичь совершенства.

ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА КАССИАНА
ПРЕСВИТЕРА

—+—

О ПОСТАНОВЛЕНИЯХ
МОНАСТЫРСКИХ

Соанна Кассиана
Пресвитера
О Постановлениях Монастырских

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава I.

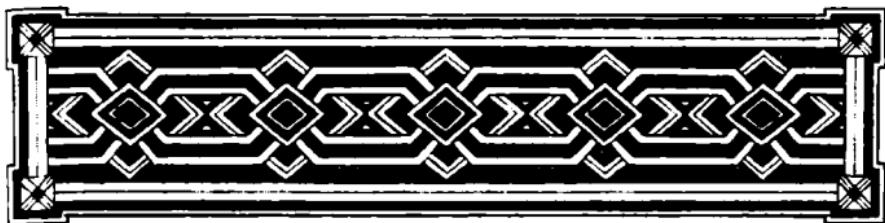
О земле Монаха.

При поиске Божией мудрости говорите о постановлениях и правилах монашеских, чтобы видеть запечатление правильности начальства, как же это самое можно назвать? Превосходите боязнь не наказание земли, боязнь же иных монашеских наказаний и наказание Боже.

Глава II.

О поиске Монаха.

Монах, ищите Христово, непременно находитесь в компании братьев, дождитесь залога иного христа проповедания. Образование

КНИГА ПЕРВАЯ

[Принадлежности монашеского одеяния]

Глава I

О одежде монаха

При помощи Божией намереваясь говорить о постановлениях и правилах монашеских, откуду можем заимствовать приличнейшее начало, как не от самого платья монахов? Представив взором их наружные доспехи, вслед за тем можем изложить и внутреннее их служение Богу.

Глава II

О поясе монаха

Монах, как воин Христов, непрестанно находящийся в готовности к брани, должен завсегда иметь чресла препоясанные. Божественное Писание свидетельствует, что в Ветхом Завете носили таковое платье Илия и

Елисей, первоначально положившие основание сему роду жизни; знаем, что знатнейшие лица и учредители Нового Завета, как то: Иоанн, Петр, Павел и другие подобные им мужи, так были одеты. Первый из них, предобразовавший собою еще в Ветхом Завете цветы девства, целомудрия и воздержания, будучи послан Богом для обличения послов Охозии, злочестивого царя израильского, в том, что он, одержимый болезнью, вознамерился вопросить о восстановлении своего здравия Веельзевула — бога аккаронского, и потому, выshed им навстречу, объявил, что царь не встанет с той постели, на которой лежит, и был узнан лежащим на одре царем, когда ему рассказали образ одеяния пророка. Ибо когда возвратились к нему послы и объявили определение пророка, а он спрашивал, какого вида и как одет был муж, им встретившийся, то они отвечали: *муж космат и поясом усменным препоясан о чреслех своих* (4 Цар. 1, 8). Царь, немедленно догадавшись по сему одеянию, что то был человек Божий, сказал: *Илия Фесвитянин сей есть*, узнав несомненно человека Божия по поясу и виду тела косматому и неубранному: потому что, хотя Илия и жил между толикими тысячами народа израильского, однако сей наружный образ, им

усвоенный, служил завсегда его отличительным признаком. Так же о Иоанне, который был как бы некоторым священнейшим пределом между Ветхим и Новым Заветами — окончанием одного, началом другого, — евангелист повествует следующее: *сам же Иоанн имяше ризу свою от влас велблуждъ и пояс усмен о чреслех своих* (Мф. 3, 4). Так же Петру, коего Ирод ввергнул под стражу в темницу с намерением предать на следующий день смерти, приказывается в присутствии ангела: *препояшися и вступи в плесницы твоя* (Деян. 12, 8). Ангел Божий никак не повелел бы ему сделать сего, если бы не видел, что он, по причине усталости своих членов, для принятия ночного отдохновения несколько распустил пояс, коим он обыкновенно опоясывался. Равным образом, когда Павел восходил во Иерусалим, где немедленно предстояло ему заключение в оковы от иудеев, то пророк Агав, встретившись с ним в Кесарии, взял его пояс, связал оным себе руки и ноги, предызображая сим положением тела страдания и бесчестия, долженствовавшие встретить апостола, и сказал: *тако глаголет Дух Святый: мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут его во Иерусалиме Иудеи и предадят в руце языков* (Деян. 21, 11). Пророк не мог бы сказать сих слов: *мужа, егоже*

есть пояс сей, если б Павел не имел обычая за-
всегда носить пояс на чреслах своих.

Глава III О одежде монаха

Одежда монаха должна быть такова, чтоб покрывала только тело, соблюдала наготу от взоров и защищала оную от влияния холода; а не таковая, которая могла бы посеять семена тщеславия и напыщенности, как о сем заповедует апостол: *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8). Одеждение, говорит он, а не платье, как читается с потерю точности в некоторых латинских переводах, то есть чтоб оные одевали только тело, а не ласкателствовали щегольством тщеславию, были столь убоги, чтоб ни цветом, ни новизною покроя не отличались от одежды мужей сего рода жизни; она столь чужда тщательной изысканности; чтоб не были испещрены по причине притворной беспечности нечистотами; наконец, столько бы отличались от пышного наряда сего мира, чтоб у слуг Божиих и по отношению к одежде сокровялся общий устав. Если один или немногие из служителей Божиих предпримут что бы ни было, не содержимое кафолически всем обществом братства, то должно заключать, что сие

или излишне, или плод высокомудрия, имеющее непременным следствием погибель, признак, обнаруживающий более тщеславие, нежели добродетель.

Почему надлежит и нам таковое отсекать, как излишнее и бесполезное, как не утвержденное примерами ни древних святых, положивших основание сему роду жительства, ни отцов нашего времени, сохраняющих доныне по преемству их постановления. Почему они решительно отвергли власяницу, как всем бросающуюся в глаза и приметную, по сему самому не только не могущую сообщить духу никакой пользы, но даже возбудить в оном суетную напыщенность, как неспособную к употреблению при упражнениях в нужных работах, в коих монаху всегда должно быть прилежну и усердну. Хотя мы и слышали, что некоторые не дурной жизни употребляли сей род одеяния, однако из сего не следует обращать пример их в монастырское правило или расстроивать древние постановления святых отцов для того, что некоторые возмечтали стяжать преимущественно другие добродетели, в чем бы должно их остановить, как своевольно предпринявшим дело, несобразное с правилами кафолическими. Мнение некоторых не должно быть предпочтитаемо или

поставляемо выше общего постановления всех. Мы должны оказывать несомнительную доверенность и послушание без рассуждения тем постановлениям и правилам, которые преданы потомству и древностью толиких времен, и согласных определением многочисленного сонма святых отцов, а не тем, кои введены некоторыми. Не должно предубеждать нас в пользу власяницы и к ежедневному употреблению оной то, что нечестивый царь израильский, будучи окружен, как вервию, множеством неприятелей, растерзал одежду и тем обнаружил на себе под верхним платьем власяницу (4 Цар. 4, 30) или что ниневитяне для смягчения приговора, произнесенного противу них Богом чрез пророка, облеклись в жестокие власяницы (Иона, 5, 3); хотя царь и носил власяницу скрытно — так, что никто бы не мог и знать о ней, если б он не растерзал верхнего платья, а ниневитяне тогда открыто надели власяницы, когда все вообще оплакивали неминуемое разрушение города и когда никого нельзя было обвинить в выказательстве по причине употребления одного рода одежды всеми. Если бы отличие не было необыкновенным, то неравенство не было бы погрешностью.

Глава IV

О египетских куколях

В самой одежде египтян есть некоторые принадлежности, служащие не столько к успокоению тела, сколько к изображению нравственных качеств: в самом образе одежды заключается наставление простоты и невинности. Они носят днем и ночью премальные куколи, покрывающие только голову, спущенные по шее до самых плеч, чтоб и самый сей покров возбуждал их непрестанно к подражанию невинности и простоте младенцев и к сохранению оных. Возвратившись к младенчеству, они ежечасно воспевают Христу с любовью и силою: *Господи, не вознесеся сердце мое, нижé вознесостеся очи мои: нижé ходих в великих, нижé в дивных паче мене. Аще не смиренномудрствовах, но вознесох душу мою, яко отдоенное на матерь свою* (Пс. 130, 1, 2)

Глава V

О мантиях египтян

*О*ни носят также мантии, едва досягающие до сгибов локтей и обхватывающие руки; безрукавные, чем напоминается неимение рук для деяний сего мира. Льняное одеяние сие, в виде покрывала, означает их мертвость ко всякому

общению земному; сим внимают они ежедневно апостолу, говорящему им: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Самое одеяние их свидетельствует: *умросте и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (ст. 3). Еще: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20); *мне мири распяся, и аз мири* (Гал. 6, 14).

Глава VI

О аналаве

Они носят также двойные шнурь, сплетенные из шерсти, называемые греками *άναβολάς*, кои можем назвать опоясаниями*. Аналав начинает от шеи ниже затылка, окружает шею с двух сторон, спускаясь под мышки, [шнурь] объемлют недро и оное опоясывают так, что, обхватывая одеяние по широте оного, оное привязывают и плотно прижимают к телу. Будучи таким образом обвязаны по плечам, они сodelываются неленостными и готовыми ко всякому делу, стараясь всеусильно исполнить завещание апостола: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце сии* (Деян. 20, 34); *ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвize нощь и*

* *Succinctoria, sev redimicula, vel propcē rebrachiatoria pogouimus appellare.*

день делающе, да не отягчим ни кого же от вас (2 Сол. 3, 8). И: аще кто не хощет делати, ниже да яст (ст. 10).

Глава VII

О их мафортах

*П*осле сего они покрывают шею, равно и плеча тесною епанчою, одеянием, сколько смиренным, столько и дешевым, называемым как на их языке, так и на нашем — мафортом; и, таким образом, уклоняются от пышных и дорогих мирских одеяний и от славолюбия.

Глава VIII

О милоти и козьей коже

*П*оследняя принадлежность одежды их есть козья кожа, которую они называют милотио, и палка, которые они носят по примеру прообразовавших жительство сие в Ветхом Завете, о коих сказал апостол: *проидоша в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: их же не бе достоин весь мир, в пустынех скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных* (Евр. 11, 37–38). Сия козья кожа означает, что совершенство их добродетели должно состоять в умерщвлении всех страстных взыграний плоти,

в коей не должно оставаться никакого сладо-
страстия или пылкости юношеской и прежнего
непостоянства.

Глава IX

О посохе

*Ч*то вышеупомянутые мужи носили и по-
сохи, этому научает Елисей, один из числа их,
когда говорит отроку своему Гиезию, посылая
его воскресить сына жены: *возми жезл мой в руце
твои, и иди, и возложи жезл мой на лицо отро-
ща, да оживет* (4 Цар. 4, 29). Если бы пророк
не имел обычая завсегда носить жезл в руках
своих, то не дал бы оного Гиезию отнести и по-
ложить на лицо умершего. Духовное значение
ношения посоха научает нас непрестанно быть
вооруженными посреди толикого количества
отовсюду лающих псов — страстей, и невиди-
мых зверей — духов нечистых, о освобождении
от коих блаженный Давид, молясь, так говорил:
Господи! *Не предаждь зверем душу, исповедую-
щуюся Тебе* (Пс. 73, 19). Когда они нападают,
должно их отражать знамением креста; когда
свирепеют — укрощать воспоминанием страда-
ний Господа и погашать их подражанием Его
мертвости.

Глава X

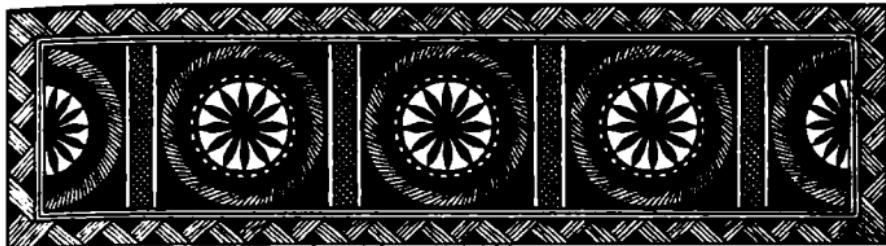
О их обуви

Не позволяя себе иметь обуви, как воспрещенное евангельскою заповедью, они тогда только надевают сапоги на свои ноги, когда требует сего или слабость тела, или утренний холод зимою, или лютость полуденного зноя. Они объясняют, что запрещение Господом употребления оных означает, что мы, странствуя в сем мире, должны быть всячески совлечены попечений и забот плотских и стараться от оных быть совершенно свободными; по крайней мере, чтобы удовлетворяли [мы] нуждам тела легким рукоделием, требующим усиленной заботливости, и не опутывали мертвыми попечениями сего века ног души нашей, существующих быть скорыми в духовном течении и всегда готовыми к благовествованию евангельского мира (коими течем вслед благоухания мира* Христова (Песн. 1, 3), о коих говорит Давид: *текоша в жажди* (Пс. 61, 5), и Иеремия: *аз же не утрудихся, Тебе последуяй* (Иер. 17, 16); то есть чтобы мы не помышляли о том, что принадлежит не столько удовлетворению естественной нужды, сколько к удовлетворению излишней и вредной

* Миро — благовонное масло. — Ред.

прихотливости. Сие исполним, если, последуя апостолу, не будем *плотиугодия* творить *в похоти* (Рим. 13, 14). Они употребляют таковую обувь, как допущенную заповедью Господа, впрочем никак не допуская иметь оной на ногах в то время, когда приступают к приношению или причащению Пресвятых Таин, полагая, что должно буквально сохранять сказанное Моисею и Иисусу сыну Навинову: *изуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5; Нав., 5, 15).

КНИГА ВТОРАЯ

О уставе ночных молитв и псалмов

Глава I

Воин Христов, препоясанный сим поясом двоякого рода, о коем мы сказали, должен быть научен уставу молитв и псалмов, установленному древними святыми отцами в странах Восточных. О качестве же оных и о том, каким образом, по словам апостола, достигнуть непрестанной молитвы, скажем, сколько Господь даст, в своем месте, когда начнем излагать беседы старцев.

Глава II

О различном количестве псалмов,
назначаемых для прочтения по уставам,
коими руководствуются в разных странах

Мы нашли, что в разных странах многие, имеющие, как говорит апостол, ревность Божию,

но не по разуму (Рим. 10, 2), установили относительно сего предмета различные для себя уставы и правила сообразно понятию ума своего. Некоторые рассудили, что каждую ночь должно прочитывать по двадцати или тридцати псалмов, продолжая время чтения оных пением антифонов и присовокуплением некоторых других песнопений. Некоторые покусились превзойти и сие количество, многие прочитывали восемнадцать псалмов — словом, по сему предмету в разных местах мы находили разные уставы, и, сколько видели монастырей и келлий, столько почти видели и уставов и правил, ими присвященных. Есть и такие, кои по дневным молитвенным службам, то есть по третьему, шестому и девятому часу, заключили, что число псалмов и молитв должно равняться числу часов, в кои приносятся сии службы Господу. Многим заблагорассудилось назначить шестеричное число для ежедневных собраний. Почему почитаю необходимым изложить древнейшее постановление отцов, наблюдаемое поныне рабами Божиими во всем Египте, дабы члены нового монастыря, младенствующие о Христе, были предпочтительно напояемы постановлениями древнейших отцов.

Глава III

О том, что во всем Египте хранятся единообразные правила, и о избрании настоятелей братства

*М*ы видели, что законный устав молитв, приносимых в вечерних молитвах илиочных бдениях, удерживается во всем Египте и Фиваиде, где монастыри даже до сего времени пребывают или основываются по преемству и преданию старших, а не по произволу каждого отрекающегося от мира. Ибо не только никому не попускается начальствовать над каким-либо собранием братий, но *ниже*^{*} над самим собою, прежде нежели таковый не только соделается чуждым всех своих имений, но и познает, что он не может господствовать или владеть *ниже* самим собою.

И потому каждый отрицающийся от сего мира, какое бы он ни имел богатство или имущество, должен стремиться в общежитие и не тщеславиться тем, что он оставил или принес в монастырь; должен так всем повиноваться, чтоб прийти, по словам Господа, в прежнее детское состояние, не требуя себе никакого уважения по причине возраста или старости

^{*} *Нижé* (ц.-сл.) — ни даже, никакого. — Ред.

лет, напротив, думая, что оные им утрачены напрасно в мирской жизни; должен подчиниться даже и юнейшим, признавая себя полагающим первое основание и новоначальным в воинстве Христовом; должен толико приобучиться рукоделию и трудам, чтоб мочь, по завещанию апостола, приуготовлять собственными руками нужную ежедневную пищу как для своего употребления, так и для удовлетворения приходящих; забыть роскошь и наслаждения прежней жизни и приобрести смирение сердца трудами покаяния.

И потому не избирается настоятельствовать над обществом братий кто-либо, не находившийся прежде в подчинении, не научившийся повиновением тому, что должно приказывать повинующимся, и не наставленный учением старцев тому, что должно преподавать юным. Они утверждают, что хорошо управлять и быть управляемыми свойственно мудрым, и определяют, что это величайший дар и благодать Святого Духа. Не возможет кто-либо предписать спасительных правил повинующимся, не будучи прежде сам обучен возделыванию всех добродетелей; равным образом не возможет кто-либо повиноваться старцу, не будучи исполнен страха Божия и совершен в добродетели смирения.

Потому и видим в прочих областях множество неправильно принятых разных уставов и правил, что мы дерзаем начальствовать над монастырями, будучи по большей части несведущи в установлениях старцев, сodelываемся игуменами, не быв учениками, и устанавляем исполнять то, что нам угодно: мы гораздо склонны требовать исполнения наших выдумок, нежели исполнения испытанного учения отцов.

Но, желая изложить устав молитв, который преимущественно должно наблюдать, мы отступили и поспешили изложением повествования, которое предоставляли мы рассказать в своем месте, будучи увлечены любовью к постановлениям отцов. И потому возвращаемся к нашему продолжению.

Глава IV

О том, что во всем Египте и Фиваиде сохраняется чин двенадцати псалмов

По всему Египту и Фиваиде, как мы сказали, наблюдается, как в вечерних, так и вочных молитвословиях, чин двенадцати псалмов, и оному только последуют два чтения, то есть по одному из Ветхого и Нового Заветов. Сей устав, постановленный в древности, сохраняется чрез столько веков и поныне ненарушимо

во всех монастырях областей сих: ибо старцы утверждают, что оный происходит не по человеческому вымыщлению, но открыт посредством ангелов и преподан отцам.

Глава V

О чине двенадцати псалмов, принятом по преданию ангела

В первые времена веры не многие, но достойные особенного уважения носили имя монахов. Это те, кои от блаженной памяти евангелиста Марка, первого епископа града Александрии, получили правило для жительства и не только удержали превосходный обычай, сохраняемый первенствующей Церковью, или множеством верных, как читаем в Деяниях апостольских (то есть: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина: а ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща ... елицы бо Господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены продаемых и полагаху при ногах апостол: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше — Деян. 4, 32, 34—35*), но к оному присовокупили еще несравненно возвышеннейшие постановления. Ибо, удалившись в самые глухие пригородные места, они проводили жизнь в столь строгом воздер-

жании, что и самые чуждые веры приходили в изумление, видя возвышенный род жизни сего общества. С толикою горячностью прилежали они чтению Божественного Писания, молитвам и рукоделию, упражняясь и днем и ночью, что желанием или воспоминанием о пище не иначе как на другой или на третий день прерывалось неядение тела; употребляли пищу и питие не столько приятные, сколько необходимые, и не прежде солнечного захождения, соединяя духовные размышления со временем света, а телесные попечения с ночью; сверх сего они исполняли и другие несравненно возвышеннейшие постановления. Кто желает познакомиться с сими предметами из повествования более пространного, тот отсылается к «Церковной истории».

В то время, когда совершенство членов первенствующей Церкви ненарушимо и живо хранилось в памяти их наследников и горящая вера малого числа не могла равномерно пламенеть в рассеянном множестве, — тогда почтенные отцы, неусыпно заботясь о наставлении потомков, сошлись однажды для рассуждения, какой бы определить ежедневный образ богослужения для всего общества братского, дабы преемникам своим оставить наследство

благочестия и мира, чуждое всякого разномыслия и спора, ибо они опасались, чтоб между мужами одного и того же исповедания не родилось какого разногласия или несходства в отправлении ежедневного богослужения, а от оных не произошло бы впоследствии гибельных заблуждений, ссор и ересей. Когда каждый по собственному усердию, забыв немощь ближнего, полагал должным постановить то, что, сообразя с верою и силою своей, судил удобным, мало обращая внимания на то, что возможно для общего собрания братий и причем наиболее нужно наблюдать пользу немощных, и потому предлагали постановить весьма большее число псалмов по силам души своей, одни пятьдесят, другие шестьдесят псалмов, иные же, будучи недовольны и сим числом, рассуждали оное увеличить, — и породилось между ими святое разногласие и благочестивый спор о правилах богослужения, так что наступило время священной вечерней службы, а вопрос не был еще решен; когда они хотели отправлять дневную обычную службу, то кто-то встал посреди их и начал петь псалмы Господу. Все они сидели (как сей обычай сохранился и поныне в странах египетских), углубляя всё сердечное внимание в слова читающего псалмы; явившийся пропел

ровным голосом одиннадцать псалмов, отделяя их один от другого молитвами, между ими помешанными, но не разделяя стихов; двенадцатый же заключил аллилуйею, и потом немедленно исчез из очей всего собрания, и таким образом положил конец службе и решение спорному вопросу.

Глава VI

О обычае двенадцати молитв

*П*очтенное собрание отцов, уразумев, что общее правило для обществ братских установлено служением ангела не без повеления от Господа, определило сохранять сие число как в вечерних, так иочных собраниях с присо-вокуплением двух чтений, одного из Ветхого, другого из Нового Заветов. Сие последнее прибавление они предали как свое, как частное правило, предлагаемое только желающим содержать оное и старающимся стяжать знание Божественного Писания тщательным размышлением. В дни субботний и воскресный оба чтения прочитываются в Новом Завете, то есть одно из Апостола, или Деяний апостольских, а другое из Евангелия. Так поступают и в Пятидесятницу те, кои стараются о чтении и изучении Писаний.

Глава VII

О правилах, наблюдаемых при молитве

Таким образом, начиная и оканчивая выше-сказанные молитвы, они по окончании псалма не тотчас спешат к коленопреклонению, как делают в сих странах некоторые из нас, кои, еще не окончив вполне псалма, ускоряют повергаться на землю в молитве, торопясь как можно скорее окончить службу. Между тем грешим желанием превзойти устав, постановленный в древности отцами, в то же время высчитываем остальное число псалмов, понуждаем спешить к окончанию, более помышляя о успокоении утруженного тела, нежели о приобретении пользы и плода от молитвы. У них же делается не так; но прежде преклонения колен они недолго пребывают в молитве и, встав на колена, в сем положении проводят большую часть времени. После сего на кратчайшее мгновение повергаются на землю, единствено только для воздаяния части Божественной милости; и, встав весьма скоро, опять пребывают со вниманием в своих молитвах, стоя, с распростертыми руками точно так же, как и прежде молились в стоящем положении. Ибо они утверждают, что не только помыслы, но и сон сильно борет лежащего долго на земле. К сожалению, мы познали

сие опытом от ежедневного упражнения: ибо часто желали продолжить время преклонения тела на землю не столько для молитвы, сколько для отдохновения. Когда тот, кто произносит молитву, встанет с земли, тогда встают и все, так что никто не преклоняет колен прежде, нежели преклонит он, и никто не остается лежать на земле, когда он встанет, дабы не показалось, что каждый произносит собственную молитву и не внимает произносимой общей.

Глава VIII

О молитве, последующей за псалмом

*М*ы не слыхивали по всему Востоку того, что видим в сей области, именно, что по окончании чтецом псалма все присутствующие поют с криком: *слава Отцу и Сыну и Святому Духу*. На Востоке чтец по окончании псалма произносит молитву при всеобщем молчании. Сим же славословием Троицы обыкновенно оканчивают только антифон.

Глава IX

О качестве молитв

*У*поелику порядок постановлений постепенно привел нас к каноническому уставу молитв,

о коем полнейшее рассуждение хотя и отлагаем до изложения бесед старцев и там будем разбирать полнее, однако полагаю нужным по приличию места и самого повествования при представляющемся теперь случае и в настоящее время нечто вкратце объяснить, дабы, образуя устав для внешнего человека и как бы ныне полагая некоторые основания для молитвы, впоследствии, когда будем рассуждать о правилах внутреннего человека, с меньшим трудом воздвигнуть высокое здание молитв. Прежде всего озабочивает нас та предусмотрительность, чтоб не приблизился внезапно конец нашей жизни и не отторг нас от повествования, которое желаем благовременно изложить по воле Божией. В таком случае хотя б оставить в сем опыте начатки предмета, столь особенно нужного для вас, коим по причине горячности желания затруднительно ожидание полного сочинения!

Доколе видим в себе признаки, что наше пребывание в земной жизни продолжится, мы по крайней мере преднаречаем вам некоторые правила молитв, в особенности те, коими могут быть до некоторой степени наставлены пребывающие в общежитиях. Равным образом принимаем в соображение и то, что некоторые, может быть, встретятся только с сею книгою, другой

же не возмогут получить; таковые пусть будут напоены хотя отчасти наставлением о качестве молитв, находимым в книге, и, будучи ознакомлены с одеянием и уставом внешнего человека, пусть равным же образом познают, какие качества он должен иметь, чтоб быть способным к принесению духовных жертв; хотя те книги, кои мы располагаемся сочинить в настоящее время при Божией помощи, более имеют целью изложение правил для внешнего человека и устава, приличествующего общежитиям; а те книги, кои впредь намереваемся издать, будут более приличествовать ко внутреннему человеку, к совершенству сердца, к жизни и учению отшельников.

Глава X

О том, коликово [сколь великое] молчание соединяют египтяне в молитвах своих с краткостью

Когда они сходятся для отправления высказанных служб, называемых у них синаксами [собраниями], толикое сохраняется всеми молчание, что кажется, будто нет никого, кроме стоящего посреди и читающего псалмы, между тем как бесчисленное множество сошедшихся братий находятся в одном месте; в особенности же, когда делается отпуск молитве, во время

коей не извергается плевотина, не шумит харканье, не раздается кашель, не тянетсѧ сонливое зевание уставших нерадивых и разевающих рты, не обнаруживаются ни стоны, ни вздохания, могущие служить помешательством для прочих присутствующих, не слышится никакого голоса, но только голос священника, заключающего молитву, или, может быть, голос пришедшего в восторг ума, вырвавшийся из заключенных уст; сей восторг неприметно овладевает сердцем, то есть когда дух возгорится безмерною и нестерпимою горячностью, которую воспламенившийся ум не в силах скрыть в себе и которая вырывается из внутренних сокровищниц сердца некоторыми неизлаганными вздоханиями.

Напротив, сугубо согрешает, по мнению их, тот, кто, находясь вместе с другими, молится вслух с холодностью сердца или испускает из уст своих что-либо таковое, о чем мы выше говорили, в особенности же кто побеждается зевотою. Во-первых, таковый бывает виновен в самой молитве своей, как приносящий оную Богу с небрежением; во-вторых, он невежественным своим воплем перебивает смысл слов у другого, который, может быть, мог бы внимательнее его молиться. Потому они и повелевают ускорять окончание молитвословия, чтобы при продолжи-

тельном пребывании в оном накопление харкотины или мокрот не прерывало нашего молитвенного исступления. Доколе молитва пламенеет таким образом, дотоле может быть исторгаема с чрезвычайною быстротою из челюстей врача, который, без всякого сомнения, завсегда на нас нападает, в особенности же усиливает свои нападения тогда, когда усматривает, что мы желаем приносить Господу прошения противу его; возбудив помышления или различные мокроты, он спешит отвлечь ум наш от внимания молитве и старается сим устудить начавшуюся в нем горячность. Посему они полагают полезнейшим совершение кратких, но частых молитв. Чрез самое сие частое моление Господу мы можем быть в непрестанном соединении с Ним; а чрез краткость моления можем избежать сетей лукавого диавола, который тогда наиболее на нас нападает, когда молимся.

Глава XI

О уставе псалмопения у египтян

По сей причине и самые псалмы, кои они прочитывают в собрании, не сряду вдруг прочитывают, но совершают оные с двумя или тремя остановками, смотря по числу стихов, произнося при сих остановках молитвы и отделяя

с ясностью один стих от другого. Ибо они увеселяются не множеством стихов, но разумением смысла, сохраняя со всею силою слова: *воспою духом, воспою и умом* (1 Кор. 14, 15). Почему они полагают полезнейшим прочитать десять стихов со вниманием, нежели весь псалом со смущением ума. Таковое смущение нередко рождается от торопливости чтеца, когда он, соображая величину и число оставшихся для прочтения псалмов, не столько старается выразить для слушающих различие смысла, сколько поспешить достигнуть к окончанию синаксия. Наконец, если кто из юных или по горячности духа, или не будучи еще достаточно сведу^щ начал бы выходить из установленных границ псалмопения, таковый останавливается манием руки старца, начальствующего псалмопением и сидящего на своем месте, который употребляет все средства, чтобы не родилось скуки в сидящих от продолжительности псалмов, по причине коей читающий псалмы не только теряет сам собою плод разума, но приносит себе вред и посредством тех, коим наводит скуку своей неумеренностью в псалмопении. Также сохраняется у них со всею точностью, чтобы не оканчивать никакого другого псалма аллилуией, кроме такового, который в заглавии обозначен сею надписью:

«аллилуйя». Вышеупомянутое же двунадесятое число псалмов они так разделяют: что если будет двое читающих братиев, то каждый бы читал по шести; если три — то по четыре; если четыре — то по три. Менее сего числа никогда не читает в собрании, и какое бы множество ни сошлось, никогда не читает в синаксе более четырех братьев.

Глава XII

О том, почему, когда один читает псалмы,
прочие в синаксе сидят, и с каким тщанием
после оного пребывают по келлиям
в бдении даже до света

*С*ходясь по обычаю для отправления сей службы, состоящей в чтении благоразумно постановленного, как мы выше сказали, двунадесятого числа псалмов, они предоставляют телу толикое успокоение, что только стоит посреди тот, кто долженствует читать псалмы, а все прочие, сидя на самых низменных стульях, устремляют всё внимание сердца к голосу чтеца. Ибо они так изнемогают от поста и трудов в продолжение всего дня и ночи, что если бы не поддерживали себя таковым успокоением, то не могли бы выстоять ниже в продолжение чтения сего малого числа псалмов. Ибо они не

позволяют проводить без упражнения в деле ни малейшей части времени: они не только стараются со всевозможным прилежанием занимать руки в тех трудах, в коих допускает упражняться дневной свет, но с большею заботливостью придумывают такие роды занятий, коим не мог бы воспрепятствовать густейший мрак ночи; они уверены, что приобретут тем возвышеннейшую чистоту ума для видения духовных созерцаний, чем более будут прилежать к рукоделию и трудам. Они рассуждают, что малое число молитв, положенное уставом, так умерено по Божественному мановению, чтоб для горящих верою сохранить пространство времени, в которое они простираются к добродетелям неусыпным течением; и сверх же того, в усталых и болезнующих телах чтоб не рождалось от неумеренности расслабления.

Итак, по окончании молитвословия, положенного уставом, каждый возвращается в свою келлию (в коей позволяет жить или одному, или только вдвоем с братом, с коим соединяет или товарищество в рукоделии, или наставление в нравственности и монашеских правилах, или сходство в добродетелях, проходимых обоими) и там опять отправляет со всем усердием служение молитв, сие жертвоприношение сердечное;

никому из них не разрешается снова успокоиться сном, доколе при наступающем блистании дня дневное делание не заступит место дела и получения ночного.

Глава XIII

О том, почему не должно спать по отпуске ночного молитвословия

*О*ни сохраняют со всею тщательностью упражнение в вышесказанном подвиге по двум причинам, будучи сверх того уверены, что от плода трудов своих, к коим всеусильно прилежат, приносят жертву Богу, что и нам должно сохранять с таковым же рачением, если желаем достигнуть совершенства. Первая причина заключается в предосторожности, чтоб злобный враг, завидующий чистоте нашей, против которой он всегда устраивает величайшие козни и на которую непрестанно нападает, не осквернил, может быть, каким-либо сонным мечтанием нашего очищения, приобретенного ночными молитвами и псалмопением. После удовлетворения, принесенного нами в прегрешениях нерадения или невежества нашего, после прощения, испрошенного нами исповеданием и обильными стенаниями, диавол приходит в движение и, если найдет удобное время, спешит

осквернить нас, стараясь низложить и ослабить наше мужество особенно тогда, когда усмотрит, что мы горячее стремимся к Богу чистотою наших молитв. От сего случается нередко, что он оскверняет в сие кратчайшее пространство времени тех, коих не мог уязвить в продолжение всей ночи.

Вторая причина (если б и не случилось никакого подобного диавольского мечтания, коего должно опасаться) состоит в том, что и чистый сон в сие время производит леность в монахе, долженствующем скоро встать, вносит в ум знамение студености, которая притупляет его бодрость в протяжение всего дня, притупляет ту проницательность смысла, истребляет то умиление сердца, посредством коих могли бы мы сохраниться в продолжение всего дня безопасными и твердыми противу всех козней врага. Почему египтяне присовокупляют к бдениям, положенным уставом, частые бдения, последующие за первыми и наблюдаемые строго с тем, чтобы и очищение, приобретенное молитвами и псалмопением, не утратилось, и приуготовилось ночным размышлением то внимательное делание, которое должны с прилежанием исправлять в продолжение дня.

Глава XIV

О том, каким образом они занимаются в келлиях своих рукоделием вместе с молитвою

Они совершают сии частые бдения, присоединяя к оным рукоделие: ибо сон мог бы неприметно овладеть ими, если б они были праздны. У них почти нет времени, посвященного праздности; точно так же не полагается окончания для духовного размышления. Однаково упражняя силы души и тела, они соединяют пользу внутреннего человека с выгодами внешнего, приводя легкие движения сердца и течение непостоянных помыслов к тяжести рукоделия, как к некоему крепкому и неподвижному якорю; легость и скитательность сердца, будучи сплетена с рукоделием, пребывает в стенах затвора келлии, как в вернейшем пристанище; сердце, внимая единственно духовному поучению и хранению помыслов, не только не допускает бодрствующему уму погрешить согласием с каким-либо лукавым наущением врага, но и сохраняет оный от всякого ненужного и праздного помышления, так, что не всякому легко можно рассудить, что от чего зависит, то есть по причине ли духовного поучения они упражняются в непрестанном рукоделии, или по причине

непрестанного рукоделия приобретают толико
славное духовное преуспеяние и толико бли-
стающий свет знания.

Глава XV

О том, с какою скромностью
по окончании молитвословия каждый возвращается
в свою келлию и какому подвергается наказанию
тот, кто поступает иначе

*П*о окончании псалмопения и по отпуске
ежедневного собрания, как мы выше упомяну-
ли, ни один из них не смеет остановиться или
поговорить с другим нижé на кратчайшее время;
даже в продолжение всего дня не дерзает ни-
кто выйти из своей келлии или оставить дело,
которым в ней обыкновенно занимается, разве
когда они будут позваны к исправлению какого-
либо нужного дела. Когда таким образом они
исправляют что вне келлии, то совершенно не
завязывается между ними никакого разгово-
ра, но каждый исполняет общее дело, читая на
память псалом или какое-либо место Писания,
так что не имеется ни времени, ни возможности
не только к пагубному заговору или лукавому
совещанию, но нижé к праздным разговорам,
ибо равно и уста, и сердечные движения заня-
ты непрестанным духовным поучением. Ибо

сохраняется с величайшею строгостью, чтобы никто, в особенности юные, нижé на малейшую черту времени не постояли один с другим, или где-либо посидели, или подержали друг друга за руку. Если же кто будет уличен в каком-либо воспрещенном поступке, противном сему правилу постановления, тот почитается тяжко виновным как непокорный и нарушитель, как согласившийся с умышлением и советом лукавого. Если таковое преступление он не омоет публичным покаянием при собрании всего братства, то не допускается присутствовать при молитве братий.

Глава XVI

О том, что никому не должно молиться с тем,
кто отлучен от молитвы

Подлинно если кто, впавши в какое-либо преступление, будет отлучен от молитвы, то во-все никому не дозволено с ним молиться, доколе он не принесет покаяние, повергшись на землю, и игумен не дарует ему публично при всех братиях прощения и дозволения участвовать в молитвах. Они сами хранятся от такового, уклоняются и удаляются от общения с ним в молитве, ибо они уверены, что отлученный от молитвы предается сатане, по определению апостола;

и если кто, подвигнутый безрассудным милосердием, прежде временно с ним вступит в общение молитвы, прежде, нежели принят в оное старцем, таковый соделывается участником его осуждения, то есть добровольно предаст сам себя сатане, коему был предан виновный для своего исправления, и потому особенно впадает в тяжкий грех, что, сообщаясь с ним молитвою или беседами, внушает ему большее поощрение к наглости и возбуждает в согрешившем горшую непокорливость. Доставляя ему пагубное прощение, более и более приводит сердце его в ожесточение и не допускает смириться, за что сей и был отлучен; наказание старца лишается чрез сие своего веса, и удовлетворение и прощение получает шуточное мнение.

Глава XVII

О том, что будящий братию к молитве
должен сие делать в известный час

*Ж*от, кому поверено попечение приглашения к благочестивому собранию, или синаксу, не делает сего как ни попало, по произволу, или как бы ни случилось проснуться ночью, ниже спешит будить братию к ежедневным бдениям, смотря по тому, как его самого побуждает собственный сон или бессонница. Хотя давняя

привычка и побуждает его просыпаться в известный час, однако приглашает их к молитвенной службе, тщательно и часто изведывая по течению звезд назначенное время собрания, дабы не оказаться сугубо неосмотрительным, или просыпая назначенный час ночи от крепкого сна, или обнаруживая, что удовлетворяет более своему упокоению, нежели духовной службе, или служит общему спокойствию и спешит предаться ему.

Глава XVIII

О том, что они не преклоняют колен
от вечера субботнего до вечера воскресного дня

*С*ие также мы должны знать, что у египтян не преклоняют колен от вечера субботы, светящего пред днем воскресным, даже до следующего вечера, равно как и во все дни Пятидесятницы; правило поста в оные не наблюдается. Причину сего мы изложим, Бог даст, в своем месте в беседах старцев. Ныне же мы предположили только пробежать кратким повествованием самые начала, дабы сочинение не вышло из назнанной ему меры и не обременило читателя или скучою, или трудом.

gaduus rebatur in uniusceterus ante omnes respondebat se respondebat

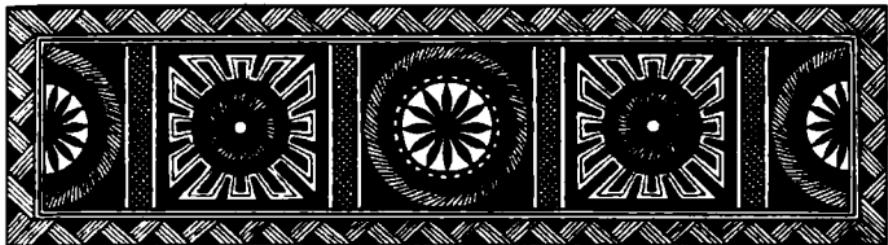
of the *Archaeopteryx* is the first bird fossil to show the presence of feathers.

11 George

at 29m (i)

L'Uomo

Chimera, *Chimera*, *Alchimie* et *Alchimie*

КНИГА ТРЕТЬЯ

О уставе дневного молитвословия и псалмопения

Глава I

*Д*умаю, при Божией помощи я сказал довольно по отношению к слабым силам ума моего о уставе ночного молитвословия и псалмопения, содержимом в Египте; теперь предстоит изложить о службах третьего, шестого и девятого часа по правилу монастырей палестинских или месопотамских, умеряя, как мы и обещали в Предисловии, возвышенность жительства египтян и неподражаемую строгость правил их устава.

Глава II

**О том, что египтяне в продолжение всего дня
непрерывно занимаются молитвами
и псалмопением с рукоделием**

*Е*гиптяне, в продолжение целого дня занима-
ясь рукоделием, непрестанно и усердно отправ-

ляют служение Господу, которое мы приносим в известные часы, разделенные промежутками времени, будучи понуждаемы приглашением канонарха. Они непрестанно занимаются рукоделием, каждый в своей келлии; равным образом совершенно никогда не оставляют поучения в псалмах и в прочем Писании. С сим поучением они ежеминутно соединяют прошения и молитвы и так целый день проводят в тех служениях, кои отправляются нами в положенное время. Почему, исключая вечерние иочные собрания, днем не отправляется у них никакого общественного служения, кроме субботы и воскресенья, когда они сходятся в третьем часу для святого причащения. Больше то, что непрестанно приносится, нежели то, что отправляется с промежутками времени! Принятое добровольный дар, нежели обязанность, удовлетворяется по требованию устава! О сем Давид, как о преславном, сказал в восторге: *волею пожру Тебе* (Пс. 53, 8). Еще: *вольная усть моих благоволи же, Господи* (Пс. 118, 108).

Глава III

О том, что по всему Востоку служба третьего, шестого и девятого часа заключается только в трех псалмах и молитвах; почему именно в сии часы назначено отправлять богослужение

В монастырях Палестины, Месопотамии и всего Востока богослужение вышесказанных часов заключается в трех псалмах, с тем чтобы и приносились прилежные Богу молитвы в положенные времена, и никакого бы не делалось помешательства в исправлении нужных работ по отправлению должного и соразмерного богослужения. Мы знаем, что в сии три времени пророк Даниил ежедневно отворял окно горницы и изливал молитвы Господу (Дан. 6, 10). Не без причины сии три времени именно определены для богослужения. В оные совершилось исполнение Божиих обетов и главнейшие события нашего спасения. Во-первых, известно, что Дух Святый, обещанный в древности через пророков, нисшел в третий час на апостолов, совершивших молитвенную службу. Ибо, когда они по действию снисшедшего на них Святого Духа начали говорить различными языками и когда неверующий иудейский народ в удивлении и вместе насмехаясь говорил, что они исполнены вином, — тогда Петр, встав посреди их, сказал: *мужи Иудеистии и живущии*

во Иерусалиме все, сие вам разумно да будет, и внушите глаголы мои: не бо, якоже вы непищуете, сии пьяни суть, есть бо час третий дне. Но сие есть реченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, глаголет Господь, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове и дщери ваша, и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония видят. Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя во дни оны излию от Духа Моего, и прорекут (Деян. 2, 14–19).

Мы видим, что всё сие совершилось в третий час, в который и Дух Святый, предвозвещенный пророками, нисшел на апостолов. В шестый же час Господь наш и Спаситель — Непорочная Жертва — принеслся Отцу и омыл грехи рода человеческого, восшедши на крест для спасения всего мира, *соглася начала и власти, изведе в позор дерзновением* (Кол. 2, 15) и освободил всех нас, виновных и запутавшихся долгом неразрешимого рукописания, *то взят от среды, пригвоздив е на кресте* (Кол. 2, 14). Также в сей самый час Петр, находясь в исступлении ума, известился Божественным откровением о призвании всех язычников посредством сошедшего к нему евангельского сосуда, спущенного с небес, и посредством очищения животных всякого рода, в оном находившихся, когда нисшел к нему глас, говорящий: *востав, Петре, заколи и яждь* (Деян. 10, 13).

Ясно видно, что сосуд, спущенный с неба за четыре конца, знаменует не что иное, как Евангелие. Хотя повествование евангелистов разделяется на четыре отдельные формы, и потому кажется, что имеет четыре отдельные начала; однако тело Евангелия одно: ибо оно объемлет рождение, Божество, чудеса и страдания единого Христа. Справедливо говорит Писание: *яко плащаницу*, а не просто: *плащаницу* (Деян. 10, 11). Плащаница есть знамение умерщвления. Страдания и смерть Господа последовали не по закону естества человеческого, но Господь подчинился оным по избранию собственной воли, а потому и сказано: *яко плащаница*. Господь умер плотью, но не умер духом: ибо душа Его не оставлена во аде, плоть Его не видела истление (Пс. 15, 10). И еще: *никто же возмет от Мене душу Мою, но Аз полагаю ю о Себе, область имам положити и область имам паки прияти ю* (Ин. 10, 18). В сей сосуд Евангелия, предназначенный небом, то есть предопределенный Святым Духом, стекаются посредством принятия веры все народы, блуждавшие некогда вне соблюдения закона и считавшиеся нечистыми, спасительно умерщвляются поклонению идолов и содельваются, по гласу Господа, пищею спасения.

В девятый час Господь нисшел в преисподня, уничтожил Своим сиянием неисходный

мрак тартара, сломил медные его врата, стер его железные заклепы, спасительно пленил святых, плененных и заключенных в глубоких темницах ада, возвел их на небо, устранил огненное оружие и благочестивым вероисповеданием возвратил в рай прежнего его жителя. В сей самый час сотник Корнилий, пребывая в молитвах по обычной своей набожности, познал из беседы явившегося ему ангела, что молитвы и милостины его помянуты пред Богом; в девятый час ему ясно открыто таинство призываия язычников, откровенное Петру в шестый час при восторге ума его (Деян., гл. 10). В другом месте Деяний апостольских около того же времени повествуется следующее: *Петр и Иоанн восходаста во святыище на молитву в час девятый* (Деян. 3, 1).

Сим ясно доказывается, что святые апостольские мужи не без причины посвятили часы сии богослужению, что и мы должны также сохранять по подражанию им. Мы, если не будем принуждены как бы некоторым законом совершать божественную службу хотя в сии установленные времена, то проведем весь день в забвении, в суетных занятиях, совсем не вспомнив о молитве.

Что сказать о вечерней службе, которую заповедано непременно приносить и законом

Моисеевым в Ветхом Завете? Утренние все-сожжения и вечерние жертвы, хотя и в прообразовательных приношениях, неупустительно и ежедневно приносились, как это можно доказать словами Давида, который воспевает: *да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою: воздеяние руку мою жертва вечерняя* (Пс. 140, 2; ср.: Чис. 28, 4). Сие также можно таинственно объяснять по отношению к истинной вечерней жертве, которую вечером Господь Спаситель предал вечерявшим апостолам, когда установил в Церкви священное таинство Евхаристии; или по отношению к тому, что и Сам Он в последний день, то есть на конец веков, воздев руки Свои, принесся Отцу за весь мир жертвою вечернею. Протяжение рук Его на кресте довольно свойственно называется воздеянием. Точно подъял Он всех нас, лежавших в аду, по изреченному Им обещанию: *аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32).

К утреннему богослужению наставляет нас то, что на оном ежедневно поется: *Боже, Боже мой, к Тебе утренюю; на утрених поучахся в Тя* (Пс. 62, 1, 7). И: *предварих в безгодии и воззвах... предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим* (Пс. 118, 147, 148). Также в сии часы Евангельский Домовладыка ввел делателей в

виноград Свой (Мф. 20, 1, 2): ибо сказано Писанием, что в первый раз Он вышел рано. Сие время знаменует наше утреннее богослужение; следующими выходами Домовладыки знаменуются часы третий, шестой, девятый и одиннадцатый, который есть вечерний.

Глава IV

Утреня (сим именем мы называем службу первого часа) установлена не древним преданием, но придумана в наше время

*О*днако должно знать, что утреня, ныне отправляемая в западных странах, или почти и во всех, введена в устав в наше время и в нашем монастыре, где Господь наш Иисус Христос родился от Девы, удостоив воспринять на Себя человеческое детство и утвердив благодатию Свою наше младенчество, дотоле слабое и млекопитаемое по отношению к благочестию. Мы застали, что сия служба — утреня (совершаемая в галльских монастырях по прошествии краткого времени послеочных молитв и псалмов) даже до сего времени отправлялась вместе с ежедневными бдениями, а остальные часы предоставлены были предками нашими отдохновению тела.

Но когда некоторые нерадивые начали злоупотреблять сим снисхождением и успокоение

сном продолжать более должного: ибо прежде третьего часа не было никакого собрания, и потому ничто не понуждало их выходить из келлий или подниматься со своих постелей до сего времени; когда от сего явилось упущение в трудах и многие из братий, долженствовавших в продолжение дня заниматься работами, приходили от неумеренного сна в расслабление, в особенности же рождалось обременительное утомление в те дни, в кои совершалось бдение от вечерних часов почти до зари, — тогда некоторые из братий, горящие духом, которым весьма не нравились сии опыты нерадивости, принесли жалобу старцам.

Сии, после долгого и внимательного совещания, положили предоставить для успокоения утруженных тел время до восхождения солнца, когда уже без затруднения можно заниматься чтением или приниматься за рукоделие, и потом, дабы все непременно оставляли свои постели, приглашать к совершению сего церковного служения. Оному определили состоять из трех псалмов и молитв по уставу, соблюдаемому издревле при отправлении третьего и шестого часа и положенному по примеру трех исповеданий; оное должно полагать конец умеренному сну и начало работам. Хотя и кажется, что сие постановление придумано по случаю и учреждено в нашей

памяти по причине вышеизложенной, однако дополняет решительно и буквально (имея притом и таинственное значение) число служб, исчисляемое блаженным Давидом. *Седмерицю днем хвалих Тя о судбах правды Твоей* (Пс. 118, 164). С прибавлением сей службы, совершая в день семь духовных собраний, мы, без сомнения, семажды на день приносим хвалы Господу. Наконец, хотя сие постановление, возымевшее начало свое на Востоке, оттуда перешло в сии места и распространилось с особеною пользою, однако и поныне на Востоке многие давние монастыри, кажется, оного не приняли, не терпя нарушать в чем-либо правила древнейших отцов.

Глава V

О том, что после утренних молитв не должно возвращаться ко сну

В сей области многие, не зная причины, по которой установлена сия служба, по исполнении утреннего пения опять возвращаются ко сну и впадают в то, для отвращения чего старцы постановили отправление сего богослужения. Спешат оную окончить в такие часы, чтоб нерадивые и мало заботящиеся о спасении имели возможность опять предаться сну. Сего отнюдь не должно допускать, как в предшество-

вавшей книге, описывая синаксы египтян, мы пространнее изложили, дабы очищение наше, приобретенное сокрушенным исповеданием и ночными молитвами, не осквернилось извержением естественных мокрот, от излишества оных или от лестного мечтания вражеского; но и простое принятие чистого сна, допущенного после утрени, нарушает горячность духа и соделывает нас на весь день от расслабления сном унылыми и неспособными к занятиям.

Для избежания сего египтяне, обыкновенно встающие и в прочие времена прежде пения петухов, продолжают время бдения до света по окончании богослужения, определенного уставом, чтобы наступающий утренний свет застал их исполненными сей горячности духа, чтоб они могли сохранить в течение всего дня устроение горячности и тщаливости, чтоб с утра они были уготовлены противостоять дневным браням диавольским, будучи утверждены ночным упражнением в бдении и в духовном поучении.

Глава VI

О том, что старцы, учредив богослужение утрени, ничего не изменили в древнем порядке псалмов

Макже и то должны мы знать, что старцы наши, признав за нужное учредить сие богослу-

жение утрени, ничего не изменили в древнем уставе псалмопения; но служба вочных собраниях постоянно отправлялась, как и прежде. Ибо те псалмы, кои в сей стране соединяют с службою утрени, они и поныне поют в конце ночных бдений, кои обыкновенно оканчивают до зари после пения петухов, то есть 148-м псалмом, коего начало: *хвалите Господа с небес*, и остальные, за ним следующие; а для сей новой службы они подыскали псалмы: 50-й, 62-й и 89-й. Наконец, в настоящее время во всех церквях Италии по совершении утренних псалмов поется псалом 50-й, что, без сомнения, взято не иначе как оттуда.

Глава VII

О том, что не пришедшему
при дневных молитвословиях
до окончания первого псалма,
воспрещается вход в церковь;
при ночных же таковое замедление
прощается до окончания второго псалма

*К*то в третий, шестый или девятый час не придет к молитве, прежде нежели окончится начатый псалом, таковый уже не дерзает войти в храм и присоединиться к числу молящихся; но по отпуске собрания, стоя у дверей, ожидает,

когда будут выходить; тогда, повергшись на землю, приносит покаяние и испрашивает у всех прощения в небрежении своем и лености, зная, что иначе он никак не может загладить своего проступка. Не только таковый не допускается к сей службе, но и к следующей за нею чрез три часа, разве немедленно поспешит вполне удовлетворить истинным смирением за настояще нерадение. Вочных же собраниях оказывается снисхождение замедлившему даже до окончания второго псалма, однако в таком только случае, когда он поспеет прежде совершения означенного псалма присоединиться к обществу братий, уже занимающихся молитвой. Если же хотя на малейшую черту времени он пропустит назначенный срок снисхождения, то, без всякого сомнения, подвергается тому взысканию и образу покаяния, о котором мы сказали выше.

Глава VIII

Бдения, отправляемые с вечера субботы
и начинающиеся засветло,
как располагаются относительно времени,
или какой чин их отправления

Старцы в зимнее время, когда ночи дольше, сокращают по монастырям бдения, отправляемые еженедельно с вечера субботы и начинаю-

щиеся засветло, продолжая оные только до четвертого пения петухов, чтоб после всенощного неспанья братия дали отдохновение телам своим в продолжение остального времени ночи, состоящего почти из двух часов, и никак не попускали себе в продолжение всего дня подчиниться насилию сна, будучи довольны успокоением в течение сего краткого времени и оным заменяя отдохновение всей ночи.

Сие следует сохранять и нам со всевозможным тщанием; мы должны быть довольны сном, который допускается нам вкушать после отпуска бдений даже до рассвета, то есть до утренних псалмов; с того времени весь день мы должны проводить в исправлении работ и нужных послужений, а не побеждаться усталостью и дремотою, происходящими от предшествовавшего бдения, и не вознаграждать днем сон, отнятый у ночи, дабы не оказалось, что не столько лишили тело покоя, сколько изменили время успокоения и отдохновения ночного. Немощная плоть никак бы не могла вынести и лишиться успокоения в продолжение всей ночи; и в следующий день, не причаствившись сна, сохранить бодрость ума и духа, нестужаемую расслаблением дремоты. Если по отпуске бдений не вкусить телу несколько сна, то сие может скорее послу-

жить препятствием, чем пособием к сохранению бодрости.

Посему, как мы выше сказали, если отдадим ему хотя один час до наступления рассвета, то приобретение, доставленное часами всенощного бдения, проведенными в молитве, довершим, отдав естеству свое и не имея нужды возвращать днем то, что отнято у ночи. Без сомнения, всё возвращает плоти своей тот, кто безрассудно у нее отнимает не какую-либо часть, но попустится отказать во всем и захочет отсечь не излишнее, но необходимое. Почему более пользы соразмерять бдения, нежели растягивать оные до света по причине неосмотрительного и безрассудного расположения к излишеству.

С тою целью сии бдения разделяются на три отдельные службы, чтобы раздробить труд сим разнообразием и доставить изнеможенному телу некоторое утешение. Ибо, пропев стоя три антифона, садятся на землю или на самые низменные стулья и выслушивают три псалма, кои поет один, кои, впрочем, для пения предлагают братия один другому по порядку и коим придают три чтения; при сих чтениях прочие сидят по-прежнему. И так, уменьшая труд тела, они совершают свои бдения с большим вниманием ума.

Глава IX

О том, почему с вечера субботнего
установлены бдения, и почему
по всему Востоку повелевается
разрешение поста в субботу

От времен апостольской проповеди, в которой основаны благочестие и вера христианская, постановлено праздновать по всему Востоку вечер субботы по той причине, что, когда Господь и Спаситель наш был распят накануне субботы, тогда ученики Его, устрашенные Его страданиями, едва совершившимися, пребыли в бдении всю ночь, отнюдь не допустив сна к очам своим. Почему с того времени постановлено отправлять в сию ночь службу бдения, что и соблюдается одинаково по всему Востоку даже до сего дня. Так же не неосновательно наблюдается во всей Восточной Церкви постановленное апостольскими мужами разрешение поста в день субботний ради предшествовавшего труда бденного, сообразно оному изречению Екклесиаста, хотя и имеющему другой мистический смысл, но и сюда не неприличный, коим наставляемся, что оба дня, то есть недельный и осьмой день, должны чествоваться одинаково торжеством. *Даждь*, говорит Екклесиаст, *часть седмим и осмим* (Екл. 11, 2).

Сие разрешение поста и должно относить не к общению в празднестве иудейском, особенно в тех, кои ясно о себе доказывают, что они чужды всякого иудейского суеверия, но, как мы сказали, к успокоению утруженного тела, которое в продолжение всего года проводя в посте пять дней каждой недели, легко б могло изнуриться и изнемочь, если бы не получало отрады по крайней мере в сии два дня.

Глава X

От чего произошло наблюдение поста в городе в день субботний

В некоторых городах западных, в особенностях же в городе Риме, не знают причины сего постановления, почему и не почитают себя обязанными сохранять разрешение субботы, утверждая, что апостол Петр, намереваясь в сей день вступить в борьбу с Симоном волхвом, постился. Из сего более видно, что он сие сделал не по правилу устава, но вынужденный необходимостью настоящего случая. Видно, что по сему же случаю Петр заповедал ученикам своим пост (не для всегдашнего соблюдения, но единственno на этот день), чего всячески он бы не сделал, если б знал, что оный должно сохранять по правилу устава. Без сомнения, он бы заповедал сие

приготовление и в воскресный день, если бы в оный случилось быть упомянутому сражению; однако из сего не следует тотчас учреждать правило для всенародного и всегдашнего пощения. Нужда потребовала заповедать оный однажды, а не учреждать общественного постоянного постановления.

Глава XI

О том, чем служба воскресного дня отличается от служения, отправляемого в прочие дни

*Н*е должно не ведать сего, что в воскресный день отправляется только одна служба до обеда. Псалмы, молитвы и чтения, собранные собственно для оной, отправляются несколько торжественнее и великолепнее ради почести Господним Таинствам. К ней присоединяются часы третий и шестой. Таким образом, от прибавления чтений ничего не изменяется в последовании молитвословий; не менее того предоставляется братиям некоторое разнообразие, некоторое снисхождение пред прочим временем ради почести воскресения Господня: ибо братия видят и смягчение строгости, наблюдаемой в прочие дни, и по причине допускаемого некоторого отличия возбуждаются к ожиданию сего дня, как праздника; ожиданием оного облегча-

ется тяжесть, ощущаемая от поста наступающей недели. Всегда всякое неудобство переносится великодушнее и всякий труд совершается без скуки, если с оными будет соединено какое-либо разнообразие или какая-либо перемена в роде занятий.

Глава XII

О том, что в те дни, в кои поставляется ужин для братии, не читается положенного псалма,
как это бывает пред обедом

*Ж*аконец, в те дни, то есть в субботу, воскресенье и праздничные, в кои обыкновенно поставляется для братий не только обед, но и ужин, вечером псалом не читается, то есть ни когда садятся за стол, ни когда встают из-за онного, как это обыкновенно бывает за обедом или за вкушением пищи, положенным по уставу, когда чтение положенных псалмов обыкновенно и предшествует и последует употреблению пищи. Вечером же пред ужином и после оного прочитывают только одну простую молитву: ибо принятие пищи в сие время для монахов вне правил, и не требуется, чтоб все к оному сходились, разве пришедшие странные братия, или немощные телом, или имеющие на то собственное произволение.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О Постановлении для отрицающих.

Глава Первая.

Многие избавляющиеся паки предаются, иных же, оправдывающих
паки и избавляющих, которых довольно недостаточно по численности
для глубокой спиритуалистки, пересекают они паки и избавляющиеся
для отрицающих, это же чудо. Но напрасное стечье времени
и безнадежное существо не является качеством, при котором привлекательное бы-
адлежит им, или же такое симпатичное не бывает. Другое объясняется
— это времена Eoannas, а это времена Malachiorianum, когда стечье
них находитесь в Balaqt и временах они сами являются какими
известными бывальщами, maar симпатичные предметы. Но сущее паки для
них есть времена Malachiora иные времена бывали; иного напоминания око-
нчания паки не имеется, ибо паки это находитесь в избавляющих
и Старца, что и паки в предложении временному бывали в бывал
и паки, и оных дружеских избавляющих паки есть паки, и оных
хорошо здравые избавляющие.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О постановлениях для отрицающихся

Глава I

Порядок повествования нашего требует, чтобы мы, изложив устав псалмопения и молитвословия, который должно наблюдать по монастырям в дневных собраниях, перешли от оного к постановлениям для отрицающихся от сего мира. Мы постараемся обнять кратким, по возможности, словом первые условия, при коих принимаются в общежитие те, кои желают обратиться к Господу. Будем избирать и из устава египтян, и из устава тавеннисиотян, коих общежитие находится в Фиваиде и отличается от всех прочих как многочисленностью братства, так и строгостью правил. В оном под управлением одного игумена пять тысяч братий; таково послушание сего великого числа монахов, всю жизнь свою находящихся в повиновении у

старца, что у нас в продолжение кратчайшего времени не будет в силах ни один другому повиноваться таким образом, ни один над другим начальствовать.

Глава II

О том, что они пребывают в общежитиях до глубочайшей старости

Прежде всего, думаю, должны мы вкратце сказать о их неколебимом постоянстве, о их долговременном смирении и покорении, по причине коих они пребывают в общежитиях до собенной старости, и о тех постановлениях, коими образуются сии добродетели. Сии добродетели у них таковы, что мы не помним кого-либо поступившего в наши монастыри и сохранившего оные непогрешительно хотя бы в продолжение одного года. Когда увидим образ первоначального их отречения, то найдем естественным, что на таковых началах, на таковых основаниях воздвигаются столь возвышенные здания совершенства.

Глава III

О том, какому подвергается испытанию желающий быть принятым в общежитие

И так, пришедший с тем, чтобы принять обеты общежития, не прежде в оное допускается

для жительства, как когда принесет удостоверение в своем постоянстве, искренности желания, смирении и терпении, повергаясь пред вратами в продолжение десяти дней или и более того. Он припадает к коленам всех проходящих братий, кои с намерением его отвергают и им пренебрегают, как бы ищущим вступить в монастырь по нужде, а не по внушению благочестия. Когда он перенесет всё сие, равно как и многие бесчестия и порицания, и тем даст на самом опыте указание своего постоянства; когда сношением укоризн обнаружит, каков он будет в искушениях, — тогда, по таковом испытании горячности его духа, он принимается.

Потом с величайшею тщательностью изыскивают, не осталось ли у него хотя одной монеты из прежних его имений. Они знают, что если в заведовании его останется хотя сколько-нибудь денег, то он не возможет долго пребывать под правилами монастыря, не возможет стяжать добродетели смирения или послушания, не возможет быть доволен бедностью и управлением общежития. Но при первом родившемся смущении по какому-либо случаю, воодушевляемый надеждою на свои деньги, он убежит из монастыря подобно вращающейся праще.

Глава IV

О том, почему не употребляют на монастырские нужды имения тех, кто поступают в общество монашествующих

Они не соглашаются принимать от него денег нижé для употребления оных на монастырские потребности. Так поступают из опасения, во-первых, чтобы он, напыщенный таковым пожертвованием, не отказался быть наравне с прочими бедными братиями; во-вторых, что он не возможет по сей причине погрузиться во смирение Христово. Когда же не возможет он долго пребывать под правилами общежития, тогда выходит из оного и то, что принес в начале отречения своего, воспламеняемый горячностию сердца, теперь, охладевши, начинает требовать обратно в духе святотатства и не без бесчестия монастырю. Что сие непременно должно наблюдать, тому они научены частыми и многими опытами. В других монастырях, в коих не наблюдалось таковой осмотрительности, некоторые были приняты с простотою, а то, что они внесли, истрачено на богоугодные дела; после же они дерзнули требовать возвращения с величайшими хулами.

Глава V

О том, почему отрицающиеся мира,
будучи приняты в монастырь,
отлагаются собственные одежды
и облекаются игуменом в другие

*П*осему каждый, будучи принят, толико обнажается всего прежнего имущества, что даже не позволяет ему более сохранять то самое одеяние, в которое он был одет. Он вводится в собрание братий; поставив посреди сего собрания, совлачают его собственных одеяний, и игумен своею рукою одевает его в монастырские одежды, дабы он чрез сие познал, что он не только совлечен всех прежних своих вещей, но и отложил всю роскошь мира сего, склонился к Христовой нищете и убожеству, расположился содержать себя не тем имуществом, которое приобретается средствами сего мира, или тем, которое осталось от прежней неверности, неправедной мамоны; но получать плату своего воинствования от святых и благочестивых щедрот монастыря, оными отныне одеваться и питаться, и потому не иметь никакого стяжания, никакого не заботиться о завтрашнем дне, по наставлению Евангелия, не стыдиться нищих, то есть равняться обществу братий, к коим сопричислил Себя Христос и братом

коих не постыдился называться, даже славиться тем, что соделался сотоварищем присных слуг Христовых.

Глава VI

О том, почему одежды отрицающихя,
в коих они пришли в монастырь, хранятся экономом

*О*дежда, снятая с отрекшегося, поручается经济ому и хранится дотоле, доколе удостоверятся в успехе его из его обращения и из того, сколько он переносит различные искушения и испытания. Если усмотрят в течение довольноного времени, что он может пребывать в монастыре и сохранить первоначальную горячность, то одежду его отдают бедным. Если же заметят его в ропоте или в малейшем неповиновении, то снимают с него монастырское платье, в которое он был одет, опять одевают в прежнее, которое хранилось, и выгоняют. Ибо никак не позволяетя вовсе выходить в полученной одежде; они никак не попускают облачаться в оные тому, в ком усмотрят холодность к правилам своего устава. Почему совершенно никому не попускается явно удалиться, разве кто, воспользовавшись густым мраком ночи, убежит подобно неверному рабу; или признанный недостойным сего звания и жительства, с бесчестием совлеченный одежды

перед собранием всего братства, будет изгнан из монастыря.

Глава VII

О том, почему принятому в монастырь
не позволяетя тотчас
присоединиться к обществу братий,
но он наперед помещается в гостиницу

*И*так, если кто будет принят, испытан с осмотрительностью, как мы выше сказали, и по снятии собственного платья одет в монастырское, таковому не тотчас позволяетя присоединиться к обществу братий, но отдают старцу, который пребывает отдельно в недальнем расстоянии от ворот монастырских и имеет попечение о странниках и приходящих, заботясь о успокоении их со всякою тщательностью и человеколюбием. Когда он тут прослужит целый год, ухаживая за странными без всякой жалобы, напитываясь в сем первом служении смирением и терпением; когда от долгого упражнения в сих добродетелях будет ясно видно его преуспеяние, — тогда он присоединяется к обществу братий и поверяется другому старцу, начальствующему над десятью юными, врученными ему игуменом для наставления их и управления ими, по подобию того, что приказано было Моисею, как читаем в Исходе (гл. 18).

Глава VIII

О том, какие наставления,
во-первых, преподают юным,
чтобы они могли оказать преуспеяние
в побеждении похотений

Главнейшая забота и цель наставлений сего старца состоит в том, чтобы новоначальный, во-первых, научился побеждать свои воли, посредством чего он, вводимый постепенно, мог бы взойти наверх высочайшего совершенства. Приобучая его к сему со всею тщательностью и прилежанием, он намеренно старается всегда приказывать ему то, что, по усмотрению его, противно его воле. Они утверждают, будучи изучены многими опытами, что монах, в особенности юный, не в состоянии обуздить самых похотений своего вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания. Они решительно свидетельствуют, что тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не сможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любодеяния, не сможет стяжать ни истинного сердечного смирения, ни всегдашнего единения с братиями, ни твердого и долговременного согласия, ни даже пребыть долго в общежитии.

Глава IX

О том, почему повелевается юным,
чтобы никаких помышлений своих
не скрывали от старца

*О*ни стремятся преподать новоначальным сии правила, как основные начала, как азбуку, руководящую к совершенству, и по ним рассматривают, каково их смирение, истинное ли оно или притворное и мечтательное. Чтобы удобнее до сего достичь, они, во-первых, наставляются не скрывать по причине зловредной стыдливости никаких решительно помышлений, беспокоящих сердце, но, только что оные породятся, немедленно открывать их своему старцу; не делать о них никакого заключения по собственному рассуждению, но почитать худым или хорошим то, что таковым будет найдено и признано по исследованию старца. Таким образом, коварный враг ни в чем не может обмануть юного, как неопытного и незнающего; не может обольстить никакою хитростью, как огражденного рассуждением старца, а не своим: ибо не может склонить его, чтоб он скрыл от старца подобные огненные стремления, советования, ввергаемые в его сердце. Ибо лукавнейший враг не может иначе обмануть или ниспровергнуть юного, как приманив посредством высокоумия

или стыдливости к покровению своих помышлений. Они признают, что общий и явный признак диавольского помысла состоит в том, когда смущаемся оный открыть старцу.

Глава X

О том, коликое послушание юных
даже и в том, что требуется
необходимостью естества

*П*осле сего с толикою точностью наблюдаются правила повиновения, что юные без знания или позволения своего начальника не только не дерзают выйти из келлии, но ниже самовольно удовлетворить общей естественной нужде. Они так устремляются к исполнению всего, что бы ни было им приказано, без рассуждения, как бы это было повелено свыше Богом. С сею верою и преданностью они нередко принимают повеления, превышающие силы, и стараются исполнить и совершить оные всеусердно, без всякого сердечного колебания: из уважения к своему старцу они даже не судят о невозможности его заповедания. Я ныне оставляю говорить, в частности, о таковом их повиновении, ибо располагалось привести самые примеры оного несколько после, в своем месте, если Господь поможет за ваши молитвы.

Ныне буду продолжать изложение прочих по-становлений, умалчивая о тех, кои в сей стране не могут быть предписаны монастырям и кои в оных не могут быть приведены в исполнение, что мы и обещали делать в нашем Предисловии, то есть что они не употребляют шерстяных одежд, а только льняные, и то не двойные, доставляемые каждым десятиначальником своему десятку, когда он усмотрит, что те, в кои они одеты, износились.

Глава XI

О том, какая пища считается у них приятнейшею

Подобным образом оставляю я говорить о их жестоком и возвышенном воздержании, по причине коего почитается величайшим наслаждением, если предложится братиям на стол трава, приправленная солью, называемая лапсаниею [род дикой капусты], и другое тому подобное, что в сей области невозможно ни по климату, ни по нашей слабости. То только утверждаю, что ни слабость тела, какая бы она ни была, ни положение места не могут служить никаким препятствием, если к оным не присоединится расслабление души и студеность сердца.

Глава XII

О том, что по звуку толкнувшего в двери
они оставляют всякое дело,
стремясь скорее исполнить повеленное

*У*так пребывая в своих гробищах и равно прилежа рукоделию и духовному поучению, когда услышат звук толкнувшего в двери и стучащегося по разным келлиям, то есть приглашающего их к молитве или к какому-либо делу, то каждый немедленно вскакивает со своего ложа. Было найдено, что исправлявший должность писца, начав букву, не дерзнул окончить оной, но остановился в то мгновение, как достиг ушей его звук стучащегося; он выскочил с чрезвычайною быстротою, чтоб не промедлить даже того краткого времени, которое нужно для окончания начатого изображения буквы; он оставил черты буквы недоконченными, почитая не столько прибыльным совершение дела, сколько исполнение добродетели послушания со всем усердием и ревностью. Они предпочитают послушание не только рукоделию, или чтению, или молчанию, или келейному безмолвию, но и всем добродетелям; они рассуждают, что все добродетели должно поставлять позади послушания; они готовы подчиниться всяким неудобствам, лишь бы ни в чем не отщетиться сего блага — послушания.

Глава XIII

О том, сколько почитается преступным,
если кто хотя и ничтожную какую вещь
назовет своею

Почитаю нeliшним упомянуть между их постановлениями и о той добродетели, что никому из них не допускается иметь ни собственного ящика, ни корзинки, нижé чего такового, что бы как собственность должно было оградить своею печатью. Мы видели у всех их наблюдение толикого нестяжания, что никто из них ничего не имеет, кроме каловия, мафорта, сандалий, мантии и козьей кожи. Даже и в других монастырях, в коих допускается большее снисхождение, сие правило, как мы видели, сохраняется поныне строжайшим образом; никто даже словом не смеет назвать что-либо своим и считается большою погрешностью, когда из уст монаха выйдут слова: моя книга, моя бумага, мое перо, мой хитон, мои сандалии. Если такое слово выскочит из уст его по неведению или в забывчивости по какому-либо случаю, то за сие обязан он удовлетворить соответствующим покаянием.

Глава XIV

О том, что хотя он и получит много денег
за какое-либо дело, однако никак не выходит
из установленных пределов умеренности

*П*ри таком количестве братства каждый ежедневно вносит в монастырь прибыток от своих трудов и рукоделия в таком количестве, что оного не только достаточно на его умеренное содержание, но и на содержание многих; однако никто сим не гордится, никто не хвалится толиким приобретением от своего рукоделия и труда; никто не берет для себя более двух паксимахов, стоящих в том месте едва три динария. Не говорю уже, что между ими никто не занимается рукоделием для себя собственно по самой вещи (стыжусь сказать: о если бы мы не знали, что в наших монастырях это делается!), но нижé кому стужает о сем помысл. Каждый считает всю кладовую общежития своею собственностью и, как господин всего, отлагает попечение и заботы о всем; тем не менее для поддержания усвоенной добродетели нестяжания, которую старается сохранить до конца вполне и ненарушимо, считает себя странным всего, чуждым всех, ведет себя как пришлец и гость в сем мире, как питомец монастыря; более как служитель, нежели как господин какой-либо вещи.

Глава XV

О неумеренности стремления нашего к стяжаниям

При сем что скажем мы, несчастные? Мы пребываем в общежитиях, где, будучи обеспечены попечением о нас и заботами игумена, носим на себе ключи от собственности нашей; поправ весь стыд и совестливость, забыв звание наше, не стыдимся носить тайно на пальцах наших перстни, коими запечатываем сокровенное имущество наше; нам недостаточно ящика или корзины, но ниже сундука, ни шкафа для помещения того, что мы накопили или соблюли, выходя из мира. Мы нередко воспламеняемся за самые пустые и ничтожные вещи, защищаем их как собственные; если б кто осмелился прикоснуться к какой-либо из них хотя пальцем, то исполняемся противу него толикого гнева, что не можем не обнаружить возмущения сердечного не только устами, но и движениями всего тела.

Но оставляю говорить о сих пороках наших; умалчиваю и о тех, кои недостойны даже воспоминания, по сказанному: *да не возлаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4). Лучше будем продолжать в начатом порядке повествование о добродетелях, им обычных и к коим мы

равномерно должны стремиться со всем усердием; будем сокращенно излагать самые правила и уставы и потом перейдем к некоторым действиям и поступкам старцев, которые располагаемся рассказать со всею тщательностью, — к тем действиям, коих мы были очевидцами или о коих мы узнали от достовернейших свидетелей. Таким образом утвердим все, что не сказали их примерами и свидетельствами, почерпнутыми в их жительстве.

Глава XVI

О правилах исправления различных погрешностей

*Е*сли кто по какому-либо случаю разобьет глиняный сосуд, называемый кувшином, тот не иначе может загладить свое небрежение, как публичным покаянием: когда все братия сойдутся в синаксе, тогда он, простервшись на землю, столь долго просит прощения, доколе продолжается служба, и тогда почитается получившим оное, когда игумен по собственному внушению повелит ему встать с земли. Таким же образом удовлетворяет и тот, кто, будучи позван на какое дело или к обычному собранию, придет поздно или, читая псалом, хотя в чем-либо малейшем ошибется.

Подобно сему исправляется сказавший что-либо праздное; отвечавший с жестокостью и упорностью; исполнивший возложенное послушание с небрежением; предпочтший чтение делу и послушанию и совершивший установленное служение с мешкотностью; не поспешивший по отпуске синакса немедленно возвратиться в келлию; постоявший с другим кратчайшее время, посидевший хотя сколько-нибудь, подержавший другого за руку; осмелившийся на малейшую беседу с тем, кто не живет с ним в одной келлии; помолившийся с отлученным от молитвы; по-видавшийся с кем-либо из родственников или из мирских друзей своих или поговоривший с кем-либо из них без дозволения своего старца; дерзнувший получить от кого-либо письмо и отвечать на оное без ведома игумена. За сии таковые и сим подобные проступки следует наказание духовное.

Прочие же, кои у нас допускаются равнодушно и, что особенно достойно порицания, нами даже поддерживаются, каковы: открытое ругательство, явное презорство, противоречие с гневом, свободный и необузданный вход и выход, дружеское знакомство с женщинами, вражды, распри, притворство, ссоры, рукоделие для собственной корысти, зараза сребролюбием,

пристрастие к излишним вещам, коих прочие братия не имеют, и стяжение оных, безвременное и тайное употребление пищи — таковые и таковым подобные исправляются не духовным наказанием, как мы выше сказали, но побоями или очищаются изгнанием из монастыря.

Глава XVII

О том, откуда получило начало чтение священных книг, совершающееся в общежитиях во время братского стола, и коликое молчание во время оного наблюдается у египтян

*М*ы узнали, что обычай читать Священное Писание во время братской трапезы получил свое начало от устава, введенного в Каппадокии, а не египетского. Без сомнения, сие постановление имело целью не столько доставление духовного упражнения, сколько устраниние излишних и праздных бесед: ибо учредители видели, что иначе невозможно отсечь разговоры, кои обыкновенно в большем количестве рождаются за трапезою. Напротив, у египтян, в особенности у тавеннициотян, наблюдается всеми толикое молчание, что в собрании толикого множества братий для вкушения пищи никто даже не смеет ничего сказать шепотом, кроме десятинаачальника. Сей если заметит нужду что-либо снять

со стола или подать на оный, то скорее подаст знак звуком, нежели словом. При употреблении пищи до того у них наблюдается сей устав молчания, что они спускают куколи ниже ресниц (с тем, дабы глаза не имели возможности свободно бродить во все стороны по причине любопытства), ни на что не смотрят, как на стол и на предложенное на оном или только на те сосуды, в коих находится пища, чтобы отнюдь не увидеть, каким образом или сколько вкушает другой.

Глава XVIII

О том, что не должно вне трапезы употреблять ни пищи, ни пития

*О*ни наблюдают величайшую осторожность, чтобы, ни прежде, ни после законного употребления пищи, вне стола совершенно никто не осмеливался снисходить себе и приблизить что-либо к устам своим; чтобы, ходя по садам и между яблонями и видя яблоки, приманчиво висящие, не только не срывали оных и не клали себе за пазухи, но даже не поднимали и тех, кои упали на землю и легко могут быть потоптаны ногами; чтобы даже не дерзали взглянуть на те, кои приготовлены на земле к собранию, как легко могущие возбудить похотение и привлечь

к удовлетворению оного, склонить удобностию случая (когда они во множестве сорваны) и самых воздерженнейших к пожеланию. Они считают святотатством не только вкушение оных, но и прикосновение к оным рукою; кроме того, когда они предлагаются явно всем за общею трапезою и по распоряжению эконома приносятся для употребления служащими братиями.

Глава XIX

О том, каким образом ежедневное служение отправляется братиями в Палестине и Месопотамии

*Д*абы не показалось, что мы что-либо упустили из общежительных постановлений, то полагаю вкратце упомянуть, каким образом и в других странах отправляется ежедневное угощение братий столом. По всей Месопотамии, Палестине, Каппадокии — словом, по всему Востоку братия еженедельно сменяются для отправления сей службы, и, смотря по количеству братий в общежитии, назначается соответствующее число служителей. Они отправляют сие служение с толиким благовением и смирением, как никто из слуг не услуживает жесточайшему господину или начальнику, до того, что они не удовлетворяются, совершив сие служение, от коего уже освобождают их правила устава,

но, вставая ночью, облегчают своими трудами труды тех, коим в настоящее время предлежит попечение о сем служении, и что бы следовало исполнить сим, то они предупреждают исполнить украдкою. Каждый, вступающий в седмицу, продолжает служение свое до ужина в день воскресный. По отправлении ужина служение всей недели заключается так: когда братия сойдутся для чтения псалмов, кои обыкновенно прочитываются пред принятием отдохновения, тогда окончившие служение седмицы умывают всем по порядку ноги, прося у братий за весь недельный труд награды благословения, чтобы упущения их в исполнении заповеди Христовой, случившиеся в неведении или по слабости человеческой, пополнились общею молитвою всех братий, да примет Бог благочестивое их служение исполненным, как всесожжение тучное.

Таким образом, на следующий день после утреннего молитвословия они сдают своим преемникам утварь и сосуды, кои употребляли при служении; принимающие хранят оные с заботою и рачением, дабы что из оных не потерялось и не повредилось, думая, что они не только настоящему в настоящее время, но Самому Господу должны отдать отчет за малейший какой-либо сосуд, так, как бы за священный, если, может

быть, оный пропадет по причине их нерадения. Вы можете узнать, каков образ их благочиния, с какою верою и рачительностью они служат из одной повести, которую предлагаю для примера. Стараясь удовлетворить вашему усердию, стремящемуся к полному и всеобщему познанию и желающему повторения в сей книге того, что вы знаете превосходно, приложим вместе старание не выходить из пределов краткости.

Глава XX

О трех зернышках чечевицы, найденных экономом

*Ж*а неделе некоторого брата, эконома, проходя мимо, увидел, что на земле лежат три зерна чечевицы, которые седмичный второпях вырвали из рук вместе с водою, в которой перемывал чечевицу, приготовляя ону к варению для пищи. Эконом немедленно донес о сем игумену, который осудил седмичного как презретеля священного имущества, как не радящего о нем и отлучил его от молитвы. Сей проступок нерадения не иначе был ему прощен, как когда он принес публичное покаяние. Они уверены, что не только они сами не принадлежат себе, но и всё, что им принадлежит, посвящено Господу. Все они утверждают: если что однажды внесено в монастырь, то с оным должно поступать как

с освященным. За всем они надзирают и всем распоряжаются с тою мыслью, с тою полюю уверенностью, что получат мэду от Господа за предметы, почитаемые самыми малыми, ничтожными и достойными презрения, как то: если что передвинут с места или что удобнее переставят, если наполнят кувшин водою, если из оного поднесут кому-либо напиться, если маленький сучок вынесут из храма или келлии.

Глава XXI

О добровольном служении, оказанном некоторыми братиями

В седмицу некоторых известных нам братии случился такой недостаток в дровах, что совершенно не было чем сварить обычной пищи для братии. Игумен приказал, чтобы братия довольствовались невареною пищёй, называемою сухоядением, доколе не будут доставлены купленные дрова. Все на это были согласны. Седмичные же братия, видя, что они лишатся плода и мэды трудов своих и служения, если в чреду свою не приготовят для братии обычной пищи, предприняли добровольно необыкновенный труд. Они наскоро пустились по длинным дорогам в сих сухих и бесплодных странах, где отнюдь невозможно найти дров иначе, как срубая

плодовитые деревья (ибо там не так, как у нас, где повсюду находится кустовый лес), и, обходя пустыню, простирающуюся к Мертвому морю, набрали в объятия свои щедро тонких сучков и веток, нанесенных ветром туда и сюда, и добровольным трудом приготовили всю пищу, положенную уставом, не потерпев убавить что-либо из обычного количества. С толиким усердием они исполнили служение свое братству, хотя и мог их извинить с благовидностью и недостаток дров, и приказ, отанный игуменом! Они не захотели употребить во зло свободы, чтоб не потерять плода и награды.

Глава XXII

О уставе ежедневного служения братиям, наблюдаемом египтянами

Это сказано сообразно уставу, как мы и предупреждали, всего Востока; утверждаем, что сие нужно наблюдать и в наших странах. Впрочем, у египтян, кои особенно заботятся о рукоделии, нет седмичной чреды, чтоб по поводу сего служения не встретилось помешательства в установленных работах; но одному из вернейших братий поверяется попечение о кухне или келарне, который бессменно пребывает в этом деле, доколе позволяют лета его и силы. Он не

подвергается большому телесному труду и усталости, ибо они по большей части довольствуются сухоядением и сыроядением; у них служат величайшим наслаждением листья лука, которые рубятся ежемесячно, дикая капуста, толчена соль, маслины, рыбки, приправленные салатом, называемые у них менидиями.

Глава XXIII

О послушании аввы Иоанна, посредством коего он возвысился до благодати пророчества

Поелику сия книга объемлет правила для того, кто отрицается сего мира, правила, коими он может быть введен в истинное смирение, в совершенное послушание и возведен наверх прочих добродетелей, то и считаю нужным изложить для примера, как мы обещали, некоторые деяния старцев, особенно просиявших добродетелью послушания. Из многоного возьмем малое, чтобы стремящиеся достигнуть высокого имели пред глазами не только поощрение, почерпнутое из их совершенного жительства, но и самый образец деятельности. Посему, сообразно краткости сей книжки, мы изберем из бесчисленного множества отеческих примеров два или три и здесь изложим. Первым примером пусть послужит нам авва Иоанн, пребывавший близ города

Ликона, находящегося в Фиваиде. Он, возвысившись посредством добродетели послушания до благодати пророчества, прославился по целой вселенной и сделался известен достоинствами своими царям сего мира. Ибо хотя он и жил, как мы сказали, в отдаленнейшем краю Фиваиды, однако император Феодосий не прежде осмелился выйти на войну противу могущественных тиранов, как будучи ободрен его пророческим ответом. Поверив оному, как бы провещавшему с неба, император пожал трофеи на войне со врагами, в успехе коей отчаялся.

Глава XXIV

О сухом дереве, которое сей авва Иоанн поливал по приказанию своего старца как бы для напоения

*С*ей блаженный Иоанн служил своему старцу от юношеского до совершенного мужеского возраста, доколе старец пребывал в сей жизни. С толиким смирением прилежал он сему служению, что даже сам старец приходил в изумление от его послушания. Желая яснее изведать, точно ли сия добродетель происходит от истинной веры и глубокой простоты сердца или более притворная, как бы вынужденная и только представляющаяся пред лицом повелевающего, он часто приказывал ему излишнее, ненужное и

даже невозможное. Из сих случаев упомяну три, из коих желающие знать могут ясно увидеть чистоту ума его и повиновения.

Однажды старец взял из дровяника своего прут, давно срубленный и приготовленный для топлива; поелику же долго не встречалось случая варить пищу, то прут сей от продолжения времени не только засох, но и лежал полусгнившим. Старец воткнул прут пред глазами Иоанна в землю и приказал ему, принося воду, ежедневно дважды поливать оный, дабы от долговременной сырости он пустил корни и возвратился к прежней древесной живости и широкими ветвями доставлял бы приятность для глаз, а во время палящего зноя тень для сидящих под ним. Юноша принял сие приказание с обычною почтительностью, не рассматривая о невозможности оного, исполнял ежедневно, ежедневно приносил воду, имевшуюся на расстоянии двух миль, никогда не переставая поливать древо. В продолжение целого года ничто не могло его отвратить от исполнения заповеди — ни телесная немощь, ни торжество праздников, ни какое-либо нужное занятие, которое могло бы с благовидностью извинить его в неисполнении заповедания, наконец ни жестокость наступившей зимы. Старец молча и тайно ежедневно высматривал сие прилежание его и

увидел, что он сохраняет заповедь с сердечною простотою и любовью, как бы данную Богом, без всякого изменения в лице, без всякого рассуждения. Тогда, уверившись в искренности его смирения и послушания, вместе и сжалившись над столь долгим трудом, совершааемым с благочестивой рачительностью в течение целого года, подошел к сухому пруту и сказал: «О Иоанн! Пустило ли это древо корни или нет?» Иоанн сказал: «Не знаю». Старец, как бы желая узнать истину и испытывая, держится ли древо своими корнями, легко пред глазами Иоанна выдернул из земли прут и, отбросив оный, приказал отселе прекратить поливание.

Глава XXV

О сосуде с маслом, который был один и выброшен Иоанном по приказанию старца

Обучаясь в упражнениях такового рода, когда юноша ежедневно возрастал в совершеннии сей добродетели; когда возблестала в нем благодать смирения и приятнейшее благоухание послушания его разливало запах свой по всем монастырям, и некоторые братия, пришед к старцу, чтобы посмотреть лично и получить наставление, удивлялись покорности Иоанновой, о которой наслышались; тогда наскоро позвал его

старец и сказал: поди и, взяв сосудец с маслом (который у них в пустыне был один и которое только подавалось для приходящих в малейшем количестве), выбрось из окошка. Иоанн полетел с величайшею поспешностью, бросил из окошка сосудец (который, упавши на землю, разбился), мало думая или рассуждая о глупости приказания, о долговременной нужде, о немощи телесной, о недостатке денег, о жестокости сухой пустыни, о трудности, с каковою, если б и были деньги, приобретаются и исправляются утраченные вещи.

Глава XXVI

О том, каким образом авва Иоанн, повинуясь своему старцу, усиливался сдвинуть превеликий камень, который и многим вместе невозможно пошевелить

Опять, когда некоторые другие желали видеть пример его послушания и получить назидание, старец позвал его и сказал: «Иоанн! беги и как можно скорее прикати сюда вон этот камень!» Он тотчас подбежал к огромному камню, которого и большой толпе людей невозможно нижé пошевелить, нажимал оный то головою, то грудью и усиливался прикатить оный с таким старанием и напряжением, что не только

всё платье его смокло от поту, покрывающему все его члены, но оным оросился и весь камень. И в сем случае Иоанн мало рассуждал о невозможности приказания и дела из уважения к старцу. Он был вполне уверен с искреннею простотою, что старец не мог приказать ничего бесполезного, не имеющаго своей причины.

Глава XXVII

О смирении и послушании аввы Мукия,
по причине коих он не остановился
исполнить приказание старца и бросить
малолетнаго сына своего в реку

*Д*овольно сего малого, сказанного о авве Иоанне из многих его деяний; теперь обращаясь к достопамятному поступку аввы Мукия. Он, желая отречься сего мира, столь долго лежал пред вратами монастыря, что против всех правил общежития непоколебимым своим постоянством убедил принять себя с малым своим сыном, имевшим около осьми лет. Когда они были приняты, то их не только отдали разным старцам, но и разлучили для жительства, дабы отцу, видящему непрестанно мальчика, не пришло на мысль, что у него по крайней мере остался один сын из всех имений и плотских пристрастий, кои он отверг, отрекшись мира; и как он

знал, что он уже не богат, точно так же бы не ведал, что он отец. Чтоб сие вполне испытать, то есть к чему он имеет более расположения и привязанности, к крови ли своей и детищу, или к послушанию и мертвости Христовой, которые всякий отрицающийся должен предпочитать всякой любви, — с намерением оказывали пренебрежение к мальчику, на нем было скорее рушище, нежели платье, изорванное, грязное, зловонное, могущее скорее огорчить, чем веселить взоры отца, когда бы он его ни увидал. Он видел также, что невинный малютка весьма часто пред глазами его подвергается многим тычкам и плюхам, и напрасно, так, что всегда на щеках видны были следы текущих слез. Хотя и поступали так с дитятею ежедневно пред глазами его, однако отеческое сердце пребывало твердым и непоколебимым ради любви Христовой и ради добродетели послушания. Ибо он уже не считал своим сына, которого вместе с собою равно принес Христу; он не трогался настоящими оскорблениеми, напротив — восхищался, что оные переносятся не бесплодно; мало обращал внимания на его слезы, но заботился о собственном смирении и совершенстве.

Старец общежития, прозревая непоколебимость и неподвижимую твердость ума его для

совершенного испытания постоянства души его, когда однажды увидел дитя плачущим, то притворился возмущенным против него и приказал отцу отнести его и бросить в реку. Тогда он, как будто это ему было приказано Господом, со всею поспешностью схватил сына и на своих руках понес к берегу реки, чтоб бросить в оную. Подлинно он и исполнил бы сие самым делом по горячности веры своей и послушания, если б братия, нарочно за ним надсматривавшие и для сего заботливо усевшиеся по берегу реки, не схватили отрока и как бы исторгли оного из недра пучины. Повеление, уже совершенное верою и поступком отца, они не допустили исполнить самым делом и окончательно.

Глава XXVIII

Каким образом было открыто игумену
о отце Мукие, что он совершил дело Авраама,
и о том, что по кончине сего игумена отец Мукий
наследовал ему в управлении монастырем

*М*аковая вера и благочестие толико были благоприятны Богу, что немедленно удостоились Божественного засвидетельствования. Ибо тотчас было открыто старцу, что Мукий сим послушанием совершил дело патриарха Авраама. По прошествии краткого времени сей игумен

общежития преселился из сей земной жизни ко Господу; умирая, он предпочел Мукия всем братиям и оставил его по себе преемником и игуменом монастыря.

Глава XXIX

О послушании брата, который по повелению аввы, нося публично десять корзин, продавал по одной

*М*акже не умолчим о известном нам брате, принадлежавшем по чину сего века к знаменитейшей фамилии. Отец его был по сану комит [областной правитель], по имению богач; сын был порядочно образован и науками. Оставив родителей своих, он убежал в монастырь. Старец немедленно приказал ему, для испытания сердечного смирения и горячности его веры, возложить на плеча свои десять корзин, кои нужно было продать на торгу, носить их по улицам и продавать каждую порознь, с таковым притом условием, чтоб не продавал тому, кто б, может быть, захотел купить все разом, но продавал бы оные желающим поодиночке. Он исполнил сие со всею покорностью, поправ застенчивость и стыдливость ради имени Христова и любви Его, возложил корзины на плеча, распродал их по назначенней цене и принес деньги в монастырь. Он не отвратился от столь низкого, необычного

поручения, для него нового; не принял в соображение, что оно его недостойно по знаменитости его происхождения, при коем унизительно быть продавцом: ибо он желал получить посредством послушания благодать смирения Христова, которое есть истинное благородство.

Глава XXX

О смирении аввы Пинуфия, пресвитера и настоятеля знаменитейшего общежития, который, по желанию повиноваться, удалился в отдаленный монастырь и там принят как новоначальный

План, начертанный для сей книги, понуждает нас стремиться к окончанию, но благо послушания, занимающее между добродетелями первое место, не попускает нам совершенно умолчать о действиях тех, которые им прославились. Посему, умеряя то и другое, то есть удовлетворяя сколько краткости, столько и желанию к пользе тщаливых, еще предлагаем один пример смирения, поданный не новоначальным, но совершенным и игуменом; чтение сего события может не только служить наставлением для юных, но и возбуждением для старцев к достижению совершенства в добродетели смирения.

Мы видели игумена Пинуфия, бывшего пресвитером огромнейшего монастыря, находящего-

гося в Египте неподалеку от города Панефиса. Он был всеми почитаем и уважаем и по добродетельному жительству своему, и по летам, и по священству; видя, что по сей причине не может столько погружаться в смижение, сколько сего требовала горячность его духа, что не имеет возможности продолжать упражнения в вожделенной добродетели повиновения, он бежал тайно из общежития и ушел один, в отдаленнейшие пределы Фиваиды. Там снял он монашескую одежду, облекся в мирское платье и пришел в общежитие тавеннисиотян, о котором знал, что оно строже всех, в котором, по причине дальнего расстояния, думал, что его не знают. Здесь полагал он возможным для себя скрыться и по обширности монастыря, и по многолюдству братства.

Весьма долго повергаясь пред вратами и припадая к коленям братий, умолял убедительнейшими просьбами, чтобы его приняли. Он был принят, однако с большим презрением, как изможденный старец, проведший всю жизнь посреди мира и вздумавший вступить в общежитие в преклоннейших летах, когда уже не мог служить страстям по причине самого возраста. Да и сие, утверждали они, пожелал он не по внушению благочестия, а принуждаемый голодом и прочими недостатками; почему, как старцу

совершенно неспособному ни к какому делу, поручили смотрение и хождение за садом. В сем служении он упражнялся под надзором другого брата, который был моложе его и которому он был поручен; в сем служении возделывал он вожделенную добродетель повиновения и смиренния, подчиняясь брату, исполняя ежедневно с неутомимою рачительностью не только работы, касавшиеся сада, но и все прочие, которые для других казались жестокими, или низкими, или возбуждающими отвращение. Также много исправлял потребностей украдкою, вставая ночью, без всякого свидетеля, без ведома других, прикрываемый темнотою, так, что совершенно не могли догадаться, кто бы это делал.

Он пробыл там в неизвестности три года; между тем братия, рассыпавшись по всему Египту, везде искали его; один из них, пришедши из стран Египетских, увидел его и едва мог узнатъ по причине смирения одежды его и низости служения. Ибо согнувшись, с вретищем на спине, он разрыхлял землю около маслин; потом, принося на плечах навоз, обкладывал им корни. Брат, смотря на сие, долго оставался в нерешительности и, узнавая его, себе не верил; однако, подошед поближе и внимательно разбирая не только черты лица его, но и звук голоса,

вдруг упал к ногам его. Сперва видевшие сие поражены были недоумением, почему бы брат оказывал почесть тому, кто у них почитался последнейшим, как новоначальный и недавно оставивший мир; потом еще более поражены были чудесностью случая, когда брат объявил имя, которое у них самих было в известности и великой славе.

Все братия просили у него прощения в прежнем их неведении, по причине которого они столь долгое время причисляли его к юным и новоначальным; а он тосковал и плакал, что, по зависти диавольской, лишается приятного себе пребывания и смирения, которых он искал столь долго, о обретении коих он начинал радоваться, называл себя не заслужившим окончить жизнь в найденном состоянии повиновения. Братия повели Пинуфия против воли в его общежитие, надзирая над ним с величайшим наблюдением, чтобы он, спрятавшись, опять куда-либо не бежал.

Глава XXXI

Каким образом игумен Пинуфий, будучи приведен
в монастырь свой и пробыв там краткое время,
опять бежал в Сирию

Когда он пробыл там короткое время, то, воспламененный опять желанием смирения и

любовью к оному, воспользовался темнотою ночи и снова бежал. Но нынешний раз он уже пустился не в соседнюю область, а в чужие страны, неизвестные и дальние. Он сел на корабль и отплыл в Палестину, надеясь вернее скрыться, уехав в те места, в которых даже имя его не было слышно. Прибывши туда, он пришел прямо в наш монастырь, находящийся недалеко от вертепа, в котором Господь наш Иисус Христос благоволил родиться от Девы. Пробыв здесь кратчайшее время, он не мог укрыться по словам Господа: *яко град верху горы стоя* (Мф. 5, 14). Ибо вслед за ним некоторые братия прибыли из Египта ко святым местам для поклонения, его узнали и неотступными просьбами возвратили в общежитие.

Глава XXXII

Завещание, данное сим игуменом Пинуфием брату, коего он принимал в свой монастырь

*П*осле сего мы, прибыв в Египет, приложили всё старание отыскать сего старца, по причине дружеского знакомства, которое свели с ним в Вифлеемском монастыре. В нашем присутствии он давал наставление брату, которого принимал в свое общежитие; желаю поместить его здесь, ибо признаю поучительным. Он говорил:

«Знаешь, сколько дней ты лежал пред вратами, дабы сего дня быть принятym? Во-первых, тебе должна быть известна причина, по которой мы замедляли твоё принятие: ибо знание оной может тебе много способствовать на том пути, по которому желаешь идти, если приступишь служить Христу как следует и в должном порядке».

Глава XXXIII

Монаху, трудящемуся по преданию отцов,
предназначено великое награждение,
в противном же случае – великое наказание.
Почему не должно принимать в монастырь
с легкостью

«Обещается в будущей жизни великая слава верно работающим Богу и прилепляющимся Ему по постановлению отцов; точно так же приуготовляются тягчайшие казни тем, которые будут совершать жительство свое с хладноти и небрежением, которые возненадят принести плод святыни сообразно тому, что они обещали или чем почитали их люди, ибо говорит Писание: *благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавшися тебе, не отдати* (Еккл. 5. 4). И: *проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10). Потому-то отвергали мы тебя столь долго; а не потому, чтоб не желали всеусердно спасения

твоего и всех, чтоб не хотели выйти далеко на встречу всем стремящимся обратиться ко Христу. Мы не принимаем дерзостно, чтобы самим не провиниться пред Богом ветреностью, а тебя не подвергнуть тягчайшему наказанию в таком случае, если б ты, принятый в настоящее время с легкостью, без должного понятия о тяжести сего обета, соделался бы впоследствии нарушителем его или и исполнителем нерадивым. Во-первых, познай самую причину отречения; познав оную, яснее увидишь, как ты должен вести себя».

Глава XXXIV

**О том, что отречение наше есть не что иное,
как умерщвление и образ распятия**

«*Отречение есть не что иное, как принятие креста и умерщвления. Почему знай, что сего дня ты умер сему миру, деяниям его и пожеланиям, что, как говорит апостол, ты распялся для мира и мир для тебя* (Гал. 6, 14). Рассмотри условия креста, в таинственности коего б ты ныне должен пребывать на сем свете: уже ты не живешь! Тот живет в тебе, Кто распялся за тебя (Гал. 2, 20). И потому необходимо нам пребывать в сей жизни по состоянию и образу, преднаписанным нам Христом, когда Он висел ради нас на древе крестном, — чтобы плоти

наши, по словам Давида, пригвождены были к страху Господню (Пс. 118, 120); чтоб все воли и желания наши не служили похотению нашему, но пригвождены были к мертвости Иисусовой. Таким образом возможем исполнить заповедь Господа: *иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Конечно, скажешь: как может человек непрестанно носить крест свой и каким образом живый может вместе быть и распятым? – Услыши вкратце решение сего вопроса».

Глава XXXV

О том, что крест наш есть страх Господень

«*Наш крест есть страх Господень. Распятый уже не может двигать или обращать свои члены по желанию души своей; так и мы должны направлять воли и желания наши не сообразно тому, что нам приятно и что увеселяет нас в настоящее время; но сообразно тому, к чему закон Господень повелевает нам принуждать себя. Пригвожденный к древу крестному уже не любуется настоящим, не помышляет о своих пристрастиях; попечение и заботы о завтрашнем дне его не объемлют; в нем не движется вожделение стяжаний; он не воспламеняется ни гордостью, ни сварливостью, ни завистью, не*

скорбит о настоящих бесчестиях, о прошедших уже не помнит; хотя он еще и дышит, но считает себя по всем отношениям умершим заживо; очи сердца его устремлены туда, куда он не сомневается преселиться.

Подобно сему и мы должны быть распяты страхом Господним; должны умертвить в себе всё сие, то есть не только плотские страсти, но и самые начала их; должны непрестанно устремлять взоры души нашей туда, куда можем ежеминутно ожидать переселения. Таковым только образом возможно стяжать умерщвление всех похотей наших и всех плотских пристрастий».

Глава XXXVI

О том, что отречение
не принесет никакой пользы, если будем
возвращаться к тому, от чего отреклись

«Хранись, чтоб когда-либо не возвратиться опять к тому, что ты отверг, отрицаясь мира, хранись, чтобы, в противность запрещению Господа, не возвратиться с *села* деятельности евангельской и не взять *риз* твоих, которых ты совлекся; чтоб, вопреки заповеди Христовой, не сойти с *кровя* — совершенства — к земным вожделениям и делам сего мира, не взять обратно чего-либо из тех предметов, которых ты

отрекся (Мф. 24, 17, 18). Хранись воспоминаний о прежней привязанности к родителям, чтоб она не привлекла тебя к заботам и попечениям сего века и ты не оказался бы, по словам Спасителя, возложившим руку свою на рало, зрящим вспять и неуправляемым в Царствие Небесное (Лк. 9, 62). Хранись, чтобы, ощущивши некоторое познание в монашеском жительстве или в Священном Писании, не воистину малопомалу, чтоб не возобновилась в тебе гордость, которую теперь в своем новоначалии ты попрал горячностью веры и полнотою смирения; чтобы, снова созиная то, что разорил, не представить себе преступника, по суждению апостола (Гал. 2, 18).

Напротив — пребудь до конца в нестяжании, которое ты соблюдать обещался пред Богом и ангелами Его. Не только стой с твердостию, но и успевай, и возрастай в смирении и терпении, ныне оказанных тобою, когда лежал ты пред вратами десять дней и со слезами упрашивал быть принятым в монастырь. Вполне бедственно от самых начал спускаться долу, когда б следовало от оных возвышаться и стремиться к совершенству. Ибо не начавший сие, но претерпевший в сих до конца, твой спасен будет (Мф. 10, 22)».

Глава XXXVII

О том, что диавол всегда подстерегает наш конец,
а мы должны непрестанно блюсти его главу

«Лукавый змей всегда блюдет нашу пяту, то есть подстерегает исход наш, до конца жизни нашей старается обмануть нас (см.: Быт., гл. 3). Почему нет никакой пользы от хорошего начала, от отречения, совершенного с полным усердием, если оным не последует и оные не заключит ответственный конец, если даже до окончания жизни не сохранишь в настоящей непорочности Христова смирения и нищеты, обет коих ты ныне дал пред Ним. Чтобы исполнить сие, всегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу. Ибо тогда научишься попирать его зловредные начинания, когда не постыдишься оные открывать, все без изъятия, твоему старцу».

Глава XXXVIII

О том, чтобы отрицающийся приуготовлялся
ко искушениям и подражал немногим

«Посему, исшед для служения Господу, стань во страхе Божием, и уготови, по Писанию, душу твою не к покою, не к беспечности, не к наслаждениям, но ко искушениям и тесноте

(Сир. 2, 1). Ибо многими скорбями подобает нам винти в Царствие Божие (Деян. 14, 22). Узкая врата, и тесный путь вводяй в живот и мало их есть, иже обретают его (Мф. 7, 14). Пытайся сопричислиться малым и избранным; не охладей и не разленись по примеру многих; жительствуй подобно малым, чтоб удостоиться с малыми наследия в Царствии Божием. Мнози бо суть звани, мало же избранных; и мало стадо, ему же благоизволи Отец дати Царство (Мф. 20, 16; Лк. 12, 32). Итак, знай, что немал грех для избравшего путь совершенства гнаться за несовершенным. К состоянию совершенства ведут следующие степени и следующим порядком».

Глава XXXIX

О том, какою постепенностью
достигают совершенства

«Начало нашего спасения, хранитель его, как я уже сказал, есть страх Божий. Им доставляется и начало обращения, и очищение от страстей, и хранение добродетелей в тех, которые наставляются на путь совершенства. Когда страх Божий проникнет в сердце человеческое, то рождает презрение всех вещей, забвение родителей и ненависть к самому миру. От

презрения и оставления всех стяжаний рождается смиление.

Признаки смиления суть: **первый** — если кто умертвил в себе все свои воли; **второй** — если не скрывает от своего старца не только никакого поступка своего, ни нижé помышления; **третий** — если все действия свои расположает по рассуждению старца, а не по-своему и внимает с жаждою и охотою его наставлениям; **четвертый** — если наблюдает во всем послушание, кротость, терпение и постоянство; **пятый** — если не только сам не наносит никому никакого оскорблений, но и о нанесенном себе от другого не скорбит и не печалится; **шестой** — если ничего не делает, ничего не предпринимает, не основанного на общих правилах или на примере старших; **седьмой** — если благодушествует во всех унижениях, во всех поручаемых ему делах, считая себя делателем злым и недостойным; **восьмой** — если называет себя последнейшим всех не поверхностно, одними устами, но по самой вещи считает себя таковым в глубине сердца; **девятый** — если обуздывает язык и удерживается от крикливости; **десятый** — если не удобопополнован и склон к смеху. По сим признакам и им подобным познается истинное смиление. Когда

оно поистине в тебя вселится, то немедленно возведет на высший степень, в любовь, не имеющую страха, посредством которой всё, что прежде сохранял не без мучений страха, начнешь соблюдать без всякого труда, как бы естественно, без всякого созерцания казни, без всякого страха, по самой любви к добру, по наслаждению добродетелью».

Глава XL

О том, что монах не должен
заимствовать примеры совершенства от многих,
но от одного или немногих

«Чтобы удобнее сего достигнуть, то, живя в общежитии, заимствуй примеры для подражания совершенной жизни не от многих, но от малых, и именно от одного или двух. Ибо, кроме того, что жительство испытанное и вполне очищенное находится не в многих, и та проистекает польза, что новоначальный примером и наставлением одного может тщательнее образоваться к сему предложению, то есть к пребыванию в общежитии».

Глава XLI

О том, что должно переносить или выдерживать пребывающему в общежитии

«Чтобы достигнуть всего сего, чтобы постоянно пребывать под сим духовным правилом, ты должен непременно сохранять в общежитии сии три условия, по наставлению Псалмопевца: *аз же яко глух не слыхах, и яко нем не отверзаяй уст своих; и бых яко человек не слышай и не имай во устех своих обличения* (Пс. 37, 14—15). Будь подобен глухому, немому и слепому. Как слепый, не смотри на что-либо неназидательное, если и увидишь оное; взирай только на того, кто по причине своего достоинства избран для тебя в образец подражания, дабы не прельститься примером делающих худое и не уклониться к тому, что зловредно, к тому, что ты прежде осуждал. Если услышишь непослушного, прекословного, злословящего или позволяющего себе что в противность завещанию, тебе данному, то не соблазнись, не увлекись его примером к подражанию ему, но пропусти всё сие мимо ушей, как глухий, совершенно ничего не слышащий. Если кто тебя или другого осыплет ругательствами и бесчестиями, то будь непоколебим, будь нем для возмездия подобным же ответом, завсегда

воспевая в сердце твоем сей стих Псалмопевца: *рех: сохраню пути мои, еже не согрешати ми языком моим: положих устом моим хранило, внегда востати грешному предо мною. Онемех и смирихся, и умолчах от благ* (Пс. 38, 1–3).

Но следующее, четвертое условие возделывай паче всего: в нем заключается приготовление к трем вышесказанным и предписание их. Именно: *будь, по завещанию апостола, безумен в веке сем, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18); то есть не рассуждай, не суди о том, что будет тебе приказываемо; но со всею простотою и верою всегда сохраняй послушание, считая только то святым, полезным, мудрым, что таковым признано или законом Божиим, или рассмотрением старца. Утвержденный на сих правилах, ты можешь провести всю жизнь в монастыре, и никакое искушение, никакое злоумышление вражеское не в силах будет исторгнуть тебя из общежития».

Глава XLII

О том, что монах не должен ожидать
блага терпения своего от добродетели других,
но от своего великодушия

«*У* потому ты не должен надеяться, что терпение твое будет происходить от добродетели

других, то есть что ты возможешь стяжать его только тогда, когда никем не будешь прогневляем. Чтоб не случилось сего последнего — это не в твоей власти; напротив — смирение твое и великодушие зависят от твоего произвола».

Глава XLIII

Краткое повторение исследования,
в коем было изложено, каким образом монах
может достигнуть совершенства

«Чтобы все сие, изложенное в пространной беседе, ты удобнее мог внедрить в сердце и тверже содержать в памяти, то из оной составлю краткое извлечение, посредством которого ты бы мог удобнее всё обнять и упомнить заповеди по причине краткостного изображения самой их сущности. Итак, услышь вкратце порядок, которым можно без всякого труда и легко взойти на высоту совершенства.

По свидетельству Писаний, начало спасения нашего и премудрости есть страх Господень (см.: Притч. 1, 7). От Господня страха рождается спасительное сокрушение сердца. От сердечного сокрушения происходит отречение, то есть отвержение и презрение всех стяжаний. От нестяжания порождается смирение. От смирения — умерщвление волей. От умерщвления

волей искореняются и увядают все страсти. По исторжении страстей — добродетели возрастают и плодоприносят. От расположения добродетелей приобретается чистота сердца. Чистотою сердца стяжевается совершенство апостольской любви».

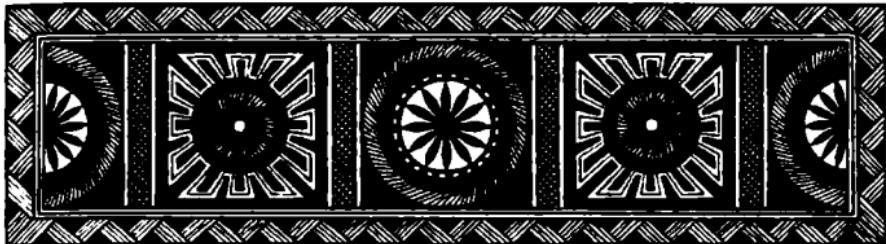

Killala 11th Oct.

D. *Dyora* *Uncinata* *aggregata*

Chancery.

Algunas plantas epífitas en colonias raras - en menor
cuanto. No se considera antigua cultura, porque son las más
típicas americanas. La permanencia por más tiempo de las colonias
de plantas se considera generalmente un factor importante. Siendo que
nada es permanente, más antigua cultura es mayor. Europa -
Asia - África - América - Oceania, no es una colonia permanente regular.
más antigua, más antigua. América - Asia. Europa -
África. América - África, considera de menor, es más antigua.
Asia - Europa - África, una colonia regular más antigua. Europa -
Asia - África. Europa es de antigua, América más antigua de menor
antigüedad, dándose las plantas más antigua, más antigua

КНИГА ПЯТАЯ

О духе чревообъядения

Глава I

При помощи Божией приступаем к сочинению уже и сей пятой книги. Ибо по составлении четырех книжек, предметом коих были монастырские постановления, мы располагаемся, при пособии Господа, за ваши молитвы выступить в ратоборство противу осьми главных страстей. Первая из оных есть чревообъядение; так именуется похотение гортани. Вторая — любодеяние. Третья — сребролюбие, под сим именем разумеется скопость или, точнее выражить, любовь к деньгам. Четвертая — гнев. Пятая — печаль. Шестая — уныние, состоящее в тесноте или скуче сердечной. Седьмая — тщеславие, что означает пустую или суэтную славу. Осьмая — гордость. Вступая в сие сражение, наиболее ныне нуждаемся в твоих молитвах,

блаженнейший папа Кастор, чтоб надлежащим образом исследовать свойства их, столь утонченные, столь прикровенные, столь темные; по том удовлетворительно изложить причины их; наконец, представить приличные врачевства и образ врачевания оных.

Глава II

О том, что причины страстей живут во всех, но что оных никто не знает; что для обнаружения их нуждаемся в Божией помощи

Причины сих страстей, как скоро будут объяснены преданиями старцев, немедленно всеми познаются, точно так же, прежде нежели будут открыты; их никто не знает, хотя они живут во всех людях и всех терзают. И мы тогда только надеемся сколько-нибудь объяснить оные, когда также низойдет к нам по представительству вашему Тот, Кто предвозвещен словом Господним чрез пророка Исаию: Аз пред тобою пойду и горы уравню, врата медяная сокрушу и вефи же лезные сломлю, и дам ти сокровища темная сокровенная: невидимая отверзу тебе (Ис. 45, 2–3). Слово Божие, предходя нам, да смирит сильных земли нашей, то есть те зловредные страсти, кои мы желаем низложить, кои стремятся присвоить себе господство и суровейшее преобладание в

мертвенном теле нашем, да подчинит их исследованию и истолкованию нашему, и, сокрушив врата неведения нашего и сломив запоры страстей, возбраняющие нам истинное знание, да руководит нас к сокровенным нашим тайнам, и, просветив нас, да *приведет во свет*, по апостолу, *тайная тмы, да объявит советы сердечные* (1 Кор. 4, 5). Таким образом, проникая чистейшими очами душевными во мрак мерзостных страстей, можем обнаружить и объяснить оные, раскрыть их причины и свойства для тех, кои или не имели их, или ими связаны доселе; таким образом пройдем чрез огнь страстей, жестоко поджигающих сердца наши, и, неврежденные оным, немедленно можем пройти чрез воды добродетелей, коими сей порочный огнь погашается; тогда, исцеленные духовными врачевствами, удостоимся посредством чистоты сердечной входа в прохладу совершенства.

Глава III

О том, что первая борьба предстоит нам
противу духа чревообъядения,
то есть противу похоти гортанной

*У*так, первое сражение, в которое мы должны вступить, есть против чревообъядения, о коем мы сказали, что оно есть похотение

гортани. Намереваясь говорить сперва о образе постов и качестве постов, мы опять обращаемся к преданиям и постановлениям египтян; всякий знает, что их правила воздержания суть возвышеннейшие, а рассуждение — совершеннейшее.

Глава IV

**Свидетельство аввы Антония, научающее,
что в каждой добродетели должно наставляться
у того, кто в оной особенно процветает**

*С*уществует древнее, достойное удивления мнение блаженного Антония, что монах после образования в общежитии, стремящийся достигнуть высочайшего совершенства, получивший дар рассуждения и потому могущий управляться собственным разумом и вступить в пристанище отшельничества, не должен заимствовать все роды добродетелей от какого-либо одного великого святого. Ибо один особенно украшается цветом знания; другому сообщен сильнейший дар рассуждения; иный стяжал великое терпение; иный отличается смирением; иный добродетелью постоянства; иный светит благодатью простоты. Сей превосходит прочих великодушием, тот милосердием, иный неусыпностью в бдениях, иный молчаливостью, иный неутомимостью в трудах.

Почему монах, желающий собрать мед духовный, должен, подобно премудрейшей пчеле, извлекать назидание в каждой добродетели у того, кто особенно обладает оною, и рачительно слагать оное в сосуд сердечный; не рассматривать недостатков, если в ком найдутся, но созерцать одну лишь его добродетель и весь цветок срывать с рачительностью. Ибо если мы захотим заимствовать всё от одного, то с трудом найдем пример, удобный к подражанию, или, наверно, никогда не найдем оного. Ибо хотя и не видим еще, чтоб, по словам апостола, *Христос был всяческая и во всех* (Кол. 3, 11), однако по частям можем его найти во всех. О Нем говорится, что *Он бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30).

Поелику же в одном обретается премудрость, в другом правда, в ином святость, в ином кротость, в ином чистота, в ином смирение, в ином терпение, то Христос ныне разделен по членам и находится в каждом святом. Когда же они соединяются в одно единство веры и добродетели, то соделываются мужем совершенным, совершая исполнение тела Христова соединенными свойствами каждого члена.

И потому, доколе не пришло то время, в которое Бог будет *всяческая во всех*, в настоящее

время может быть Бог во всех сказанным нами образом, частными добродетелями, хотя полно-
тою их еще не есть *всяческая во всех*. Хотя один конец благочестия, но роды жительства, при-
водящие нас к Богу, различны, как в «Беседах старцев» будем рассуждать пространнее. Посе-
му образцы рассуждения и воздержания будем в особенности снимать с тех, в коих излились обильнее сии добродетели благодатию Святого Духа, не с тем, чтоб один мог стяжать то, что разделено по многим, но чтоб в том благе, к ко-
ему окажемся способными, стремиться к подра-
жанию тем, кои онем в особенности обиловали.

Глава V

О том, что единообразные правила поста не могут наблюдаться всеми

*Д*ля образа пощения невозможно поста-
новить единообразных правил: ибо не все тела имеют одинаковую крепость, и добродетель воз-
держания не исправляется, как прочие доброде-
тели, одною душевною силою. Она не зависит от одного сердечного мужества, но в соверше-
нии оной участвует и тело; почему мы приняли относительно сего таковое определение, нам преданное: **время, образ и качество пищи долж-
но быть различное, по различному телесному**

устройению, возрасту и полу. Однако для сохранения ума в бодрости и души в добродетелях одно правило для всех: наблюдать умеренность.

Невозможно для всех продлить пост в продолжение целой недели, но ниже откладывать употребление пищи до третьего или второго дня. Многие же, обремененные недугами и великою старостью, не могут без большого труда перенести неядение до захождения солнечного. Не всем прилична слабая пища из моченых овощей; не все могут употреблять свежую зелень; не всем дозволяется насыщение сухим хлебом. Иной не чувствует сытости, употребив количество хлеба в два фунта, а другой отягчается от одного фунта или шести унций. Однако для всех сих один предел воздержания: чтобы никто по причине жадности не отягчался сверх меры, требуемой естеством, и сверх сытости. Ибо не только качество, но и количество пищи притупляет остроту сердца и, отягчая ум равно как и тело, возжигает пламень зловредных страстей.

Глава VI

О том, что не одним только вином упивается ум

Чрево, учрежденное каким бы ни было родом пищи в излишестве, рождает семена невоздержания; ум, обремененный тяжестью яств,

не в состоянии управлять рулем рассуждения. Ибо не только от излишнего употребления вина упивается ум, но и излишество всякого рода яств соделывает его расслабленным и колеблющимся. Причиною разрушения и погибели Содома было не излишнее употребление вина, но сытость хлеба. Услышь Господа, претяжшего Иерусалиму чрез пророка: *сие беззаконие сестры твоей Содомы, гордость в сытости хлеба* (Иез. 16, 49). От сытости хлеба содомляне возжгли неугасимый пламень в телах своих и были попалены по суду Божию серным огнем, сшедшим с неба. Если одна сытость хлеба низвергла их в толикую пропасть беззаконий страстью невоздержания, то что должно заключать о тех, кои при телесном здравии употребляют мясо и вино в безмерном множестве, не с целью подкрепления слабых сил, но удовлетворяя пожеланию любодействующей души.

Глава VII

О том, что слабость тела не может препятствовать чистоте сердечной

Слабость тела не препятствует чистоте сердца, если только употребляется в пищу требуемое не похотением, а немощью. Удобнее побеждаются, как мы видим, совершенно воздержи-

вающиеся от сильных яств, коих умеренное употребление дозволено в нужде, и по любви к воздержанию отказывающие себе во всем, нежели вкушающие по причине немощи и сокращающие предел самодовольства. И телесная немощь имеет свою победу воздержания, когда в пище, допущенной по слабости тела, наблюдается некоторый недостаток, и снисходится вкушение оной, только необходимое для поддержания жизни, определенное строгим рассуждением, и для сохранения умеренности отказывается в количестве, требуемом желанием аппетита. Вкусная пища доставляет здравие телу и не убавляет чистоты целомудрия, если употребляется с умеренностью. Ибо, сколько по причине пищи приобретается крепости, столько оной изждивается болезнями и слабостью. Почему как никакое состояние не лишается добродетели воздержания, точно так никому не невозможно достижение совершенной чистоты.

Глава VIII

О том, как должно употреблять пищу по отношению к аппетиту

*И*так, по истиннейшему и изящнейшему мнению отцов, устав поста и воздержания заключается единственно в исправлении и соблюдении

умеренности; а верх совершенства в сей добродетели вообще для всех состоит в том, когда при действии еще аппетита воздерживаемся от пищи, которую принуждены употреблять по необходимости для поддержания тела. Почему и немощный телом, если будет твердостью ума отсекать те пожелания, кои возбуждаются в чреве не по причине слабости телесной, то стяжет совершенство в сей добродетели, равное крепким и здравым. Апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Он не воспрещает совершенно всякое попечение о ней, но отвергает исполнение ее пожеланий; отсекает сладострастное угоджение телу, не отвергает окормления, нужного для жизни. Первое нужно, чтоб мы, снисходя телу, не уклонились в злопредные пожелания и занятия; а второе, чтоб, повредив тело наше лишениями, мы не соделали оного неспособным к отправлению духовных и прочих нужных служений.

Глава IX

О том, до какой степени должна простираться умеренность в пище, и какие нужно сохранять условия, чтоб пост был правилен

*И*так, степень воздержания должна определяться прежде всего судом совести, а не только

положенным временем и количеством употребляемой пищи. Каждый должен предписать себе воздержание в такой степени, каковая нужна для противоборства восстаниям плоти. Полезно и всячески должно наблюдать посты, узаконенные правилами; но если употреблению пищи не будет сопутствовать вышесказанное сохранение умеренности, то невозможно достигнуть до совершенства чистоты. Продолжительное неядение, когда за ним следует сытость, рождает, скорее, временную тяжесть, нежели способствует к приобретению чистоты целомудрия. Бодрость ума находится в зависимости от неотягченного чрева. Каждый, не наблюдающий постоянного равенства в воздержании, не имеет и постоянной чистоты целомудрия. Очень строгое пощение, когда за оным следует употребление пищи с излишеством, соделывается напрасным и очень скоро превращается в страсть чревообъядения. Лучше ежедневное употребление пищи с благоразумною умеренностью, нежели жестокий и продолжительный пост по временам. Неумеренное неядение не только может поколебать постоянство ума, но и, обессилив тело, ослабить силу молитвы.

Глава X

Для сохранения чистоты умственной и телесной недостаточно одного воздержания от пищи

Для сохранения чистоты умственной и телесной недостаточно одного воздержания от пищи, если душа не стяжет и прочих добродетелей. Во-первых, должно научиться смиреннию послушанием, сокрушением сердечным и телесными подвигами. Не только должно уклоняться от стяжания денег — и самое пожелание оных исторгнуть с корнем. Ибо недостаточно не иметь их, что часто случается по необходимости, но не надо даже иметь расположения принять оные, если б они и были принесены. Воспаления гнева должны быть укroщены, печаль — преодолена, тщеславие или суетное славолюбие — пренебрежено, напыщенность гордости — попрана, развлечение скитающегося и непостоянного ума обуздано прилежною памятью Божией. Мы должны возвращать к созерцанию Бога наше непостоянное и переменчивое сердце, сколько бы раз лукавый враг, всегда покушающийся отклонить мысль нашу от сего созерцания, ни увлекал нашего сердца к удалению от богомыслия.

Глава XI

Похотения сердечные не иначе погашаются,
как искоренением всех страстей

*Н*евозможно погасить огненных побуждений плоти, не истребив прежде с корнями хвастия [хвороста] прочих главных страстей, о коих будем рассуждать, Бог даст, в отдельных книжках, — о каждой страсти особенно. Ныне же мы предположили рассмотреть чревообъядение, или похотение гортани, противу коего предлежит нам первое сражение. Ибо каждый, не могущий обуздать пожеланий гортани, никогда не возможет воспротивиться горящим стрелам похотения. Целомудрие внутреннего человека познается по совершенству в сей добродетели. Никогда не надейся, чтоб тот возмог сразиться с сильнейшим противником, кого увидишь побежденным, слабейшим и в борьбе легчайшей. Ибо всех добродетелей свойство одно, хотя и кажется, что они разделяются на многие виды и носят многие названия, так как и сущность золота одна, хотя и представляется по воле и искусству художника во многих и различных видах разнообразной утвари.

Итак, кто лишен одной из них, то сим доказывается, что он не имеет совершенно ни одной. Ибо как можно поверить, чтоб кто-либо погасил

горящий пламень похотения, возжигаемый не только расположением тела, но развращением ума, когда он не возмог укротить порывов гнева, обнаруживающихся от необузданности сердца? Или как счастье отразившим любострастные стремления души и тела того, кто не в состоянии был победить гордости, страсти несложной? Как признать кого уничтожившим расположение к плодородию, телам природное, когда он не мог отречься от страсти к деньгам, внеестественной и чуждой нашего существа? Каким средством может восторжествовать на брани душевной и телесной тот, кто не был способен уврачевать недуг печали? Град, как бы ни был укреплен высотою стены, твердостью затворов и заклепов, однако подвергается опустошению, если найдется хотя малейшая скважина, отворяющая в оный вход. Ибо какая в том разница, если злобный враг овладеет городом, проникнувши в оный чрез тесный, скрытый проход, а не прошедши чрез высокую стену или во врата, растворенные настежь.

Глава XII

О том, что в сражении духовном
должно брать пример с сражения материального

Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно мучен будет (2 Тим. 2, 5). Желающий

погасить естественные пожелания тела, должен сперва преодолеть страсти, находящиеся вне естества. Если желаем узнать силу сего изречения, сказанного апостолом, то мы должны наперед знать, в чем состоят законы и правила сражений сего мира, дабы после уразуметь из сего сравнения, чему сим примером блаженный апостол хотел научить нас, подвигающихся в духовной брани. В тех сражениях, в коих, по мнению того же апостола, приготавляется победителям **тленный венец** (2 Тим. 2, 5), сохраняется обычай, чтобы стремящийся к получению славного венка, украшенного неоспоримым преимуществом, и совершенной награды за победу должен сперва показать юношеские способности и первые опыты своей силы на Олимпийских и Пифийских публичных играх. Здесь юноши, желающие предупеть в сем искусстве, рассматриваются как председательствующим на играх, так и всем народом, достойны ли быть в числе борцов и могут ли быть к сему допущены. Каждый тщательно рассматривается, не запятнан ли он в жизни своей каким бесчестием; потом — не рабского ли он сословия, принадлежащий к коему признается недостойным сего искусства, недостойным быть допущенным в общество тех, кои оным занимаются; в-третьих, принесет ли

достаточные доказательства своего мужества и искусства, и, сражаясь с сверстными себе юношами, обнаружит ли доблесть и силу свою? Когда он окажет успехи в борьбе с юношами, тогда председательствующий по своему усмотрению допускает его к общству мужей совершенного возраста, испытанных долговременной опытностью. Когда и здесь в частых схватках он не только докажет, что равен им в силе, но и неоднократно получит между ими победную ветвь, тогда уже удостаивается быть допущенным к славным подвигам на публичных играх, на коих дозволяется сражаться только тем, кои украшены одними победами и получили в награду многие венки. Поняли ли пример борьбы мира сего? Применяясь к сему, равномерно можем познать, какой образ или порядок наблюдается в борьбе духовной.

Глава XIII

Если не будем освобождены
от страсти чревообъядения, то никак не можем
достигнуть до браней внутреннего человека

Также и нам должно доказать свободу нашу, во-первых, побеждением плоти. Им же бо кто побежден бывает, сему и работен есть (2 Пет. 2, 19). Всяк творяй грех раб есть греха

(Ин. 8, 34). Когда председательствующий при совершении борьбы найдет, что мы не запятнаны никаким пятном скверного похотения, не признает нас недостойными, как низких рабов плоти, к олимпийской борьбе противу страстей, — тогда возможем вступить в сражение с сверстниками нашими, то есть с вожделениями плоти, с волнениями и возмущениями душевными. Ибо невозможно при сытости чрева познать опытно браны внутреннего человека; неприлично тому покушаться на труднейшие сражения, кто может быть низложен на легчайшей стычке.

Глава XIV

Каким образом должно побеждать чревообъядение

*П*режде всего должны мы попрать вожделение гортани. Ум должен быть истончен не только постом, но и бдением, и чтением, и сокрушением сердечным, вспоминая, в чем, может быть, был прельщен или побежден, вздыхая то от ненависти к страстям, то будучи воспламенен желанием совершенства и чистоты; должен быть истончен до того, доколе занятый и обладаемый таковыми размышлениями почитал бы употребление пищи не доставлением удовольствия, но бременем, на себя возложенным; чувствовал бы, что

пища есть необходимая принадлежность тела, а не предмет пожеланий душевных. Находясь в сем делании ума и в непрестанном сокрушении сердца, мы можем укротить взыграния и злорвное жало плоти, которая, будучи согреваема яствами, особенно неистовствует; мы можем обилием слез и плачем сердечным угасить печь плоти нашей, которую царь Вавилонский старается непрестанно разжигать, доставляя случаи ко грехам и падениям, дабы от оных, как от наффы [нефти] и хвастия, мы жестоко горели: тогда благодать Божия обновит сердца наши духовною росою и совершенно угасит пламенья плотского вожделения.

Итак, в побеждении чревного и гортанного похотения желанием совершенства заключается цель первой борьбы нашей, состоит первое испытание наше по подобию поединков олимпийских. Желанием совершенства не только уничтожается излишнее пожелание пищи от созерцания добродетелей, но и пища, естественно необходимая, употребляется не без сердечной скорби, как противодействующая естеству. Наконец течение нашей жизни устраивается так, что ни в какое время не чувствуем себя столько отвлекаемыми от духовных занятий, как в то, в которое принуждены бываем снизойти к необ-

ходимым попечениям о теле, по причине его слабости. Когда же подчинимся сей необходимости, не ласкательствуя пожеланию души, но для поддержания жизни, то спешим как можно скорее урваться от сего занятия, как отвлекающего нас от занятий спасительных. Ибо никак нам невозможно в присутствии яств укротить пожелание, если ум, углубленный в Божественное созерцание, не будет увеселяться более добродетелями и красотами небесными. Таким образом, кто презрит всё настоящее, как скорогиблиющее, неуклонно устремля взоры ума к непременяемому и вечному, тот, находясь еще в теле, уже сердцем созерцает блаженство будущей жизни.

Глава XV

О том, что монах должен непрестанно внимать хранению чистоты сердечной

*Е*сли кто, устремив пристальные взоры, стремится вместе с прочими, направившими стрелы попасть в цель, обозначенную на высоте некоторым легким признаком, за что определена великая награда, как бы за необыкновенный подвиг, — тот, отвратив глаза от всех предметов, направляет их к цели, зная, что единственно прободение оной доставит безмерную славу и награду; если же он сколько-нибудь отклонит от

оною свои взоры, то потеряет, без всякого сомнения, похвалу за искусство и награду за ловкость.

Глава XVI

Монах, не победив плотской брани,
не может устоять в бранях духовных,
по подобию Олимпийских игр

*У*так, преодолев похотение чрева и гортани, чуждые порабощения плоти, не запечатленные скверными страстями, мы бываем признаны, как бы по правилам наблюдаемых при подвигах олимпийских, достойными к высшему сражению; тогда полагают с достоверностью, по сим предварительным доказательствам нашего искусства, что мы можем равномерно сразиться с душевными страстями, с коими допускаются сражаться только победители, удостаиваемые духовного сражения. Твердейшее основание всех борений состоит в том, что прежде были уничтожены все пожелания и побуждения плотские. Ибо никто не может законно подвизаться, не победив собственной плоти. Не сражающийся законно, без сомнения, не возможет ни выдержать сражения, ни заслужить венца славы и благодати победы. Если же будем побеждены на сем сражении, признаны рабами плотского вожделения и по сей причине лишены знамений

свободы и мужества, то с бесчестием изгоняемся совершенно с поприща духовных сражений, как рабы недостойные. Ибо *всяк творяй грех раб есть греха* (Ин. 8, 34). Блаженный апостол говорит нам вместе с теми, между коими именуется любодеяние: *искушение вас не достиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13). Ибо те из нас, кои не могут покорить слабой плоти, противящейся духу нашему, не достойны упражняться в тягчайшем борении с злобою поднебесного, совершааемом по стяжании умом крепости. Некоторые, не понимающие смысла сих слов апостола, употребили вместо изъявительного залога желательный, сказав: *да не достигнет вас искушение, точию человеческое*. Но явно, что апостол сказал сие, излагая не желание, но мнение и порицание.

Глава XVII

Основание духовного подвига заключается
в борьбе противу чревообъядения

Хочешь ли услышать истинного подвижника Христова, подвигающеся законно? — Аз, говорит он, убо тако теку, не яко безвестно, тако подвигаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како иным проповедуя, сам неключим буду (1 Кор. 9, 26—27). Видишь ли, что он поставляет в себе самом, то есть в

своей плоти, как в некотором твердейшем основании, сущность борений и успех сражения полагает в побеждении плоти и в покорении своего тела? *Тако теку, не яко безвестно.* Не течет безвестно тот, кто, взирая на небесный Иерусалим, стремится неуклонно туда, куда должно быть направлено желание сердечное. Не течет безвестно тот, кто, забывая заднее, простирается к преднему, к назначенней почести высшего звания Бога во Христе Иисусе, направляя непрестанно к оному взоры ума и стремясь к оному со всею готовностью сердца, кто восклицает с дерзновением: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). И поелику он знал о себе, что тек неутомимо вслед вони благоухания Христова с превосходною чистотою совести и обузданием плоти одержал победу в сражении на духовном поприще, то с смелостью прибавляет: *прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия* (2 Тим. 4, 8).

Чтобы и нам отворить подобную надежду воздаяния, если захотим подражать ему в течении по сему поприщу, прибавляет: *не токмо мне, но и всем возлюбльшим явление Его* (Там же). Он обещает, что в день Суда соделаемся мы участниками венца Его, если будем любить явление

Христово, не то только, которое откроется и для нехолящих, но которое ежедневно совершается в святых душах, когда приобретаем победу на сражении обузданием тела. О сем явлении сказал Господь в Евангелии: *Отец мой и Я возлюбим его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И еще: *се, стою при дверех и tolку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною* (Апок. 3, 20).

Глава XVIII

О том, через какие роды сражений и побед
блаженный апостол мог достичь до венца
высшей награды

*О*н описывает себя не только совершившим течение поприща, когда говорит: *тако теку, не яко безвестно*, что особенно относится к тщаливости ума его и горячности духа, с полнотою коих он последовал Христу, воспевая с Невестою: *вслед Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 3). И еще: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9); но свидетельствует, что он остался победителем на известном роде сражения: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 26–27), что собственно относится к болезням воздержания, к посту телесному,

к удручениям плоти. Сим выражается он о себе, как о некоем мужественном борце противу своей плоти, — означает, что не напрасно вооружался он на нее мечом воздержания, но стяжал чрез сие победу в войне — умерщвление плоти своей: она, будучи обуздана ранами воздержания и обессиlena ударами постов, принесла победителю духу венец бессмертия и победную ветвь нетления.

Видишь ли законный порядок борения? Со-зарцаешь ли конец, увенчивающий духовные борения? Усматриваешь ли, каким образом подвижник Христов восхищает победу у мя-тежной плоти, повергает оную как бы к ногам своим, дабы, соделавшись победителем, быть введенным в высокая. Он не течет **безвестно**: ибо надеется немедленно взойти во Святый Град, Иерусалим небесный! Борется (то есть постами и телесными подвигами) *не яко воздух бияй*, то есть не напрасно нанося воздержанием удары, коими, обуздывая свое тело, он поражал не пустый воздух, но духов, пребывающих в сем воздухе. Сказав: *не яко воздух бияй*, показал, что хотя и не поражает он пустого обыкновенного воздуха, но некоторых в воздухе. Поелику же он победил в сем разряде сражений и был обогащен многими наградами и венцами, то не недостойно

начал выдерживать сражение с крепчайшими врагами и, восторжествовав над первыми со- противниками, с благонадежием провозглашает и говорит: *уже несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к мицодержите- лем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Глава XIX

**О том, что подвижник Христов,
доколе находится в теле, не бывает без браны**

Подвижник Христов, доколе пребывает в теле, не может иметь недостатка в победной почести за сражения, но, чем более будет возрастать, торжествуя и преуспевая, тем будут наступать по порядку крепчайшие борения. Ибо по покорении и по победлении плоти, коликие полки противников, коликие толпы врагов восстают противу победоносного воина Христова, завидуя торжеству его? Сие попускается, дабы воин Христов не изнежился спокойствием мира, не начал бы забывать славного искусства своего в борении, не сделался небрежливым от праздности и безопасности и не утратил наград и заслуг, приобретенных на первых сражениях.

Итак, если желаем возрастать в добродетели и взойти на сию степень торжества, то должны

в том же порядке вступать в сражения и говорить с апостолом: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 26–27), дабы, одержав верх на сем сражении, могли опять сказать с ним: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к мицодержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Иначе никак невозможно вступить в борение с ними; будем недостойны участвовать в духовной брани, будучи ниспревергнуты на сражении с плотью и сокрушены в борьбе с чревом; по справедливости будут относиться к нам слова, сказанные апостолом: *искушение вас не достиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13).

Глава XX

О том, что монах не должен употреблять пищи вне положенного времени, если хочет достигнуть поприща внутренних браней

*П*осему монах, желающий достичь сражений, встречающихся на поприще внутренней брани, должен, во-первых, положить себе за правило сохранение осторожности в том, чтоб не победиться прелестью какой пищи или пития и отнюдь не снизойти себе, не вкусить наедине, вне трапезы, прежде установленного правилами

часа дня общественного вкушения. И по окончании стола никак не должно позволять себе употребления чего-либо самомалейшего. Подобным образом должно сохранять узаконенные времена и меру для сна. Таковое сладострастие души должно отсекать с тою целью, чтобы быть в состоянии побеждать страсть блудную. Ибо немогущий обуздать излишних пожеланий гортани, каким образом возможет погасить пламень плотского вожделения? Кто не в состоянии укротить явных лукавых страстей, как победит правителем — рассуждением скрытые страсти, скоктание [приятность] коих не видно никому из человеков? Почему сила души может быть испытана одним каким-либо движением или пожеланием: если она побеждается малыми и явными похотениями, то может ли выдержать великие, крепкие и тайные? Пусть каждому свидетельствует о сем собственная совесть.

Глава XXI

О внутреннем мире монаха и духовном воздержании

*М*ы не должны страшиться противника извне: ибо враг гнездится в нас самих. Ежедневно производится в нас внутренняя брань: когда всё, нападающее извне, будет побеждено

и соделается бессильным, тогда всё успокоится и воину Христову покорится. Не будет иметь врага, коего бы должно страшиться извне, если то, что внутри нас, будет побеждено и порабощено духу. Мы не должны полагать, чтоб достаточно было одного сего наружного воздержания от пищи для стяжания телесной чистоты и сердечного совершенства, если к наружному посту не присоединится пост душевный. Ибо и душа имеет свои зловредные яства, коими утучненная, и без обилия пищи она уклоняется к стремнинам сладострастия. Злоречие есть пища ее — и весьма приманчивая; гнев также есть ее пища, хотя и менее легкая, доставляющая ей бедственное вкушение в известные часы и также погружающая ее в мертвый сон. Зависть есть пища ума, повреждающая оный ядовитою отравою и непрестающая жестоко мучить оный благополучием и успехом ближнего. Тщеславие, то есть суетная слава, есть ее пища, по временам ласкательствующая ей внушением усадительным, впоследствии же опустошающая, обнажающая, лишающая всякой добродетели, соделывающая ее суетною, неспособною к принесению духовных плодов, так что не только погубляются величайшие труды и заслуги, но и приготовляются вместо оных казни. Всякое вожделение и скитание непостоянного

сердца также есть пастище души, питающее оную зловредною пищею, а впоследствии лишающее небесного хлеба и твердой пищи.

Воздерживаясь от всего сего, сколько в нас силы, и постясь постом священнейшим, соделаем полезным для себя и удобным соблюдение поста телесного. Ибо телесный труд, соединенный с сокрушением сердца, составляет жертву, благоприятнейшую Богу, и обиталище, достойное святыни в чистом и непорочном вертепе. Если же, постясь телесно, опутываемся пагубнейшими душевными страстями, то нет никакой пользы в телесном удручении, когда честнейшая часть осквернена, то есть когда мы согрешаем тою существенною частью, посредством которой сodelываемся жилищем Святого Духа. Ибо не столько тело, подверженное тленнию, сколько сердце чистое бывает жилищем Божиим и храмом Святого Духа. И потому, когда постится внешний человек, тогда и внутренний должен равным образом воздерживаться от зловредных яств и оного представлять Богу чистым, чтобы удостоиться принятия в себя гостя — Христа. К сему увещевает блаженный апостол сими словами: *во внутреннем человеке, говорит он, вселится Христу верою в сердца ваши* (Еф. 3, 16–17).

Глава ХХII

О том, что для того именно и должно нам
упражняться в телесном воздержании,
чтоб посредством оного достигнуть поста духовного

*И*з сего познаем, что мы должны прилежать труду воздержания телесного, чтоб сим постом достигнуть до чистоты сердечной. Впрочем, труд наш будет напрасен, хотя б мы даже неутомимо устремляли взоры на конец, если конца сего, ради коего понесли толикие скорби, невозможем достигнуть. Лучше б было воздерживаться от воспрещенных яств души, нежели отнимать постом у тела яства произвольные и менее вредные. Употребляя сии последние, мы употребляем простые и безвредные творения Божии, кои сами по себе не заключают в себе никакого греха, а в первых заключается пагубное пожирание братий, о коем сказано: *не люби клеветати, да не вознесешися* (Притч. 20, 13). А о гневе и зависти говорит блаженный Иов: *безумнаго убивает гнев, заблудшаго же умерщвляет рвение* (Иов. 5, 2). Заметь, что гневающийся признается безумным, а завидующий — ничтожным. Первый по справедливости признается безумным, добровольно тревожась гневом и наводя себе смерть; а второй, завидуя, доказывает, что он очень мал, ничтожен. Ибо тем самым, что

завидует, свидетельствует о превосходстве над собою того, чье благополучие его терзает.

Глава ХХIII

Какова должна быть пища монаха

Почему пищу должно выбирать таковую, которая не только б умеряла зной пылающих вожделений и не умножала оного, но и была легка для приготовления, удобна для употребления, стоила как можно дешевле и была способна для общего употребления в собрании братий. Свойство чревообъядения троякое: первое — понуждающее предупредить установленный час употребления пищи; второе — увеселяющее сытостью и наполнением чрева какими бы ни было яствами; третье — наслаждающееся тщательно приготовленными кушаниями. Противу сего троякого свойства монах должен наблюдать троякую предосторожность: первое — ожидать узаконенного времени для разрешения на пищу; второе — не позволять себе насыщения; третье — довольствоваться какими-либо простыми яствами.

Древнейшее предание отцов утверждает, что всё, предпринимаемое вне обычая и общего употребления, осквернено недугом тщеславия, искания чести и известности. Кого мы не видели

из сияющих достоинством знания и рассуждения, уподобляющихся лучезарным светилам и представленных благодатию Христовою в пример подражания для всех, — не заметили, чтоб кто из них не употреблял хлеба, который у них дешев, и добывается легко. Из тех же, кои уклоняются от сего правила, и, оставив употребление хлеба, употребляли в пищу одни овощи, зелень и плоды, мы видели некоторых жительства весьма честного, но никто из них не имел благодати рассуждения или знания.

Отцы рассуждают, что монах не только не должен изыскивать неупотребительных яств, дабы подвиг его, выставленный весь наружу, как бы напоказ всем, не соделался суетным и тщетным, не был уничтожен недугом тщеславия; но чтоб и самый общенаоблюдаемый пост он не должен легко открывать вся кому, напротив, чтоб утаивал и скрывал по возможности. Они положили: когда придут братия, то мы должны наиболее являть добродетель радушия и любви, нежели суворость воздержания и обнаруживать строгость положенного правила, и внимать не тому, чего требует наше произволение, или польза, или горячность желания, но предлагать и благосклонно исполнять то, чего требует спокойствие приходящих или их немощь.

Глава XXIV

О виденном нами в Египте разрешении поста
при приходе нашем в какой бы ни было день
без различия

Когда мы, желая изучить постановления старцев, прибыли из стран Сирийских в область — Египет и удивлялись, что там принимали нас с толиким сердечным радушием, и никогда не соблюдалось правило для употребления пищи, для чего назначен известный час, как сему мы были наставлены в монастырях палестинских. Куда мы ни приходили, разрешалось установленное пощение того дня, кроме установленного законом в среды и пятки. Мы спросили некоторого старца, почему у них так без различия упускается ежедневное пощение. Он отвечал: пост всегда со мною; но вас я должен сряду отпустить и не могу иметь всегда при себе. Хотя пост полезен и постоянно нужен; однако он есть дар и жертва произвольная; а исполнение делом любви требуется необходимостью заповеди. Принимая в лице вашем Христа, я должен угостить Его; проводя вас, могу для самого себя уравновесить таинственное услужение Христу, мною представленное с строжайшим постом. Не могут сынове брачные, дондеже жених с ними есть, поститися; егда же отъят будет от

них жених, тогда будут поститься благовременно (Лк. 5, 34—35).

Глава XXV

О воздержании некоторого старца,
который вкусили пищи в один день
шесть раз с такою умеренностью,
что сохранил алчбу

*Н*екоторый старец угощал меня обедом. Когда он стал просить меня, чтобы я еще немнога поел, а я отказался, что уже более не могу, то он мне возразил: вот я, по слухам приходивших в разное время братьев, уже шесть раз сегодня поставлял стол и, угощая каждого порознь, со всеми ими ел, и поныне мне хочется есть, а ты кушал ныне в первый раз и говоришь, что не можешь уже больше есть.

Глава XXVI

О другом старце, который никогда один не употреблял пищи в своей келлии

*В*идели мы и другого старца, пребывавшего в уединении; о нем свидетельствовали, что он никогда не позволял себе одному употребление пищи; но если бы во все пять дней недели не пришел к нему никто из братьев, то он непременно откладывал обед до субботы

или воскресенья; тогда он приходил в церковь для участия в молитвенном собрании и находил кого-либо из странников, которого уводил оттуда в келлию и вместе с ним подкреплял тело, не столько удовлетворяя собственной нужде, сколько ради человеколюбия, ради брата. Посему, как разрешают без различия ежедневный пост при пришествии братий, так и по отшествии их вознаграждают большим воздержанием то разрешение, которое себе дозволили, жестоко удручая себя малейшим употреблением пищи, уменьшая не только количество хлеба, но и сна.

Глава XXVII

Похвала Паисия и аввы Иоанна

Когда старец Иоанн, настоятель великого общежития и многочисленного братства, пришел к старцу Паисию, пребывающему в обширнейшей пустыне, и спросил у него, как у прежнего товарища: что он в продолжение сорока лет, протекших после их разлуки, не будучи тревожим братиями, исполнил в уединении?

«Никогда, — отвечал он, — солнце не видело меня ядущим». — «А меня — гневающимся», — отвечал Иоанн.

Глава XXVIII

Достопримечательное наставление
того же игумена Иоанна,
данное им пред смертию

Когда сей старец преставлялся с веселием, как бы в отчизну, и находился при последнем издыхании, то устрашенные братия, окружив его, убедительно просили, чтоб он оставил им некоторую достопамятную заповедь, как бы некоторое наследство по духовному завещанию, дабы исполнением оной заповеди они могли удобнее постигнуть в верх совершенства. Он сказал, вздыхая: «Никогда я не исполнял своей воли и никого не учил тому, чего прежде сам не сделал».

Глава XXIX

О авве Махете, никогда не спавшем
при духовных беседах и всегда засыпавшем
при беседах о земных предметах

Мы видели старца именем Махета, пребывающего вдали от общества братского. Продолжительными молитвами он испросил у Господа ту благодать, чтоб сколько ни продолжалась духовная беседа, днем ли, ночью ли, — сон совершенно бы не препятствовал ему. Если же кто

попустился бы произносить слова клеветы или праздные, — чтобы он немедленно впадал в сон, так, что самых ушей его не касалось б осквернение ядом такового разговора.

Глава XXX

Изречение того же старца о том,
что никого не должно осуждать

Сей самый старец, наставляя нас никого не осуждать, упомянул, что в трех предметах он останавливал или упрекал братий; именно: что некоторые позволяли себе подрезывать язычок в горле; что имеют по келлиям верхнее платье; что, благословляя масло, дают оное просящим мирянам. Он говорил, что все сии обстоятельства повстречались с ним. Ибо, говорил он, получив болезнь в гортанном язычке, толико истаевал от сей болезни, что, принуждаемый и силою боли, и побуждением всех старцев, позволил прорезать, отсечь себе язычок. По причине сей же болезни принужден был иметь верхнее платье.

Более всего гнушался я благословением масла и раздачею оного просящим, рассуждая, что сей поступок происходит от большой сердечной надменности; но внезапно окружили меня многие миряне и так стеснили, что я не

мог бы иначе от них избавиться, если б, принужденный с великим насилием и неотступными просьбами, не взял в мои руки принесенного ими сосудца с маслом и не знаменовал его крестным знамением. Так, полагая, что они получили благословение масла, они наконец меня отпустили.

Сими случаями мне явственно открыто, что монах, предвосхищающий осуждение других в чем-либо, опутывается теми же пороками и страстями. И потому каждый должен судить только самого себя и с предусмотрительностью и осторожностью наблюдать за собою во всем, не рассуждая о поведении и жительстве других, по оной заповеди апостола: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господева стоит или падает* (Рим 14, 4). И еще: *не судите, да не судими будете. Имже бо судом судите, судят вам* (Мф. 7, 1–2). Кроме сих сказанных причин, и потому еще опасно осуждать, что не знаешь нужды или причины, понудившей к делу, нас облазняющему, которое пред Богом или правильно, или простительно; а мы соделиваемся дерзостными судиями и впадаем в немалый грех, рассуждая не так, как должно, о братьях наших.

Глава XXXI

Замечание того же старца братиям,
спавшим во время духовной беседы
и проснувшимся при начатии праздной повести

Сей самый старец утвердил следующим доказательством, что диавол покровительствует праздным беседам, а беседам духовным всегда противоборствует. Ибо, рассуждая однажды с братиями о предметах нужных и духовных и заметив, что они погружаются в глубокий сон и не могут отгнать от очей своих тяжести сонной, вдруг начал рассказывать пустую сказку. Когда он увидел, что они немедленно развеселились, ободрились и протянули уши, чтобы не упустить ни одного слова, — то, вздохнув, сказал: «Доколе мы говорили о предметах небесных, дотоле глубокое дремание угнетало очи ваши; а когда речь коснулась пустой сказки, то все мы проснулись и стряхнули тяжесть сна, нами овладевшего. По крайней мере из этого усмотрите: кто противоборствовал оной духовной беседе и вводит в беседы неполезные и плотские? Открывается яснейшим образом, что это тот, кто увеселяется всяkim злом, и потому не престает одной беседе покровительствовать, а другой противоборствовать».

Глава XXXII

О письмах, сожженных прежде чтения

Макже полагаю не менее нужным упомянуть о поступке некоторого брата, внимающего чистоте своего сердца и весьма пекущегося о божественном созерцании. Он, проведши пятнадцать лет в монашестве, получил кучу писем из области Понта от отца, матери и многих друзей; взяв в руки большую связку писем и долго оную поворачивая, сказал: «Скольких помышлений ^{причиною} послужит для меня чтение сих писем? Оно возбудит во мне или суетную радость, или печаль бесполезную! Воспоминание о тех, кои мне пишут, на сколько дней отклонит внимание сердца моего от предложенного созерцания? Сколько нужно времени, чтобы изгнать из сердца смущение, которое могу получить? Сколько нужно труда для восстановления нынешнего спокойного состояния, если душа однажды будет потревожена действием писем и, повторяя в мысли беседу и лица тех, коих так давно оставила, начнет опять с ними видеться, с ними обитать и мыслию и духом? Подлинно никакой не будет пользы от телесной разлуки с ними, когда сердце начнет к ним обращаться; если воспоминание, от которого каждый отрекающийся мира отказывается как мертвец, начнет допускать их к себе,

оживая снова». Так размышляя в сердце своем, он решился не только не распечатать ни одного письма, но ниже развязать связки, чтобы не прочитать даже имени писавших, не вспомнить лица их и тем не отклониться от своей духовной цели. Почему, как принял оные связанными, так, не развязывая, бросил в огонь на сожжение, сказав: «Подите, помышления о отечестве, сгорите подобным образом и не покушайтесь более возвращать меня к тому, от чего я убежал».

Глава XXXIII

О разрешении вопроса, полученном аввою Феодором посредством молитвы

*М*ы видели также авву Феодора, мужа, великого по святости и совершенного по знанию не только в деятельной жизни, но и в Священном Писании, каковое знание приобрел он не столько прилежным чтением или светскою ученостью, но единственно чистотою сердца: ибо он едва мог понимать или произносить несколько слов даже на греческом языке. Он, желая получить истолкование некоторого труднейшего вопроса, неутомимоостоял на молитве семь дней и семь ночей, доколе не получил изъяснения на предложенный вопрос откровением от Господа.

Глава XXXIV

Изречение того же старца, коим он научает,
каким образом монах может получить знание
Священного Писания

*Когда некоторые братия удивлялись столь
блестательному свету его знания и просили его
истолковать смысл некоторых мест Писания,
то он сказал: монах, желающий получить зна-
ние в Писании, отнюдь не должен употреблять
трудов к исследованию творений изъяснителей
Священного Писания, но обратить всё тщание
ума и внимание сердца к очищению от плот-
ских страстей. Когда оные будут изгнаны, то-
гда немедленно очи сердца по снятии покрывала
страстей начинают созерцать как бы естественно
тайства, сокровенные в Писании. Ибо оные
возвещены благодатию Святого Духа не для
того, чтоб оставаться для нас неизвестными и
темными; но, что оные соделываются темными,
тому мы причиною, облачая сердечные очи по-
крывалом греховным; когда сим очам возвратит-
ся естественное здравие, тогда достаточно одно-
го собственно чтения Священного Писания для
обильного созерцания истинного знания; тогда
не будет ощущаться нужды в наставлениях изъ-
яснителей. Как сии телесные очи не нуждают-
ся ни в каком учении, чтоб видеть, если только*

они будут свободны от дыма и глазной болезни. От того именно произошло столько разностей и заблуждений между самыми изъяснятелями, что многие, не потрудившись о тщательном очищении ума, кинулись изъяснять Писание, но, противореча в своих понятиях вере и даже самим себе, не могли постигнуть света истины.

Глава XXXV

Замечание того же старца,
когда он пришел ко мне в полночь

Сей самый Феодор пришел однажды в не-настную, бурную ночь нечаянно в мою келлию и, подвигнутый отеческим любопытством, тайно высматривал, что я, новоначальный отшельник, делаю наедине. Он нашел меня только что окончившим вечернюю службу, начинаящим уже подкреплять утомленное тело и лежащим на рогоже. Вздохнув из глубины сердца и назвав меня по имени, он сказал: «О Иоанн! Сколько монахов в сей час беседуют с Богом, Его в себе объемлют и содержат, а ты лишаешься толикого света, предавшись бездействию и сну!» Поелику же благодать, которую имели отцы, и их добродетели заставили нас уклониться к таковым повестям, то считаю нужным помянуть в сей книге удивительный человеколюбивый

поступок, учиненный относительно нас великим мужем Архебием; упомянуть с тем, что чистота воздержания в соединении с делами любви воссияла светлее, будучи таким образом как бы испещрена прекрасным разнообразием. Ибо тогда пост соделывается даром, благоприятным Богу, когда его увенчивают плоды любви.

Глава XXXVI

Описание пустыни, находящейся в Диолке, в коей жительствуют отшельники

*М*ы прибыли из монастырей палестинских в египетский город, называемый Диолк, будучи вполне неопытны, и там увидели великое множество монахов, живущих под правилами общежития, удивительно устроенного в превосходном чине, который и есть первый. Мы также стремились со всем усердием посмотреть и другой чин, высший первого, называемый отшельниками, будучи к тому побуждаемы всеобщею о них славою. Они сперва пребывают долгое время в общежитиях, где тщательно изучаются правилам терпения и рассуждения, и, стяжав добродетель смирения и нестяжания и дочиста истребив все вообще страсти, удаляются в не-проходимые места пустыни для вступления в жесточайшую борьбу с демонами.

Мужи, имеющие целью таковое жительство, пребывают при устье реки Нила, в месте, окруженнем с одной стороны рекою, с другой — обширным морем и образующемся в остров, на котором нет возможности обитать никому другому, кроме как монахам, ищащим уединения. Сей остров вовсе неспособен к возделыванию по причине солености почвы и бесплодных песков. Поспешив к сим мужам с величайшим усердием, мы безмерно удивлялись их трудам, кои они переносят силою созерцания добродетелей и по любви к уединению. В самой воде такой у них недостаток, что употребляют её с необыкновенною осторожностью и умеренностью, берегут и хранят как бы драгоценнейшее вино. Ибо оную приносят для необходимых потребностей с упомянутой реки мили за три или и более; сие пространство усеяно песчаными холмами, отчего удвоется тягость труда.

Глава XXXVII

Похваляется человеколюбие аввы Архебия

Когда мы их увидели и возгорелась в нас ревность к подражанию им, тогда вышеупомянутый Архебий, из числа их — почтеннейший, привел нас в свою келлию и, узнав о желании нашем, притворился, что хочет удалиться из

сего места, и предлагал нам свою келлию, как ему ненужную по причине его переселения, утверждая, что он сделал бы сие, если б мы и не пришли. Побуждаемые сим предложением и желанием жительства отшельнического, поверили без сомнения убеждениям такового мужа, охотно его послушались и приняли её со всеми принадлежностями. Сoverшив таким образом благочестивый обман, он ушел оттуда на несколько дней, сколько нужно было употребить на приготовление материалов для построения келлии; потом возвратился и построил себе новую келлию с великим трудом. По прошествии краткого времени пришли другие братия, с таковым же желанием, как и мы, оставаться тут для жительства; обманув их подобным же обманом любви, он передал им свою вновь устроенную келлию со всеми орудиями. Сам же, пребывая неутомимым для дела любви, построил себе для жительства третью келлию.

Глава XXXVIII

Тот же Архебий трудами рук
уплатил долг матери своей

У другой опыт любви сего мужа, кажется мне, заслуживает быть помещенным в сие сочинение, дабы монахи нашей страны могли

получить наставление из примера, показываемого одним и тем же мужем не только в строгости воздержания и в постоянстве искреннего устройства любви. Он принадлежал к фамилии довольно значащей и, с отроческих лет презрев любовь мира сего и родительскую, удалился в монастырь, отстоящий от упомянутого города на четыре мили. Здесь он провел все дни жизни своей, во все пятьдесят лет не отлучаясь не только в город, откуда он вышел, но и не видел онного, — даже не видал лица никакой женщины, нижé лица самой матери своей.

Между тем отец его был восхищен смертию, оставя сто солидоров долгу. Архебия по отношению к сему долгу совершенно не беспокоили, как чуждого всего отеческого имущества; но он узнал, что заимодавцы весьма тревожат его матери. Тогда он, водимый благочестивым рассуждением, смягчил евангельскую строгость, которую оказывал при благополучном состоянии родителей своих, доказывая самым делом, что не имеет на земли ни отца, ни матери. Тогда доказал, что имеет матери, когда поспешил помочь ей в стесненных обстоятельствах, не опасаясь расслабления для строгости своего жительства. Ибо, пребывая в ограде монастырской, он положил в себе устроить обычный урок рукоделия. Неутом-

мимо трудясь в продолжение целого года и днем и ночью и уплачивая долг заимодавцам по частям, избавил мать от всякого беспокойства; он снял с нее бремя долга, не допустив себе никакого умалить обычной строгости жительства для стяжания нужных денег. Он, сохранив обычную строгость к утробе матери, не отказал в благочестивой услуге; ту, которой отрекся для любви Христовой, для сей же любви он признал опять матерью.

Глава XXXIX

О притворстве, посредством коего
некоторый старец доставил рукоделие
авве Симеону, который нуждался в оном

*Н*екоторый брат, нам возлюбленнейший, именем Симеон, совершенно не знающий греческого языка, прибыл из Италии. Один из старцев, желая оказать ему, как страннику, любовь и вместе прикрыть свой поступок цветом возмездия, спросил у него: почему он пребывает в келлии праздным? Старец угадывал, что он не может дольше пребывать в келлии как от уныния, производимого праздностью, так и по недостатку в нужных вещах: ибо он знал наверно, что никто не может понести тягости уединения, если не будет стяжевать себе пропитание собственными трудами. Симеон отвечал, что он

не умеет и не может исправлять ни одного из тех рукоделий, коими занимаются братия в сей стране, кроме писания книг, притом если может быть какая-либо книга на латинском языке быть употребляема в Египте.

Старец, нашедши таким образом случай к исполнению благочестивого дела, прикрыв оное оболочкою покупки, сказал: «Бог послал мне этот случай! Ибо давно я искал, чтоб кто переписал мне Апостол на латинском языке. Ибо имею брата, обязанного военною службою и весьма хорошо знающаго латинский язык, кому желаю послать что-либо из Священнаго Писания для наставительного чтения». Симеон принял с благодарностью сие предложение, как бы сделанное ему по мановению Божию.

Старец также рад был предлогу, под прикрытием коего он мог свободно исполнить дело любви; немедленно принес ему, как бы в уплату, не только всё необходимое на целый год, но и самые потребности и орудия, нужные для письма; потом получил написанную книгу, вовсе для него ненужную и неспособную для употребления (ибо в Египетской стране совершенно никто не имеет сведений в сем языке), довольствуясь обильнейшею духовной мздою, которую он стяжал сею благотворительною хитростью. Симеон

получил необходимые жизненные припасы без застенчивости и стыдливости как плату за труд свой и рукоделие; а старец исполнил благочестивое дело милосердия как бы долг непременный, приобретая тем обильнейшую мзду, что странному брату с большим искательством доставил не только нужные жизненные припасы, но и орудия для рукоделия, и случай к рукоделию.

Глава XL

О юношах, которые умерли в пустыне от голода,
неся к больному смоквы и не вкусив оных

Поелику же в слове, в котором мы предположили сказать нечто о правилах постов и воздержания, упомянуты действия и поступки, внушенные любовью, то, возвращаясь опять к нашей цели, вносим в сие сочинение достопамятный поступок некоторых юношей — возрастом, но не умом. Некто принес из Ливии Мареотийской необыкновенно хороших смокв, каковых еще в тех местах не видали, и вручил оные авве Иоанну, economyу в пустыне Скитской, заведовавшему тогда церковными расходами оной пустыни, вверенными ему блаженным пресвитером Пафнутием; сей немедленно послал двух юношей со смоквами к некоторому старцу, пребывавшему во внутренней пустыне и одержимому

болезнью, ибо сей жительствовал в расстоянии
осымнадцати миль от церкви.

Юноши, взяв плоды, отправились к келлии
упомянутого старца, куда и старцы ходили удоб-
но; внезапно сделался густейший туман, и они
потеряли дорогу. Весь день и всю ночь они про-
бегали по обширному пространству пустыни, но
никак не могли отыскать келлии болящего; бу-
дучи истомлены сколько трудом от путешествия,
столько неядением и жаждою, они преклонили
колена и в молитве предали души свои Господу.
Долго их искали по следам, кои в сих песчаных
местах напечатлеваются, как на снегу, доколе
опять не занесет оных тонкий песок, перено-
симый дыханием самого легчайшего ветра; они
были найдены, и при них смоквы, которые они
несли, неприкосновенными: они избрали — луч-
ше предать души, нежели нарушить верность,
лучше лишиться временной жизни, нежели на-
рушить заповедь старца.

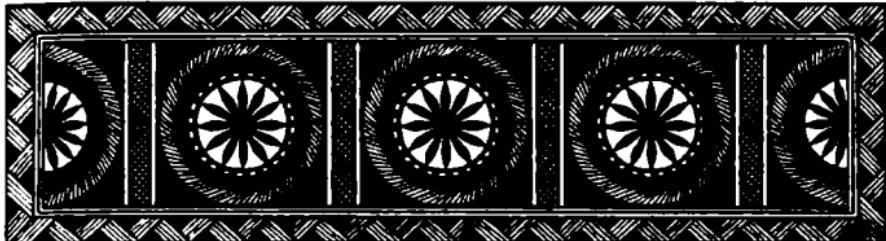
Глава XLI

Изречение аввы Макария, что монах должен
себя вести так, как бы ему предлежала
и долговременная жизнь, и ежедневно смерть

Еще намерены мы изложить спасительное за-
поведание блаженного аввы Макария, с тем чтоб

изречением такого мужа заключить слово о постах и воздержании. Монах, сказал он, столько должен прилежать постам, как бы имеющий пребывать в теле сто лет; так обуздывать движения души, забывать бесчестия, отгонять печаль, презирать болезни и ущерб в имуществе, как бы ежедневно ожидающий смерти. Ибо полезное и премудрое рассуждение состоит в том, чтоб монах всегда пребывал в равномерном подвиге и не позволял себе уклоняться по причине слабости телесной к крутым и погибельным стремнинам. Спасительное же великодушие состоит не только в презрении видимых благ настоящего мира, но и в том, чтобы не унывать от противностей и огорчений, презирать оные, как ничтожные мелочи, имея непрестанно взоры ума устремленными туда, куда думает преселиться ежедневно и ежеминутно.

КНИГА ШЕСТАЯ

О духе любодеяния

Глава I

По преданию отцов, второй подвиг предлежит нам противу духа любодеяния, подвиг, более прочих продолжительный и долговременный, весьма редким совершаемый вполне; брань великая, начинающая тревожить человека со вступления в юношеский возраст и погашаемая не прежде, как по преодолении прочих страстей. Сия страсть восстает на сражение с двойным оружием, потому и сопротивляться ей должно также двояким оружием. Она поражает недугом соединенные силы тела и души, почему и не может быть побеждена иначе, как борьбою обеих частей. Недостаточно одного телесного поста к приобретению совершенной чистоты и целомудрия; оным должно предшествовать сокрушение сердца и молитва, охраняющая от

сего нечистейшего духа, потом непрестанное получение в Священном Писании и соединенное с оным духовное знание; также труды и рукоделие, останавливающее и воззывающее парение ума, повсюду блуждающего; прежде же всего должно быть положено в основание истинное смирение, без коего нельзя получить победы ни над какою совершенно страстью.

Глава II

О главнейшем врачевстве противу духа любодеяния

Главнейшее исправление сего порока происходит от совершенства сердца, от коего также и проистекает яд сего недуга, как это утверждают слова Господа. От сердца исходят, сказал Он, помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы (Мф. 15, 19). Итак, должно сперва очистить источник, источающий и жизнь и смерть, как говорит Соломон: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Прятч. 4, 23). Ибо плоть управляется волею и властью, почему с величайшим тщанием должно наблюдать умеренность и пост, дабы плоть не возбудилась от изобилия пищи, не воспротивилась спасительным повелениям души и, вознеистворавшись, не свергла долу своего всадника — дух. Впрочем, если мы

устремим все внимание только на умерщвление тела, а душа не будет подобным образом воздерживаться от всех страстей, не будет заниматься поучением в божественных и духовных предметах, то никак не можем взойти наверх совершеннейшей, истинной непорочности, когда то, что в нас главное, будет вредить чистоте нашего тела. Почему должно нам, по словам Господа, *очистить прежде внутреннее стекляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23, 26).

Глава III

Сколько способствует уединение к преодолению любодеяния

*Н*аконец, прочие страсти очищаются также от ежедневного упражнения и обращения с человеками и как бы исцеляются от самого срама, происходящего от падения, как то: гнев, печаль, нетерпеливость, леность врачаются сердечною молитвою в бодрственном уединении и также в обществе братском — постоянным вызовом на борьбу. Когда они, будучи потревожены, чаще обнаруживаются и чаще обличаются, тогда скорее достигают исцеления. Сей же недуг требует при телесном удручении и сокрушении сердечном также и уединения, и удаления от людей, дабы можно было достигнуть совершенно

здравого состояния, отложив пагубное лихорадочное волнение. Для многих, подверженных некоторой болезни, полезно даже не смотреть на вредную пищу, дабы от взоров не родилось смертоносное желание оной; так для отгнания единственно сего недуга способствуют спокойствие и уединение, дабы недугующий ум, не возмущаемый различными изображениями и стяжевая взор, более очищенный и способный для созерцания, мог удобнее исторгнуть с корнем заразительные побуждения к вожделению.

Глава IV

О различии между чистотою и воздержанием, и всегда ли они находятся вместе в одном человеке

*О*днако из сего никто не должен заключить, чтоб мы утверждали, что нельзя найти воздержных в обществе братском; напротив, мы утверждаем, что сие весьма легко. Ибо иное быть воздержным (έγκρατη), а другое — чистым, то есть перейти в состояние непорочности и нетления (άγνόν). Сия добродетель приписывается в особенности одним тем, кои пребывают сердцем и телом в девстве, каковыми были в Новом Завете два Иоанна, а в Ветхом — Илия, Иеремия, Даниил. К сей степени достойно причисляются и те, кои сперва потеряли девство

падением в блуд, но потом долгими трудами и старанием достигли до подобного состояния чистоты и ощущают жало плоти только в естественном ее движении, а не в борьбе с скверным вожделением.

Сие состояние, говорим, трудно приобрести посреди множества людей. Если трудно, то неужели и невозможнo? Это пусть каждый исследует рассматриванием своей совести, не ожидая услышать наше мнение. Впрочем, мы не сомневаемся, что находится много воздержных, кои выдерживают нападения плоти изредка или и ежедневно, отражают и угашают оные страхом геенны или желанием Царствия Небесного. Старцы утверждают, что таковые как могут быть не вполне преодолены движением страсти, так вместе не могут завсегда пребывать в безопасности и без ран. Каждый, находящийся в положении брани, хотя бы и часто побеждал и преодолевал противника, однако по необходимости должен иногда смутиться.

Глава V

**Нападения любодеяния не могут быть побеждены
одним человеческим старанием**

Почему если мы усердствуем законно подвизаться с апостолом в духовном подвиге и

желаем от всей души преодолеть сей нечистейший дух, то не должны уповать на наши силы (ибо сего нельзя совершить усилием человеческим), но прибегать к помощи Божией. Ибо сия страсть по необходимости дотоле борет душу, доколе душа не познает, что сия брань превыше сил ее, доколе не познает, что невозможно ей получить победы собственным трудом и усилием, если не будет от Господа помощи и покровительства.

Глава VI

О необходимости особенной благодати Божией, необходимой для стяжания чистоты

По самой вещи как преуспеяние во всех добродетелях и ниспровержение всех страстей есть благодать от Господа и Ему принадлежит победа, — так в особенности чистота есть особенное благодеяние Божие, единственно Его дар, и по мнению отцов, и по самому опыту очищения, доказавшему сие яснейшим образом для тех, кои удостоились получить оное. Ибо как возможно выйти из плоти пребывающему во плоти? Обложенному плотью не естественно не чувствовать жала плоти. Почему невозможно человеку своими, так сказать, крыльями

подняться к столь возвышенному небесному дару, если благодать Божия не подымет его с земной грязи и не ущедрит даром чистоты. Ибо человеки, обложенные плотью, никакою другою добродетелию не уподобляются столько духовному жительству ангелов, как достоинством и благодатью чистоты, посредством коей, пребывая еще на земле, имеют, по апостолу, *житие на небесех* (Флп. 3, 20), посредством коей уже здесь, в телесной плоти, обладают тем, что обещано святым в будущности по отложении тела, подверженного тлению.

Глава VII

По слову апостола, должно заимствовать пример с светского сражения

Послушай, что говорит апостол: всяк подвизаяйся от всех воздержится (1 Кор. 9, 25). Спрашиваем: что разумеет апостол под именем **всего**, дабы мы могли получить наставление в духовном подвиге от сравнения оного с мирским. Ибо те, кои тщатся законно подвизаться в сем видимом подвиге, не должны употреблять всякую пищу, какой бы ни потребовало похотение, но употреблять только положенную правилами подвижничества. Они должны воздерживаться не только от запрещенной пищи, от пьянства

и всякого излишества, но и всякой совершенно праздности, нерадения и лености, чтоб сила их могла возрастать от ежедневного упражнения и непрестанного поучения. Они чуждаются всех забот, попечений и занятий мирских, также любви и союза супружеского, дабы ничего не знать, кроме упражнения в подвигах, не опутываться никакими земными попечениями; от того только, кто председательствует при поединках, они надеются получить нужную ежедневно пищу для своего содержания, славные венки, заслуженную награду и похвалу за победу. Они столько наблюдают чистоту от всякого скверного смешения, что, приготовляясь к подвигам позорища, хранятся, дабы даже во время сна не обольстило их какое ночное мечтание и не уменьшило силы, накопленные долгим временем; для сего они покрывают почки оловянными листками с тою целью, чтобы жесткий металл, приложенный к детородным членам, мог останавливать нечистую влагу: они знали, что, без сомнения, будут побеждены и не возмогут при уменьшенных силах выдержать назначенного подвига, если обманчивое мечтание зловредного сладострастия победит крепость, стяжанную целомудрием.

Глава VIII

Примеры очищения тех,
кои назначаются вступить в земный подвиг,
для очищения духовных подвижников

*У*так, если мы поняли условия мирского подвига, примером коего блаженный апостол хотел научить нас, показав, какое наблюдается в оном хранение, какая тщаливость, какая строгость, — то должны заключить из сего, как надлежит нам поступать, в какой чистоте должно сохранять наши тела, в какой непорочности души, существующие ежедневно питаться плотью святейшего Агнца, прикосновение к Коему и правилами Ветхого Закона воспрещено всякому нечистому. Ибо в книге Левит предписывается: *всяк чистый да снесет мяса. Душа же, яже аще снесет от мяс жертвы спасения, яже есть Господу, и нечистота его на нем, погибнет душа она от людий своих* (Лев. 7, 19—20). Такова обязанность непорочности, что и находившиеся под Ветхим Заветом не могли участвовать в прообразовательных жертвоприношениях, и желавшие получить тленный венец сего мира не могли венчаться без оной.

Глава IX

Какую завсегда чистоту сердца
мы должны иметь пред глазами Бога

*У*так, во-первых, мы должны со всем наблюдением очистить сокровенные страсти сердца. Какую чистоту они стараются приобрести для тела, таковую мы должны стяжать в совести, в коей присутствует Господь, посредник и подви-гоположник, непрестанно взирает на течение и борьбу нашу, не соглашаемся ли мы внутренне нетрезвенным помыслом с тем, что ненавидим и отвергаем по наружности? Не оскверняемся ли тайным потворством тому, что стыдимся совершать в присутствии человеков? Такое хотя и может остаться в неизвестности от человеков, но не может укрыться от ангелов и всемогущего Бога, для Которого ничего нет тайного.

Глава X

Что служит признаком
совершенной и непорочной чистоты

*Т*аковой чистоты явный признак и полное доказательство состоит в том, если во время нашего успокоения и сна не представляется нам никакого обольстительного мечтания, а если и представляется оное, то не производит в нас

никакого сладострастного движения. Ибо хотя таковое движение не вполне грех, но есть признак несовершенства душевного, обнаружение, что страсть не испепелена дочиста, когда прелестным мечтанием производится таковое искушение.

Глава XI

Отчего происходит ночное мечтание

*К*ачество помышлений, наблюдаемых с небрежением в продолжение дня, обнаруживается во время ночного успокоения; почему если случится какое-либо таковое искушение, то не должно обвинять в сем сон, но небрежение предшествовавшего времени и обнаружение внутреннего недуга, который не только что впервые явился в час ночи, но произведен во время вкушения сна недугом сокровенным во внутренности души и от оного прозябнул на поверхности тела, обличая тем невидимое волнение страстей, которое мы произвели в себе, питая в продолжение всего дня зловредные помышления. Подобно сему злые телесные болезни приобретаются не в то время, когда они показываются внаружу, но получены прежде от нерадения, когда кто употребит пищу, противную

здравию, и тем произведет в себе накопление мокрот зловредных и смертоносных.

Глава XII

Нельзя получить чистоты телесной без чистоты сердечной

Бог, Творец и Создатель рода человеческого, зная более всех естество Своего создания и средства к его очищению, прилагает врачевство к тому месту, откуда в особенности проис текают все недуги. Почему Он сказал: *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5, 28). Указывая на дерзостные очи, Он порицает не столько их, сколько внутреннее чувство, злоупотребляющее служением очей. Ибо возбуждается вожделение от зрения потому, что недугует сердце, уязвленное стрелою любодеяния, обращая дар зрения, дарованный Творцом с правиль ною целью, к делам лукавым по собственному изволению и обнаруживая сокровенный в себе недуг вожделения посредством зрения. Почему спасительное заповедание предписывается тому, кто служит причиной обнаружения сквернейшей болезни по поводу воззрения. Ибо не сказано: *всяким хранением сохраняй твои очи*, которые всячески должно б было хранить с особым

наблюдением, если бы из них проистекало движение вожделения; но глаза не предоставляют душе ничего иного, как токмо простое служение зрения; почему и сказано: *всяцем хранением блюди твое сердце* (Притч. 4, 23); назначено сильнейшее врачевство тому, кто повсечасно может злоупотреблять служением очей.

Глава XIII

Должно немедленно отгонять восстающие плотские помышления в самом их начале

*П*ервое правило при сем хранении должно состоять в следующем: когда по диавольской злочитости начнет неприметно подкрадываться к уму нашему воспоминание о женском поле, и, во-первых, о матери, сестрах, родственницах или о святых женах, — то поспешим как можно скорее изгнать оное из нашего сердца, дабы, когда замедлим долго в оном, злый прелестник по поводу пола не ниспроверг ум наш, увлекши его неприметно к лицам, могущим возбудить вредные помышления.

Почему мы должны непрестанно содержать в памяти сие правило: *всяцем хранением блюди твое сердце*, и по особенной заповеди Божией тщательно блюсти ядовитую главу змея, то

есть начало злых помыслов, посредством коих диавол покушается вползти в нашу душу: ибо если глава его по причине нашего небрежения не проникнет в наше сердце, то не взойдет туда и остальное его тело, то есть согласие с помышлением и услаждение оным. Если же змей будет впущен, то, без сомнения, пленит ум и умертвит оный угрызением смертоносным. Мы должны уничтожать возникающих *грешиков земли нашей*, то есть чувствования плотские, *воутрия* рождения их и сокрушать *о камень младенцев вавилонских*, доколе они еще малы (Пс. 100, 8; 136, 9). Если они не будут убиты, доколе еще слабы, и возрастут чрез потворство, то соделываются сильнейшими ко вреду нашему; или хотя и побеждаются, но с великими вздоханиями и трудами. Доколе крепкий, то есть дух наш, хранит сосуды дому своего, ограждая сердце свое страхом Божиим, дотоле всё имение его находится в мире. Если же придет крепчайший и победит его, то есть диавол сосложением с помышлениями, то восхищает оружие, на которое он надеялся, то есть память Писаний или страх Божий, и корысть его разделяет, то есть рассыпая плоды добродетелей страстями, нам противными.

Глава XIV

О том, что мы стараемся не соплетать
похвалы чистоты, но показать сущность оной

*О*ставляю всё, что сказано в Священном Писании к похвале сей добродетели, ибо я имею целью не соплетье похвал чистоте, но объявление, по преданию отцов, качеств оной, каким образом должно приобретать и хранить оную и в чем заключается ее совершенство. Упомяну только одно изречение блаженного апостола Павла из Послания его к Солунянам, из коего явствует, что он предпочитает чистоту всем добродетелям и именует ее преславными именованиями.

Глава XV

О том, что апостол именно называет
добротель чистоты – святынею

*С*ия есть воля Божия, говорит он, святость ваша (1 Сол. 4, 3). Дабы не оставить для нас сумнительным или темным, что бы он хотел назвать святостью, правду ли, или любовь, или смиление, или терпение, ибо известно, что всеми сими добродетелями приобретается святость, — он продолжает и обозначает явственно, что хочет он собственно назвать святостью. *Сия есть воля Божия, святость ваша, хранити*

*себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас
свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не
в страсти похотней, якоже и языцы не ведящие
Бога (1 Сол. 4, 3–5).*

Видишь, как апостол похваляет сию добродетель! Он называет её честию сосуда, то есть тела нашего, и святынею. И потому, напротив, тот, кто предаётся страсти вожделения, находится в бесчестии и нечистоте, пребывает чуждым святыни. *Не призыва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отmetаяй не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас* (ст. 7–8). Он придал ненарушимую власть повелению своему, сказав: *темже убо отметаяй, то есть отметаяй, сказанное мною о святости, не человека отметает, но Бога, говорящего мною и предзначившего сердце наше в жилище Святому Своему Духу.*

Видишь, коликою славою, коликими похвалами он её превозносит в простых и чистых словах, во-первых, приписывая собственно сей добродетели святость; потом утверждая, что посредством оной сосуд тела нашего освобождается от нечистоты; в-третьих, что оный пребывает в чести и святыне по отвержении бесчестия и поношения; наконец — означив, что посредством

оно^й вселяется в сердца наши Святый Дух, в чем и состоит величайшая награда совершенного воздаяния и блаженства.

Глава XVI

О другом свидетельстве апостола о той же святыне

*Х*отя слово и приближается к окончанию книжки, однако еще приложу подобное свидетельство апостола, выше пропущенное: пиша к Евреям, он говорит: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). Здесь также явственно утверждает, что отнюдь невозможно видеть Бога без *святыни*, коею он обыкновенно именует или чистоту ума, или чистоту тела: ибо и здесь, продолжая слово и объясняя смысл оного, говорит: *да не кто блудодей, или сквернитель, якоже Иса^в* (ст. 16).

Глава XVII

О том, что надежда высочайших наград должна умножать хранение чистоты

*У*так, сколько возвыщенно воздаяние за чистоту, ожидающее нас на небе, толико оная подвергается тягчайшим нападениям и козням противников. Почему мы должны стяжать не только воздержание телесное, но и сокрушение

сердечное прилежными молитвами и воздыханиями, чтобы пе́шь плоти нашей, которую царь Вавилонский не престает поджигать страстными плотскими возбуждениями, погасла от нисшедшой в сердца наши росы Святого Духа.

Глава XVIII

Чистота рождается от смирения,
а от чистоты – знание

*С*тарцы говорят, что невозможно стяжать чистоты прежде, нежели будет положено в сердце основание смирения. Точно так же они утверждают, что невозможно достигнуть источника истинного знания, доколе во внутренности души нашей будет гнездиться корень блудной страсти. Чистоту без благодати знания можно найти; но невозможно обладать духовным знанием без непорочной чистоты. Ибо и дарования различны, и не всем дается одинаковая благодать Святого Духа; но каждому дается то дарование, к которому он постарался себя сделать достойным или способным. Хотя и достоверно, что все святые апостолы имели добродетель чистоты в совершенстве, однако дарование знания преизбыточнее обиловало в Павле: ибо сей апостол приуготовил себя к оному с особым тщанием и прилежанием.

Глава XIX

Изречение святого епископа Василия о качестве своего девства

Рассказывают о строгом изречении святого Василия, епископа Кесарийского: он сказал: «И жены я не познал, и я не девственник». Ибо он понимал, что непорочность не состоит в одном воздержании от жены, но и в непорочности сердца, которая подлинно непрестанно сохраняет в ненарушенности святыню тела или посредством страха Божия, или по любви к целомудрию.

Глава XX

Из чего познается совершенство чистоты душевной

Итак, конец и доказательство совершенной чистоты состоит в том, если во время успокоения нашего не будет подкрадываться никакое сладострастное скоктание [волнение], и только по естественной необходимости без нашего ведома будет испражняться нечистое смешение. Как во все отсечь оные и прекратить навсегда — вышестественно; так принадлежит к высочайшей добродетели, когда кто неизбежным и редчайшим удовлетворением ограничит естественную

необходимость, которая обыкновенно тревожит монаха чрез два месяца. Впрочем, сие сказали мы по собственному опыту, а не по мнению старцев, кои почитают вышеупомянутое пространство времени крайне тесным; сказали так, чтоб повествование наше, если б мы хотели изложить оное по преданиям старцев, не показалось невероятным или невозможным для тех, кои по причине своего небрежения или неусердного старания не ощутили таковой чистоты на самом опыте.

Глава XXI

Каким образом мы можем удержать состояние совершенной чистоты

*С*ие состояние мы можем навсегда удержать и никогда не выходить из границ естества и вышеозначенного времени, если будем помышлять, что Бог видит и знает не только тайные дела наши, но и все помышления, как дневные так и ночные, и если будем уверены, что отададим Ему ответ за всё, движущееся в нашем сердце, равно как и за дела и за поступки.

Глава XXII

До какой степени может простираться
чистота тела нашего, или что служит
признаком ума, вполне очищенного

*У*так, дотоле мы должны стремиться к очищению себя, дотоле должны сражаться противу движений плоти и скоктаний плоти, доколе сия телесная способность будет только исполнять естественную необходимость, не возбуждая вожделения, будет испражнять излишние соки без всякого вредного ощущения, не возбуждая борьбы противу чистоты. Впрочем, если ум услаждается во время сна видением изображений, то он должен из сего познавать, что еще не достиг совершенной непорочной чистоты.

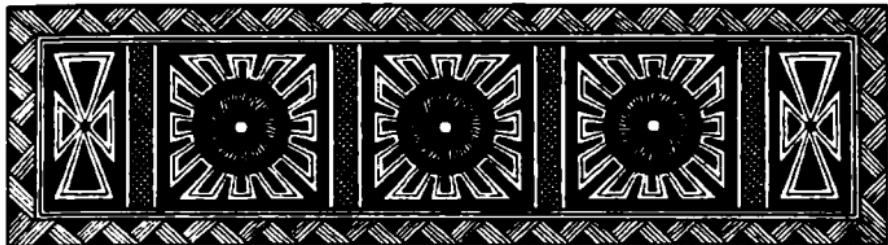
Глава XXIII

Врачебные средства, посредством коих
может тело и сердце наше
пребывать в совершенной чистоте

*Д*ля того чтоб сии лестные мечтания не могли подкрадываться к нам даже во время нашего сна, должно всегда наблюдать равный и умеренный пост. Если кто в строгости не сохранит умеренности, тот по необходимости не сможет сохранить устава в подкреплении пищею. Впав-

ши в сию неравномерность, он, без сомнения, выходит из спокойного равномерного состояния, то ослабевая от недостатка, то обременяясь излишеством пищи. С таковою переменчивостью в употреблении пищи необходимо должно изменяться и качество нашей чистоты. Потом должно стяжать в сердце постоянное смирение и терпение и напряженное хранение в продолжение всего дня противу гнева и прочих страстей. Ибо где присутствует ярость, туда по необходимости должно проникнуть пламя любодеяния. Более же всего необходимо бодрственно хранение ночью: ибо, как хранение чистоты в продолжение дня приуготовляет чистоту ночную, так и ночное бодрствование сердца приуготовляет крепость и твердость к сохранению себя в продолжение дня.

КНИГА СЕДЬМАЯ

О духе сребролюбия

Глава I

Четвертый подвиг предлежит нам противу сребролюбия, которое мы можем назвать любовью к деньгам; сия брань — привходящая и внеестественная, восприемлющая начало в монахе не от чего иного, как от боязливости ума, поврежденного и ослабевшего, часто от первоначального отречения, худо понятого и основанного на хладной любви к Богу. Ибо прочие страстные побуждения насаждены в человеческом естестве, и кажется, что имеют в нас как бы естественные начала, врожденны плоти и, будучи оной почти равны возрастом, предупреждают в человеке бытием своим рассуждение между злом и добром. Оные хотя и начинают действовать в человеке рано, но побеждаются продолжительным трудом.

Глава II

О том, что недуг сребролюбия пагубен

Сей же недуг появляется впоследствии, приступает к душе отвне, и, сколь легко можно от оного остеречься и удалить от себя оный, столько делается пагубнейшим всех и труднейшим к отгнанию, если будет пренебрежен и однажды допущен в сердце. Ибо он соделывается корнем всех пороков, плодоприносящим многоразличные возбуждения ко страстям.

Глава III

В чем естественные страсти могут быть нам полезны

Простые телесные движения мы видим не только в детях, которые по невинности не могут понимать различия между добром и злом, но и в младенцах, и млекопитаемых. Они хотя и не имеют в себе ни малейшего начала любодеяния, но обнаруживают естественным возбуждением, что в них присутствует движение плоти. Подобным образом не усматриваем ли, что в младенцах уже обитает свирепое жало гнева, и, прежде нежели они познали добродетель терпения, уже видим, что они тревожатся от бесчестий, что понимают, когда в шутку осыпают их словами ругательными? Хотя нет у них сил, однако нередко

обнаруживают желание отмстить по побуждению гнева.

Говорю сие не с тем, чтоб словами моими обвинить созданное естество, но чтоб показать, что некоторые из сих движений, в нас являющихся, вложены в нас с полезной целью, а некоторые взошли в нас извне по причине нерадения и злого произволения нашего. Ибо те телесные движения, о коих мы выше сказали, полезно вложены в тело наше промышлением Создателя для поддержания рода человеческого и распространения потомства, а не для совершения гнусных преступлений и любодеяний, осуждаемых и законами. Не видим ли также, что оружие гнева дано нам для спасительнейшей цели, дабы, гневаясь противу наших страстей и заблуждений, занимались более добродетелями и духовными упражнениями, устремляли всю любовь к Богу, а по отношению к ближнему оказывали всё терпение. Равным образом знаем, коликая польза проистекает от печали, которая причисляется к прочим страстям, когда действие ее превращается в противную сторону. Она весьма нужна, когда действует сообразно страху Божию, и чрезвычайно пагубна, когда действует сообразно миру, как научает апостол, говоря: *печаль бо яже по Бозе покаяние нераска-*

яенно во спасение соделовает, а сего мира печаль смерть соделовает (2 Кор. 7, 10).

Глава IV

Говоря, что в естестве
находятся некоторые страсти,

тем не приносим бесчестия Создателю

*Г*оворя, что сии движения насаждены в нас Творцом, тем не обвиняем Его, если б мы захотели беспутно употребить сии движения к греховному служению, если б мы захотели печалиться не о исправлении страстей, но о бесплодных выгодах сего мира, если б захотели гневаться не для собственной нашей пользы, но в противность запрещению Господа на наших братьев. Если б кто обратил для умерщвления невинных железо, данное для полезных и нужных служений, то посему не должно проистекать бесчестия Создателю материи, когда сотворенное Им для доброго употребления, для нужд и удобностей жизни другой употребил во вред.

Глава V

О страстиах, не насажденных в естестве
и в приобретении коих мы сами виноваты

*О*днако мы сказали, что некоторые страсти порождаются без всякой естественной причины,

от одного поврежденного и злого произволения, какова зависть и самое сребролюбие: оные не имеют в нас никаких начал от свойства естественного и приобретаются извне. Сколь легко сохраниться от оных, сколь удобно с благовременностью отразить оные, столько, напротив, они бедственны для души, когда займут её и ею овладеют; с трудом они уступают врачевствам, и возвращается здравие. Это оттого, что уязвленные ими не ускорили прибегнуть к быстрым врачевствам, при коих они могли бы их вовсе не знать, или избежать, или весьма легко победить. Может быть, и оттого, что сии уязвленные, имея худое основание, были недостойны предпринять здание [построение] добродетелей и достигнуть высоты совершенства.

Глава VI

Недуг сребролюбия, однажды полученный,
с коликим трудом изгоняется

Почему никто не должен считать сию страсть маловажною и достойною презрения: оную можно прелегко отклонить, и она если возобладает кем, то с трудом уступает врачевствам и здравию. Ибо она соделывается вместилищем всех страстей, корнем всех зол, неразрешимым побуждением ко греху, как и

апостол говорит: *корень всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. 6, 10), то есть любовь к деньгам.

Глава VII

От каких пороков рождается сребролюбие, и коликих зол оно родитель

*С*ия страсть, когда возобладает душою монаха, предавшегося беспечности и потерявшего прежнюю горячность, то начинает его тревожить помыслами о величайшем недостатке, убеждая его справедливыми и как бы основанными на здравом разуме доводами о сохранении или приготовлении некоторого количества денег. Ибо, предлагает она, доставляемое монастырем недостаточно и едва сносно для здравого и крепкого тела; что же делать тогда, когда случится телу болезнь, если не будет сохранено чего в собственности для поддержания немощи? Выдаваемое монастырем весьма мало, а небрежение о больных величайшее! Если б не было чего собственного, чем бы можно пособить телу, то надо умереть бедственно. Самое платье, которое выдают из монастыря, недостаточно, и непременно нужно иметь достаток для заведения собственного. Напоследок, что нельзя долго пребывать в одном и том же месте, или монастыре; что, если не приготовить себе нужного

количества денег на содержание и на переезд через море, то не сможет переселиться, когда захочет; что, принуждаемый необходимостью от недостатка, должен всегда проводить жизнь трудную и бедственную, лишенную всякого преуспеяния, быть всегда обнаженным и нищим, с бесчестием заимствовать содержание свое от имения других.

Когда ум уловится таковыми помышлениями, то начинает выдумывать, каким бы образом приобрести хотя один динарий. Тогда тщательно и заботливо изыскивает, каким бы заняться частным рукоделием без ведома игумена. Продав сие рукоделие тайно, получив желанные деньги, жестоко и необычайно мучится, как бы удвоить оные; недоумевает, где оные положить или кому поверить. Потом обдергит его величайшее попечение, что на оные купить, каким торговым оборотом оные бы удвоить. Когда и в сем удовлетворит своему желанию, то возрастает в нем большая жадность к золоту и возбуждается тем более, чем более приумножается денежное приобретение: ибо с умножением денег умножается и неистовство страсти. Тогда уже обещается долгая жизнь, согбенная старость, различные и продолжительные болезни, которых невозможно перенести в старости, если

не приготовиться к ним в юности с величайшим тщанием.

И так несчастная душа, опутанная убийственным змеем, заботится и сею нечестивою заботою стремится умножить в себе зловредную тягу, сама порождая в себе язву, жестоко воспаляющуюся, обладаемая одним помышлением о корысти, ни к чему другому не обращает сердечных взоров, как туда, откуда можно бы получить деньги, при помо~~щи~~ коих могла бы она как можно скорее исторгнуться из-под правил монастыря, не оказывая никаких плодов веры там, где лишь блеснет некоторая надежда к получению денег. Для оных не устрашается она впасть в ложь, в клятвопреступление, в воровство, нарушить верность слова, предаться пагубному действию гнева и ярости. Она не останавливается нарушить правила честности и смирения, лишь бы не потерять надежды на приобретение. Деньги соделываются для нее всем. Как для иных чрево заменяет Бога, так для сребролюбца заменяет Его золото и надежда корысти. Посему-то блаженный апостол, предусматривая зловредность сего недуга, называет оный не только корнем всех зол, но и служением идолам, говорит: *и лихомание* (называемое по-гречески *φελεσύγρια*), *еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

Видишь ли, до какого гибельного неистовства постепенно возрастаet недуг сей, что апостол называет его служением идолам, или кумирам, и это потому, что, оставив образ Божий (который благочестивый служитель Божий долженствует сохранять в себе неоскверненным), возжелает вместо Бога любить изображения человеческие, вычеканенные на золоте, и любоваться оными.

Глава VIII

Сребролюбие служит препятствием для всех добродетелей

Таким образом, предуспевая умалением добродетели и возрастая в зле, оттоле он уже не в состоянии удержать никакого смирения, никакой любви, никакого послушания; он отвращается от всего, ропщет и вздыхает о каждом деле. Отвергнув всякое благоговение, он несется к пропасти, подобно необузданному, свирепому коню: он недоволен ни ежедневною пищею, ни обычною одеждою, утверждает, что доле он уже сего переносить не будет. Он провозглашает, что Бог присутствует не только лишь здесь, что спасение его не заключается только одним этим местом; напротив: если он скорее не переселится отсюду, то совершенно погибнет.

Глава IX

Монах, имеющий деньги, не может пребыть в общежитии

*Ч*так, имея пищею непостоянства деньги, приуготовленные под предлогом прокормления, и уже будучи готов к перемещению, он возвращается с наглостью на все, ему повелеваемое; ведя себя как пришлец и странник, что бы ни увидел требующее исправления, о всём небрежет, всё презирает. Тайно обладая спрятанными деньгами, жалуется, что не имеет ни одежды, ни обуви, негодует, что выдают их ему поздно. Если же случится, что по распоряжению старца будет дано что-либо таковое прежде его тому, которого совершенное нестяжание известно, то он возгорается большим пламенем гнева, считает себя презираемым подобно постороннему, не хочет участвовать ни в каком деле, осуждает всё, чего требует и что сodelывает необходимым польза монастыря. Потом тщательно изыскивает случаи, в которых мог бы обидеться или прогневаться, чтоб не показалось его исшествие из общежития легкомысленным.

Но он не довольствуется одним собственным перемещением: чтоб не показалось, что он сам виновен в своем исшествии, он не престает совращать тайными наущениями кого только

может. Если же супротивность времени воспрепятствует его путешествию сухим путем или морем, то он, сжав сердце, останавливается на все это время и не престает посеять и возбуждать смущение, полагая, что он не возможет иначе оправдать свое исшествие и извинить свою ветреность, как запятнав и очернив монастырь.

Глава X

О том, каковые труды ради сребролюбия
переносит беглец монастырский, которому
прежде легчайшие дела служили поводом к ропоту

*И*так, он беспокоится, будучи более и более разжигаем страстью к деньгам, которыми обладание никогда не попустит монаху ни пребыть в монастыре, ни жить по правилам монашества. Когда таким образом диавол соделает его, лишив общества собратий, подобным скоту, отлученному от стада и приуготовленному на заколение, подобным скоту, обреченному в добычу зверей, — тогда принуждает его надеждою прибыли к неутомимой работе и днем и ночью, его, который прежде в монастыре отказывался от исполнения легчайших дел. Он не дозволяет ему сохранять ни обычных молитвословий, ни устава постов, ни правила бдений, ни исполнять обязанностей честного служения, обратив

всё его внимание или на насыщение беснования скупости, или на удовлетворение ежедневных потребностей. Несчастный, думая погасить огонь жадности приобретением, его возжигает.

Глава XI

По поводу хранения денег ищется знакомство с женщинами

Уже многие низверглись сюда с обрывистой стремнины, неисправимым падением несутся к смерти и, не довольствуясь одни обладать деньгами, которых или никогда не имели, или сначала зле сохранили, ищут знакомства с женщинами, которые бы хранили зле собранное или сохраненное. Они столько оплетают себя вредными и пагубными занятиями, что нисходят даже до глубины ада, ибо не хотят повиноваться завещанию апостола: имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем, доставляемыми иждивением монастыря. А хотящие богатитися впадают в напасти и сеть диавола, и в похоти многи несмысленны и вреждающие, яже погружают человека во всегубительство и погибель. Корень всем злым есть страсть к деньгам, которая есть сребролюбие: егоже неции желающе заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим (1 Тим. 6, 8–10).

Глава XII

Случай с некоторым монахом, потерявшим теплоту свою и увязшим в сети сребролюбия

Известен мне некто, считающий сам себя монахом и, что еще хуже, хвалящийся совершенством; он, будучи принят в общежитие, был наставляем игуменом не возвращаться к тому, от чего отказался при отречении, разрешиться от земных уз и от корня всех зол — сребролюбия; если желает очиститься от прежних страстей, которые по его усмотрению в нем ежеминутно пылали, престать домогаться того, чего он и прежде не имел, и при чем он, без сомнения, не возможет достигнуть очищения страстей своих. Тогда сей с свирепым взором отвечал игумену: если ты имеешь чем сдержать многих, то как мне воспрещаешь иметь подобным образом?

Глава XIII

Что старцы признают за нужное юным
для обнажения от страстей

Никто да не сочтет сие излишним и скучным. Ибо если не будут наперед изложены роды язв, не исследованы начала и причины болезней, то недугующий не возможет предпринять лечения, приличного недугу, а здравый —

соблюсти хранения должного для совершенного здравия. Ибо сие и несравненно большее сего обыкновенно произносят старцы в беседах своих для наставления юных, будучи сами искушены различными бедственными приключениями и падениями.

Когда старцы таким образом изложили и открыли нам душевые немощи, то и мы, находя их в себе часто и во множестве, как боримые теми же страстями, но неизлечившиеся по причине неисповедания нашего от стыдливости, возможем и при молчании нашем научиться врачевствам и причинам борющихся нас страстей. Почему мы не прикрыли их, не прошли мимо из опасения срама пред обществом братий. Даже, может быть, попадет книга сия в руки тех, кои не наставлены в монашеском жительстве; да будет открыто неискусным известное одним подвижающимся и стремящимся на высоты совершенства.

Глава XIV

Недуг сребролюбия бывает трех родов

*У*так, недуг сей бывает трех родов, кои всеми святыми отцами осуждаются с одинаковым отвращением. В первую из сих пропастей, выше нами описанную, впадают те несчастные, которые преклонились к собранию имущества, не

имев его прежде, во время жительства в миру. Во вторую впадают те, которые, в начале своего отречения отверглись имущества, начинают впоследствии собирать и снова желать его. Третья содержит в себе тех, которые, сделав худое и порочное начало, начав не вполне, будучи с начала заражены холдностью духа, не престают похищать всякого рода мирское имущество по причине объемлющего их страха бедности и недостаточества: они, сохраняя деньги или имущество, которые всячески должны были отвергнуть при отречении, не могут никогда достичнуть до евангельского совершенства.

Мы находим и в Божественном Писании примеры сих трех родов падения, наказанных нелегкими казнями. Так, Гиезий, желая получить то, чего прежде не имел, не только не удостоился получить благодати пророчества, которую долженствовало бы ему получить от учителя своего по преемству, как бы наследственную, но и, проклятый святым Елисеем, поражается, напротив того, вечною проказою. Иуда, желая опять собрать деньги, которые он отверг, последовав Христу, не только впал в предательство Господа, лишился сана апостольского, но и самой жизни не удостоился окончить обыкновенною кончиною — заключил её смертью самоубийцы. Анания и

Сапфира, оставившие часть своего прежнего имения, поражаются смертью из уст апостола.

Глава XV

Худо отрицающийся, чем отличается от неотрицающегося

Во Второзаконии таинственно предписывается о тех, которые говорят о себе, что они отреклись мира, и вместе с тем, пораженные неверием, страшатся обнажиться земных богатств: кий человек страшив и slab сердцем? Да идет, и возвратится в дом свой, да не устрашит сердца брата своего, аки сердце свое (Втор. 20, 8). Спрашиваю, что яснее сего свидетельства? Не очевидно ли: воспрещает Писание приступать к началу монашеского жительства, похищать себе имени монашеского, чтоб не отвратить других от евангельского совершенства пагубным примером и советом, не ослабить страхом неверия? Им также повелевается, оставив брань, возвратиться в дома свои: ибо не возможет кто-либо с сердцем двоедушным сражаться на брани Господней: ибо муж двоедушен неустроен во всех путех своих (Иак. 1, 8).

Должно помнить евангельскую притчу о том, кто выступил с десятю тысячами противу идущего с двадцатью тысячами и, видя, что

не может с ним сразиться, еще издалека послал просить мира: сие знаменует, что лучше не должно предпринимать ниже самого начала отречения, нежели, исполняя оное впоследствии с холодностью, подвергнуть себя большей опасности. *Ибо лучше тебе еже необещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдать* (Еккл. 5, 4). Превосходно изображено сие идущим, одним с десятью, другим с двадцатью тысячами. Ибо число добродетелей, нам поборавших, превышается числом страстей, нас борящих. *Никто же возложь руку свою на фало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божием* (Лк. 9, 62).

Глава XVI

Какими оправданиями прикрывают себя те, которые не хотят обнажиться своих имений

Таковые покушаются оправдать допущение прежней своей скупости, опираясь на некоторые места Писания. Объясняя их в погрешительном смысле, они искажают слова апостола, Самого Господа и стараются их неправильно истолковать сообразно своему желанию. Они не приспособляют своей жизни или разума к смыслу Писания, но превращают смысл Писания по желанию прелюбодейному; они хотят, чтоб Писание согласовало их мнениям; вопиют,

писано есть: *блаженнее есть паче даяти, нежели принимати* (Деян. 20, 35). Они думают, что сим кривым толкованием лишаются своей силы слова Господа: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и дажь нищим; и имети имаши сокровище на небеси; и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). Они полагают, что, так оправдываясь, не обязаны оставлять своего богатства; то есть, признавая себя блаженнейшими тогда, когда, поддерживаемые прежним имуществом, и других ущедривают от своих избытков, а между тем стыдятся воспринять славное нестяжание со Христом и апостолами, не желая быть довольными ни рукоделием, ни щедротами монастыря. Таковым остается или, сохраняя прежнее богатство, познать, что они обольщены и отнюдь не отреклись мира; или, если желают проходить монашеское жительство по самой вещи и самым делом, расточив, отвергнув всё, не сохраняя ничего оставленного при отречении, — хвалиться с апостолом в алчбе и жажде, стуже и наготе.

Глава XVII

О самоотвержении апостолов и первенствующей Церкви

Кто свидетельствует о себе, что принадлежал не низкому классу людей в мирском быту,

и утверждает, что был от рождения римским гражданином, тот разве не мог бы подобным образом содержаться прежним имуществом, если б полагал сие удобнейшим к достижению совершенства? Равно те, которые в Иерусалиме были владельцами полей или домов, продавая всё и ничего совершенно для себя не оставляя, приносили цену их и полагали пред ногами учеников; неужели они не могли содержаться собственным иждивением, если б апостолы признали сие совершеннейшим или сами они сочли полезнейшим? Напротив того, они, единожды отвергши имение свое, возжелали содержаться собственным трудом или подаянием христиан, обращенных из язычников.

Апостол Павел, пиша к Римлянам о таковом подаянии, возвещая им о своем служении по сему предмету и искусно призываая их к таковой милости, говорит: *ныне же гряду во Иерусалим, служай святым. Благоволиша бо Македония и Ахая общение некое сотворити к нищим святым, живущим во Иерусалиме. Благоволиша бо, и должны им суть. Аще бо в духовных их причастницы быша языцы, должны суть и в плотских послужити им* (Рим. 15, 25—27). Пиша к Коринфянам и озабоченный таковым же попечением, увершает их тщательно приуготовить

прежде его пришествия то подаяние, которое они располагались послать на содержание святым. *О милостыни же, яже ко святым, говорит он, якоже устроих церквам Галатийским, тако и вы сотворяйте. По единей от субботы кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопспешится, да не егда прииду, тогда собрания бывають. Егда же прииду, ихже аще искусите, с посланьми сих послю отнести благодать вашу во Иерусалим.* Чтобы побудить их к большей щедрости при сборе, присовокупляет: *аще же достойно будет и мне ити, со мною пойдут* (1 Кор. 16, 1–4), то есть если ваше приношение будет таково, что сочтется достойным быть отнесено в моем сопровождении. В Послании к Галатам свидетельствует, что о сем самом он условился с Иаковом, Петром и Иоанном, отправляясь с апостолами на служение проповеди, то есть чтоб он взял на себя проповедание язычникам, но не пренебрегал бы попечения о нищих иерусалимских, которые, отвергшись ради Христа всего имущества своего, претерпевали добровольную бедность. *И познавше, говорит он, благодать, данную ми, Иаков и Кифа и Иоанн мнимии столпи быти, десницы даша мне и Варнаве общения, да мы во языки, они же во обрезание, точию нищих да помнима.* Он свидетельствует, что сие

последнее исполнил со всевозможным тщанием, говоря: *еже и потщахся сие истое сотворити* (Гал. 2, 9–10).

Итак, кто блаженнее: те ли, которые, будучи недавно обращены из числа язычников, не сильные возвыситься к евангельскому совершенству, доселе оставались при своем имении, в которых апостол почитал большим плодом приятие веры во Христа с сохранением имения, с уклонением только от идолопоклонства, блуда, удавленины и крови; или блаженнее те, которые, удовлетворяя учению Евангелия и ежедневно нося крест Господень, не захотели оставить себе ничего из прежнего имущества? Сам блаженный апостол, будучи заключен в темницу и оковы илидержан трудностями путешествия, а потому не могши по обычаю своему собственными руками приобретать ежедневное содержание, говорит, что он получил вспоможение в своем недостаточестве от братьев, пришедших из Македонии: *скудость бо мою исполниша братия, пришедшее от Македонии* (2 Кор. 11, 9). К Филиппианам же он так относится: *вместе же и вы, Филиппиане, яко в начале благовестования, егда изыдох от Македонии, ни едини ми церковь общевася в слово даяния и приятия, точию вы едини; яко и в Солунь единою и дващи*

в требование мое поистине ми (Флп. 4, 15—16). Неужели, по мнению, образовавшемуся в растленном уме сребролюбивых людей, и филиппиане были блаженнее апостола, как уделившие ему от имений своих? Сего никакой безумный не осмелится сказать.

Глава XVIII

**Если мы желаем подражать апостолам,
то не должны жить по собственному рассуждению,
но последовать их примеру**

И потому если желаем повиноваться евангельской заповеди и быть последователями апостолов и всей первенствующей Церкви или отцов, наследовавших в наши времена их добродетели и совершенству, — то мы не должны основываться на собственном рассуждении, обещающем нам евангельское совершенство в сем несчастном и растленном состоянии; но, последуя их стопам, не будем обманывать самих себя, будем исполнять постановления и правила монастырские; отвержение наше от сего мира было истинно; не сохраним, возвращаемые вспять неверностию, ничего, нами оставленного; будем приобретать ежедневное содержание не на спрятанные деньги, но собственными трудами.

Глава XIX

Изречение святого Василия епископа о некотором сенаторе

*Р*ассказывают изречение святого Василия, епископа Кессарийского, произнесенное им некоторому сенатору, который пребывал в вышеописанном нами состоянии холдности, который, говоря, что отвергся мира, сохранял у себя некоторую часть собственного имущества, не желая содержаться трудами рук своих и приобрести истинное смижение нестяжанием, удрученiem трудами и подчинением монастырю: «Ты, и сенатора уничтожил, и монаха не сделал».

Глава XX

Как бесчестно быть побеждену сребролюбием

*У*так, если желаем законно подвизаться в духовном подвиге, то изгоним из сердец наших также и сего пагубного врага. Как преодоление его не требует великого мужества, так и победжение им бесчестно и исполнено срама. При победжении сильным хотя и бывает печаль о поражении и вздохание о упущении победы, однако по причине могущества противника рождается для побежденного некоторое утешение. Если же и противник слаб, и род сражения

маловажен, то, кроме печали о поражении, на-
носятся стыд и бесчестие, которые срамнее и
тяжостнее самого поражения.

Глава XXI

Каким образом должно побеждать сребролюбие

*Н*ад оным величайшая победа и непрестан-
ное торжество состоят в следующем: совесть мо-
наха не должна быть осквернена, так сказать,
ни малейшим количеством денег. Ибо тот, кто,
победившись ничтожным числом денег, одна-
жды принял в сердце свое корень вожделения,
невозможно, чтоб тотчас не воспламенился
большим огнем желания. Воин Христов дотоле
бывает победителем, вне опасности, чуждым
нападения всякой страсти, доколе нечестивей-
ший дух сей не насеет в сердце его начал сего
вожделения. Почему, как вообще во всех родах
страстей должно наблюдать главу змея, так в
сей особенно надлежит от нее предохраняться.
Когда глава сия будет впущена, а за нею входит
и тело, тогда возбуждается внутри сильнейший
пожар. Почему не только должно охраняться от
стяжания денег, но и самое произволение иметь
их должно быть истреблено из души. Не столь-
ко должно страшиться последствий от денег,

сколько стараться истреблять с корнем пристрастие к ним. Ибо никакой не будет пользы от неимения денег, если будет в нас произволение иметь их.

Глава XXII

Кто из неимеющих денег может быть признан сребролюбивым?

У неимеющий денег может недуговать страстью сребролюбия; благо нестяжания не принесет ему никакой пользы, если он не возмог отсечь страсти сребролюбия, если он не радуется нищете за достоинство добродетели, если бремя недостаточества переносит с вздоханиями. Каким образом Евангелие признает чистых по телу, но с оскверненным сердцем; точно так же можно необремененных тяготою денег, но пристрастных к ним душою осудить с сребролюбцами. Ибо им недоставало к стяжанию случая, а не произволения, которое всегда венчается Богом более, нежели необходимость.

Итак, нам должно усиленно стараться, чтобы плоды трудов наших не погибли напрасно. Бедственно, если, понесши тяготу нищеты и нестяжания, мы потеряем плоды их от недостатка произволения, ничего не стоящего.

Глава ХХIII

Приводится в пример Иуда

Хочешь ли знать, как пагубна, как вредна страсть сия; как влечет к душевной смерти того, кем она возобладала, если не будет тщательно истреблена; как рождает ветви всех разнородных страстей? Воззри на Иуду, сопричисленного лику апостолов. Поелику он не хотел окончательно стереть главу сего змея, то сей заразил его своим ядом и запутал в сети сребролюбия, низринул в столь глубокую пропасть греха, что он решился продать Искупителя мира и Причину спасения человеческого за тридцать сребреников. Иуда никак не впал бы в столь преступное злодеяние предательства, если бы не был заражен недугом сребролюбия; он не сделался бы виноватым в убиении Господа, если бы прежде не навык обкрадывать вверенный ему ковчежец.

Глава ХХIV

О том, что невозможно победить сребролюбие иначе, как нестяжанием

Ужасен довольно и очевиден пример тиранства сей страсти, которая, как мы уже сказали, однажды пленив душу, не допускает ей

сохранять никакого правила честности, ниже насытиться никаким приумножением корысти. Конец сего беснования приобретается не богатствами, но нестяжанием. Ибо и Иуда получил в свое заведование доверенные ему ящички, назначенные для расхода на нищих, дабы по крайней мере, насыщенный изобилием денег, он положил предел своему вожделению; но такое множество денег возбудило в нем обильнейший пламень страсти, так, что он возжелал не только обкрадывать тайно ковчежец, но и продать Господа. Беснование страсти сей превосходит все громады богатства.

Глава XXV

О кончине, которой подверглись
Анания, Сапфира и Иуда,
будучи увлечены сребролюбием

Верховный апостол, наученный примером Иуды, зная, что зараженный сколько-нибудь сею страстью не может бытьдержан никакою уздою, что конец ей полагается ни малым, ни многим количеством денег, но одною добродетелью нестяжания, наказал смертью Ананию и Сапфиру, о которых мы выше упомянули, за то, что они удержали часть своего имения. Кончину, которую Иуда добровольно навлек себе за

преступное предательство Господа, сии получили за грех лжи.

Какое сходство встречается в их преступлении и казни! Сребролюбию последовали там предательство, а здесь обман! Там предается истина, здесь допускается грех лжи! Хотя и кажется, что последствия поступков различны, но плод их одинаков. Ибо Иуда, избегая нищеты, пожелал приобрести снова то, что отверг; сии, чтоб не впасть в нищету, покусились удержать часть имения своего, которое они должны были или с верностью принести к апостолам, или всё расточить братиям. И потому в том и другом случае следует осуждение на смерть, ибо преступление обоих родилось от одного корня — сребролюбия.

Итак, если изречен столь грозный приговор на тех, которые не пожелали чужого имения, но покусились только удержать часть собственно-го, которые не имели желания приобретать, но только имели произволение сохранить, — то как должно судить о тех, которые хотят собрать деньги, коих у них никогда не было, которые пред людьми превозносят нестяжание, а пред Богом причисляются к богатым по пристрастию к сребролюбию.

Глава XXVI

Сребролюбие причиняет душе невидимую проказу

Таковые по подобию Гиезия признаются духом и умом прокаженными. Вожделевающий преходящих денег сего мира, тот поражен зарозою нечистой проказы. Гиезий собою оставил нам ясный пример, что всякая душа, оскверненная пленением страсти, поражена невидимою греховною проказою и считается пред Господом нечистою, повинною вечной клятве.

Глава XXVII

Свидетельства Писания, коими стремящийся к совершенству научается не собирать сноva того, от чего он отказался при отречении

*И*так, если ты, желая совершенства, оставил всё и последовал Христу, Который говорит тебе: *иди, продаждь имение твое и дажь нищим; и имети имаши сокровище на небеси; и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), — то для чего, возложив руку на рало, ты озираешься вспять, когда глас того же Господа признает таковых неуправляемыми в Царствие Небесное? Поставленный наверху евангельской кровли, зачем нисходишь взять

что-либо из дома твоего, то есть что-либо, прежде тобою презренное? Помещенный на поле возделывания добродетелей, почто стремишься ты возвратить имение мира, которого ты отвергся при отречении? Если же ты находился в нищете с самого начала и тебе было оставлять нечего, то тем менее должен ты приобретать то, чего и прежде не имел. Благоволение Господа приуготовило тебя сею нищетою, чтоб ты беспрепятственно притек к Нему, не будучи воспящаем [задержан] денежными сетями. Впрочем, и недостаточный в них да не печалится! Ибо нет такого, которому бы не было чего оставить. Тот отрекся от всего имущества мира, кто с корнем истребил расположение стяжать имущество.

Глава XXVIII

Победа над сребролюбием
приобретается не иначе,
как нестяжанием

Итак, совершенная победа над сребролюбием состоит в том, чтоб мы не попускали оставаться в сердце ниже малейшему огоньку какой-либо ничтожной прибыли, уверенные, что уже не будем иметь возможности погасить его, если оставим себе хотя сколько-нибудь вещества для искр сих.

Глава XXIX

В чем состоит монашеское нестяжение

Сию добродетель не иначе возможем сохранить в непорочности, как когда, пребывая в монастыре, по апостолу, имея пищу и одежду, сими довольни будем (1 Тим. 6, 8).

Глава XXX

Врачевства противу недуга сребролюбия

Итак, сохраняя в памяти осуждение Анании и Сапфирь, убоимся удержать некоторую часть имущества, от которого при отречении мы обещались совершенно отказаться. Равным образом да устрашает нас и пример Гиезия, который за сребролюбие поражен был казнью вечной проказы; будем охраняться приобретения того, чего и прежде не имели. Устрашимся также ниспадения из апостольского достоинства и кончины Иуды и всеусильно будем избегать собрания денег, которые однажды отвергли. Сверх всего сего, рассматривая слабость и изменяемость естества нашего, будем храниться, чтоб день Господень не пришел внезапно и не застал души нашей оскверненною хотя бы одною полушкою, которая может уничтожить все плоды наши и направить на нас глас Господень,

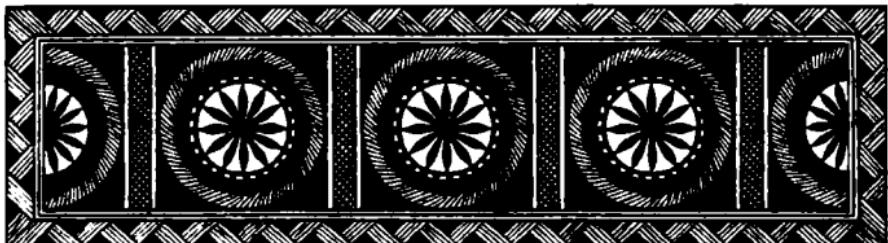
говоривший в Евангелии богатому: *безумне, в сию нощъ душу твою истяжут от тебе; а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк. 12, 20). Не помышляя ничего о завтрашнем дне, никогда не допустим себе уклоняться от установлений общежития.

Глава XXXI

Невозможно иначе победить сребролюбия,
как пребыванием в общежитии,
и каким способом можно пребыть в оном

Без сомнения, сего никак невозможно исполнить, нижé пребыть под постановленными правилами, если прежде не будет в нас наздана на твердом основании добродетель терпения, которая источается не из чего другого, как из источника смирения. Смирение никому не наносит смущения; а терпение научает великодушно переносить наносимые смущения.

КНИГА ВОСЬМАЯ

О духе гнева

Глава I

Четвертый подвиг состоит в совершенном истреблении из глубины души смертоносного яду гневного. Ибо, когда он присутствует в сердцах наших и ослепляет пагубным мраком умственные очи, тогда мы не можем иметь ни правильного рассуждения, ни истинного созерцания, ни здравого смысла, не можем быть ни причастниками жизни, ни непоколебимыми в истине, ни способными к приятию духовного и истинного света: яко смятесь, говорит, от ярости око мое (Пс. 6, 8). Мы не можем быть причастниками мудрости, хотя б по видимому и все признавали нас мудрыми: ибо ярость в недре безумных почиет (Еккл. 7, 10); не можем наследовать жизнь вечную, хотя бы суждение людей и приписывало нам разум: ибо гнев губит

и разумные (Притч. 15, 1); не можем стяжать истинной правоты сердца и непогрешительного рассуждения, хотя б, по мнению всех, мы были совершенными и святыми: ибо *гнев мужа правды Божия не содеивает* (Иак. 1, 20); не можем даже никаким образом сохранять благоговейной наружности, которую обыкновенно имеют мирские люди, хотя бы мы и считались благородными и честными по преимуществам рождения: ибо *муж ярый неблагообразен* (Притч. 11, 25); не можем иметь здравого разума, хотя по наружности и кажемся благоговейными, одаренными величайшим знанием: ибо *острояростный без совета творит* (Притч. 14, 17); даже не можем быть свободными от пагубных смущений, ниже избежать согрешений, хотя бы никто не наносил нам беспокойства: ибо *муж гневливый воздвигает свар, муж же ярый открывает грехи* (Притч. 29, 22).

Глава II

О тех, которые утверждают, что гнев тогда не вреден, когда гневаемся на согрешающих:
ибо гневается и Сам Бог

*М*ы слышали, что некоторые покушались извинить сей вреднейший недуг души непотребнейшим истолкованием Писания: они утверждали, что не вредно гневаться на согрешающих

братий, ибо, говорят они, сказано о Самом Боге, что Он прогневляется или возъяряется противу тех, которые Еgo или не знают, или, зная, презирают, как, например: *разгневася яростию Господь на люди своя* (Пс. 105, 40). Или когда пророк молится, говоря: *Господи, да не яростию Твою обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене* (Пс. 37, 1). Они не понимают, что, допуская человекам предаваться пагубному пороку, приписывают бесконечному Божеству и Источнику всякой чистоты бесчестную плотскую страсть.

Глава III

О том, что говорится о Боге сообразно нашей природе

Если сии слова о Боге должно принимать в плотском, буквальном смысле, то должно допустить Богу и сон, когда сказано: востани, вскую спиши, Господи (Пс. 43, 24); а в другом месте: *се, не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля* (Пс. 120, 4). Стояние и сидение, ибо сказано: *небо престол Мой, земля же подножие ногу Моею* (Ис. 66, 1). *Измери небо пядию и всю землю горстю* (Ис. 40, 12). Главоболение от вина: *и воста яко спя Господь, яко силен и шумен от вина* (Пс. 77, 65), един имей безсмертие и во свете живый неприступен (1 Тим. 6, 16). Я уже не говорю

о неведении и забвении, которые Священное Писание часто приписывает, как видим, Господу; потом о членах, как бы в человеке, имеющем вид и состав, то есть о волосах, голове, ноздрях, глазах, лице, руках, плечах, пальцах, чреве, ногах. Если всё сие захотим понимать в низком, буквальном смысле, то по необходимости должны будем приписать Богу тело, составленное из членов, что богохульно и от чего да будем чужды.

Глава IV

О том, как должно рассуждать о склонностях и свойствах человеческих, приписываемых Писанием неизменяемому и бестелесному Божеству

*К*ак невозможно без ужасного нечестия буквально понимать сие относительно Того, Кто учением Священного Писания изображается Неизглаголанным, Непостижимым, Неизъяснимым, Простым, Несоставным; точно также невозможно без величайшего богохульства приписывать Его неизменяемому естеству возмущение яростью и гневом. Когда упоминаются в таковом значении члены, то мы должны под именем их разуметь всемогущество Божие и неисчислимые Божии действия; так, например, под именем уст — слова Его, милосердно

проникающие во внутреннейшие чувства души, или также, что Он говорил в отцах наших и пророках; под именем очей — Его беспредельный разум, которым Он всё освещает и ведает, что от Него не скрыты никакие дела и помышления наши, ни настоящие, ни будущие; под именем рук — Промысл и всемогущество Его, коим Он сотворил и создал всё; плеча означают Силу и Управление, которыми всё содержится, движется и управляется. Умолчу о прочем: седина власов главы что может означать другое, как не вечность и безначальное существование Бога, Который не имеет никакого начала, прежде всех времен и тварей?

Следовательно, когда читаем о ярости или гневе Божием, то должны понимать сие не сообразно порочным возмущениям человеческим, но достойно Бога, Который чужд всякого возмущения: чрез сие мы должны познавать, что Он есть Судия и Мэдовоздаятель всего делающегося в сем мире; устрашаясь грозного Мэдовоздаятеля наших поступков, изображаемого сими словами, мы убоимся поступать против Его воли. Ибо естество человеческое обыкновенно боится тех, о которых знает, что они гневаются, и которых опасается оскорбить; обличаемые совестью в каком-либо проступке, страшатся

правосудного гнева даже милосерднейших; не потому, чтобы в душах, судящих правосудно, происходило возмущение гневом, но потому, что в боящихся ощущается таковое действие, производимое исполнением законов, рассматриванием нелицеприятным правосудием. Хотя оные совершены со всевозможною кротостью и тихостью, но считаются величайшею яростью и суровейшим гневом теми, которые подлежат заслуженным казням.

Будет слишком продолжительно и вне цели настоящего сочинения, если предпримем объяснять всё, что в Священном Писании сказано о Боге иносказательно и применяясь к человеческому естеству. В настоящей нужде довольно сего, относящегося к страсти гнева, дабы кому-либо по неведению не послужило поводами к недугу и смерти вечной то, откуда приобретается святыми бессмертие и врачевство спасения.

Глава V

О том, сколь монаху надлежит быть кроткую

*И*так, монах, стремящийся к совершенству и желающий законно подвизаться на духовном подвиге, должен быть чужд гнева и ярости, должен внимать завещанию сосуда избранного: *всяка грешть, говорит он, и гнев, и ярость, и клич, и хула*

да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4, 31). Когда он говорит: *всякий гнев да возмется*, то не исключает никакого, как нам нужного и полезного. Настоит ли нужда уврачевать согрешающего брата? Врачуй, но так, чтоб, принося лекарство для легчайшей, может быть, лихорадки, самому не впасть по причине гнева в тягчайший недуг слепоты. Тот, кто желает врачевать язвы ближнего, сам должен быть здрав и чужд всякой болезни, чтоб не отнеслась и к нему сия евангельская притча: *врачу, изцелился сам* (Лк. 4, 23). Что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или: како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего: и се бервно в оце твоем (Мф. 7, 3, 4).

Глава VI

О возмущении гневом праведным и неправедным

*Д*ействие гнева, возбужденное какою бы ни было причиною, ослепляет сердечные очи и, поражая остроту зрения как бы бревном — пагубным и тяжким недугом, — не попускает видеть солнце правды. Нет никакой пользы, если глаза будут заслонены досками золотыми, а не оловянными или какого другого металла: драгоценность металлов не производит различия в слепоте.

Но есть и полезное употребление гнева, в нас насажденного, которое одно нам полезно и спасительно, когда мы воспламеняемся негодованием противу сладострастных движений сердечных, когда гневаемся на сокровенно приступающие к нашему сердцу помышления, которых исполнение делом или произнесения словом стыдимся пред человеками, то есть когда от всей души трепещем ангелов и Бога, Его Ока всевидящего, везде присутствующего, всё проникающего, от которого никак не могут скрыться тайные советы нашей совести.

Глава VII

О том, в каких только случаях
нам нужен гнев, или каким образом,
по примерам блаженного Давида,
гнев с пользою допускается

*У*ли также, когда мы движемся гневом против сего самого гнева, в то время как он возбуждает нас против кого-либо из братий наших, и, разгневавшись, уничтожаем его смертоносные внушения и не дозволяем в тайне сердец наших иметь ему зловредного логовища. Так гневаться научает нас пророк, который так изгнал гнев из чувств своих, что даже не восхотел отмстить собственным врагам своим, признавая себя им

преданным от Бога. *Гневайтесь, говорит он, и не согрешайте* (Еф. 4, 26). Ибо он, когда пожелал воды из кладезя Виф...

Здесь обрывается текст рукописи архимандрита Игнатия, хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

и аргументов, которые ее составляют. Но есть и некоторые противоречия, которые неизбежны, поскольку это не наука, а наукообразующее. Виды науки, наукообразующие и наукообразуемые, неизбежно противоречат друг другу, поскольку наука неизбежно опровергает наукообразование, а наукообразование опровергает науку. Идеи наукообразования, наукообразуемости и наукообразуемости, неизбежно противоречат друг другу, и т.д. Но есть и некоторые противоречия, которые неизбежны, поскольку это не наука, а наукообразующее. Виды науки, наукообразующие и наукообразуемые, неизбежно противоречат друг другу, поскольку наука неизбежно опровергает наукообразование, а наукообразование опровергает науку. Идеи наукообразования, наукообразуемости и наукообразуемости, неизбежно противоречат друг другу, и т.д.

Слово VII. О том, что такое только служение и на
пушение спас, или пакище образов, по принципиуму Богочеловеческому
дела, есть и пакище Дому склоненое.

*Продолжение книги
«О постановлениях монастырских»
в переводе епископа Петра (Екатериновского)*

...Когда он захотел воды из колодезя Вифлеемского и получил ее от мужей храбрых, которые с опасностью жизни пронесли ее через отряды врагов, то, рассердившись на это, тотчас вылил на землю, и, таким образом гневом подавив страсть вожделения, принес ее в жертву Господу, и не исполнил желания своего, говоря: *сохрани меня Господь, чтобы я сделал это! Не кровь ли это людей, ходивших с опасностью собственной жизни?* (2 Цар. 23, 15–17). Или, когда Семей в царя Давида бросал камни, вслух его пред всеми злословил, и Авесса, сын Саруин, начальник воинов, за обиду царя хотел отомстить снятием с него головы, то блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием на жестокое предложение его, непоколебимою кротостью сохранил смирение и силу терпения, говоря: *что мне и вам, сыны Саруины? (оставьте его), пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида.* Кто же может сказать: *зачем ты так делаешь?..* Вот, если сын мой, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын Вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь

призрит на унижение мое, и воздаст мне Господь благостию за теперешнее его злословие (2 Цар. 16, 9–12).

Глава VIII

Гнев надобно иметь на самих себя

Итак, повелевается нам гневаться с пользою на самих себя, или на приходящие худые помыслы, и не грешить, то есть не приводить их в вредное действие. Этот самый смысл яснее поясняется следующим стихом: *размыслите в сердцах ваших, на ложах ваших и утишитесь* (в слав.: *умилитесь* — Пс. 4, 5), то есть что вы думаете в сердцах ваших при внезапном нападении худых помыслов, то, размышлением удаляя всякое смятение и смущение гнева, находясь как бы на ложе покоя, исправляйте спасительным сокрушением и заглаживайте. И блаженный апостол, воспользовавшись свидетельством этого стиха и сказав: *гневайтесь и не согрешайте*, прибавил: *солнце да не зайдет во гневе вашем, и не давайте места диаволу* (Еф. 4, 26–27).

Если вредно во гневе нашем заходить солнцу правды и, разгневавшись, мы тотчас даем диаволу место в сердце нашем, то как же выше он заповедал, чтобы мы гневались, говоря: «гневайтесь и не согрешайте»? Не ясно ли он

высказывает такую мысль: гневайтесь на пороки и ярость вашу, чтобы при вашем потворстве им солнце правды — Христос не стал заходить в омраченных душах по причине гневливости вашей и чтобы, по удалении Его, вы не дали диаволу место в сердцах ваших?

Глава IX

О каком солнце говорится, чтобы оно не зашло в гневе нашем

Об этом солнце Бог чрез пророка ясно напоминает, говоря: *и взойдет для вас, боящиеся имени Моего, Солнце правды, и под крыльями Его исцеление* (Мал. 4, 2). Еще говорится, что для грешников, лжепророков и гневающихся оно закатится в полдень, как говорит пророк: *закатится для них солнце в полдень* (Ам. 8, 9). А в иносказательном смысле можно понимать под солнцем разум, который справедливо называется солнцем ради того, что освещает все сердечные помышления и суждения; он гневом да не погашается, чтобы по захождении его мрак возмущения с виновником своим, диаволом, не занял все чувства нашего сердца, и нам, объятым тьмою гнева, как в темную ночь, не остаться в неведении, что нам должно делать. В таком смысле это место апостола передано нам старцами (поелику

необходимо было сказать, как они думали о гневе), которые не позволяют ему проникать в наши сердца даже ни на минуту, всячески соблюдая заповедь Евангелия: *гневающийся на брата своего подлежит суду* (Мф. 5, 22). Но если бы позволительно было гневаться даже до заката солнца, то ярость могла бы увлечь до совершения мщения прежде, нежели солнце закатится*.

Глава X

О тех, кои и по закате солнца не прекращают гнева

А что сказать о тех (чего не могу сказать без стыда), которых немиролюбию не полагает предела уже и закат солнца, но на многие дни продолжая его и сохраняя в сердце злобу на тех, на которых раздражились, хотя на словах отвергают, что гневаются, а на самом деле из поступков открывается, что они сильно досадуют. Ибо не заводят с ними приличной речи, не говорят с обычною ласковостью и думают, что

* Святой Златоуст слова апостола (Еф. 4, 26) о закате солнца принимает буквально в том смысле, что тотчас, без промедления, надобно подавлять гнев, примириться с оскорбившим; до другого дня не должно продолжать гнев, чтобы не обратился в злопамятность; нужно немедленно гнев подавлять, а не значит, что гнев можно иметь только до заката солнца.

они в этом вовсе не погрешают, потому что не домогаются отмщения по своему раздражению; однако ж, поелику не имеют или не могут явно выказать его и исполнить, а тайно питают его в сердце, то яд гнева обращают в свою погибель, когда горечь скорби не выгоняют из себя, а на время только затаивают.

Глава XI

Притворно скрывающий свой гнев грешит так же, как и обнаруживающий его

Думают, что вышесказанным не должно окончиться мщение, а достаточно удовлетворять своему гневу и скорби тогда, когда по внушению гнева исполнят, что возмогут. Так делают те, которые возмущения свое сдерживают не по желанию миролюбия, а по неудобству мщения. Ибо ничего больше не могут причинить тем, на коих прогневались, как только не говорить с ними с обычною ласковостью, как будто гнев должно обуздывать только на деле, а из сокровенности нашего сердца нет нужды изгонять его. Омрачившись тьмою его, мы лишимся света знания и здравого совета и никак не можем быть храмом Святого Духа, пока будет обитать в нас дух гнева. Удерживаемый в сердце гнев хотя присутствующих людей не оскорбляет, но

исключает светлое сияния Святого Духа, все равно как и обнаруженный на деле.

Глава XII

Гнев и на короткое время не позволительно иметь

Бог не хочет, чтобы мы удерживали гнев даже и на короткое время, потому что Он не дозволяет приносить и духовные жертвы наших молитв, если мы сознаем, что кто-нибудь имеет хоть какую-нибудь скорбь на нас, говоря: *если принесешь дар твой к алтарю, и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя; оставь там дар твой пред алтарем, и поди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). Следовательно, как же мы дозволим себе, не говорю на многие дни, но даже до заката солнца удерживать скорбь на брата, тогда как нам не дозволяется приносить наши молитвы Богу, если кто-нибудь имеет скорбь на нас? И апостол заповедует: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17); *желаю, чтобы на всяком месте молитвы произносили мужие, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8). Итак, остается или никогда не молиться, удерживая такой яд в сердцах своих, и быть виновными в нарушении этой апостольской или евангельской заповеди, которою повелевается непрестанно

и везде молиться; или если, обманывая самих себя, хотим приносить молитву вопреки ее запрещению, то должны знать, что будем приносить Господу не молитву, а упрямство в духе противления Ему.

Глава XIII

О братском примирении

Поелику мы по большей части обиженных и оскорбленных братий презираем, или, по крайней мере говоря, что они оскорбились не по нашей вине, мы пренебрегаем ими; то Врач душ, знающий все сокровенное, желая с корнем исторгнуть из наших сердец поводы к гневу, повелевает нам прощать, примиряться с братьями нашими и не иметь памяти об обиде или оскорблении их, не только когда мы оскорблены ими, но и когда знаем, что они имеют нечто против нас, справедливо ли или несправедливо, также заповедует нам, чтобы мы, оставив свой дар, то есть прекратив свои молитвы, поспешили прежде сделать удовлетворение им и, таким образом наперед уврачевав брата, приносили чистые дары наших молитв. Ибо общий всех Господь не благоволит к нашему служению, когда Он что в одном приобретает, то в другом теряет от возникшей скорби. Ибо во вреде всякого человека

одинакова бывает потеря для Того, Кто одинаково желает и ожидает спасения всех Своих рабов. И потому, когда брат имеет нечто против нас, молитва наша будет недейственна, все равно как если бы и мы в раздраженном духе питали вражду против него.

Глава XIV

Также и Ветхий Закон запрещает иметь гнев не только в действии, но и в помышлении

Но что нам долго останавливаться на заповедях евангельских и апостольских, когда и древний закон, который, кажется, имеет несколько снисхождение, то же самое запрещает, говоря: *да не возненавидиши брата твоего в сердце твоем* (Лев. 19, 17), и опять: *пути злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28). Видишь, и там злость запрещается не только в деле, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем исторгнуть из сердца злобу, и не только не воздавать за обиду, но даже и не помнить.

Глава XV

Говорится о тех, которые причины своей нетерпеливости слагают на других

Иногда мы, побежденные гордостью или нетерпеливостью, намереваясь исправить свой

необразованный, беспорядочный нрав, желаем удалиться в уединение, как будто там скоро приобретем добродетель терпения, когда никто не будет трогать нас; извиняя свое нерадение, говорим, что причины гнева заключаются не в нашей нетерпеливости, а в пороке братий. И как причины нашей погрешности возлагаем на других, то никогда не в состоянии будем достигнуть высшей степени терпения и совершенства.

Глава XVI

Спокойствие нашего сердца зависит не от произвола другого, а от нашей власти

Главную причину нашего исправления и спокойствия надобно поставлять не в произволе другого, который не подлежит нашей власти, а заключается она в нашем состоянии. Итак, чтобы нам не гневаться, это должно происходить не от совершенства другого, а от нашей добродетели, которая приобретается не чужим терпением, а нашим великодушием.

Глава XVII

С каким намерением надобно удаляться в пустыню

Далее, пустыню искать должно совершенным, очищенным от всякого порока, и по совершенном очищении от пороков в обществе

братий уходить в нее не по малодушию, а для божественного созерцания, с желанием высшего видения, которое может быть приобретено только в уединении и только совершенными. Ибо, какие пороки не уврачеванные мы перенесем в пустыню, они будут скрыты в нас, но не истреблены. Ибо уединение как способно приводить чистых нравами к чистому созерцанию и ясным видением открывать знания духовных тайн, так и пороки не очистившихся не только не очищает, но еще увеличивает. Отшельник дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока не сталкивается в сношении ни с каким человеком. А когда встретится какой-нибудь случай к раздражению, то он тотчас возвращается к прежней страсти, ибо тотчас обнаруживаются пороки, которые скрывались, и, как необузданые и от продолжительного покоя утучневшие кони, с рвением вырываются из своих затворов, и с большим стремлением и неистовством влекут своего всадника к погибели. Ибо если страсти не будут прежде очищены, то более неистовствуют в нас, когда от людей не бывает повода обнаружить их на деле. По неупражнению от беспечности мы погубляем и малое терпение, которое, казалось, имели, находясь вместе с братиями, ради стыда их и людского замечания.

Глава XVIII

**Нетерпеливы и раздражительны бывают и те,
которых люди не трогают**

Как все ядовитые роды змей или звери, пока находятся в пустыне и своих логовищах, пребывают как бы безвредными; однако ж из-за этого нельзя считать их безвредными, потому что некому вредить. Ибо это зависит не от доброты их, а от необходимости пустыни. А как улучат удобный случай укусить, они скрытый в них яд и злость души тотчас изливают и выказывают. Потому ищущим совершенства недостаточно не гневаться на человека. Ибо помним, что когда мы пребывали в пустыне, то сердились на писчую трость, когда не нравилась толстота или тонкость ее; также на ножик, когда иступленным лезвием не скоро перерезывал; тоже на кремень, если не скоро вылетала искра огня из него, когда мы спешили к чтению; вспышка негодования простиралась до того, что возмущение духа не иначе мы могли подавить и успокоить, как произнесши проклятия на бесчувственные вещи или по крайней мере на диавола.

Посему к достижению совершенства недостаточно одного только отсутствия людей, чтобы не на кого было гневаться; если наперед не будет приобретено терпение, то страсть гнева также

может устремляться и на бездушные вещи и по малым поводам. Находясь в нашем сердце, она не допустит ни приобрести постоянное спокойствие, ни освободиться от прочих пороков; разве в том думаем приобрести какую-нибудь пользу или врачевство нашим возмущением, что бездушные, немые вещи не отвечают на проклятия или гнев наш и раздражительность нашего сердца не возбуждают к большему воспламенению безрассудной ярости.

Глава XIX

О подавлении гнева по евангельскому учению

Итак, если хотим получить ту высшую божественную награду, о которой говорится: *бла́женны чистые сердцем, ибо они узрят Бога* (Мф. 5, 8), то не только в наших действиях надобно подавлять гнев, но с корнем должен быть извергнут он и из сокровенности души. Ибо немного пользы будет сдерживать пыл гнева в словах, не обнаруживать в деле, если Бог, пред Которым не скрыты тайны сердечные, увидит его в сокровенности нашего сердца. Ибо евангельское учение заповедует пресекать более корни пороков, нежели плоды, которые, по истреблении корней, без сомнения, никак уже более не будут произрастать; а таким образом дух постоянно может

пребывать в терпении и святости, когда гнев будет подавлен не только в наружных действиях и поступках, но и в сокровенности помышлений. И потому, чтобы не было сделано человекоубийство, подавляется гнев и ненависть, без которых никак не может быть допущен порок человекаубийства. Ибо *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22); и *всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15), именно потому, что сердцем желает убить его. Люди не видят, чтобы кровь его пролита была рукою или мечом; а по страсти гнева он человекоубийцею почитается от Господа, Который не только за дела, но и за желания воли и намерения воздаст каждому или награду, или наказание, как Он Сам говорит через пророка: *Аз дела их и помышление их веем, и гряду собрати вся народы* (Ис. 66, 18). И апостол говорит: *мысли их то обвиняют, то оправдывают одна другую, в день, когда Бог будет судить тайные дела человеков* (Рим. 2, 15–16).

Глава XX

Как надобно понимать гнев напрасный

Надобно знать, что в некоторых экземплярах читается: *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22). Здесь

слово *напрасно* — без причины излишне прибавлено теми, которые не думали, что надобно подавлять гнев, возбуждающийся и по справедливым причинам, между тем как никто, хотя бы рассердился без основания, не станет говорить, что он разгневался без причины. Посему видно, что оно прибавлено теми, которые не поняли намерения Священного Писания, желающего всячески истребить и корень гнева и не оставить совершенно никакого повода к негодованию. Ибо цель терпения состоит не в том, чтобы гневаться только справедливо, а в том, чтобы вовсе не гневаться. Хотя некоторые, как я знаю, это выражение «напрасно» или «без причины» толкуют так, что будто без причины гневается тот, кому непозволительно желать мщения тому, на кого рассердился; однако ж лучше держаться того чтения, как написано во многих новых и всех древних экземплярах*.

* И блаженный Иероним, кажется, держится этого мнения. Он говорит: «если нам повелевается подставлять другую щеку бьющему, любить врагов своих и молиться за гонящих, то этим отнимается всякий предлог к гневу». Не свободен от греха тот, кто, будучи оскорблен или обижен, гневается на другого. Ибо как никому не позволительно своевольно убивать кого-нибудь и по справедливой причине, так никому нельзя и сердиться по справедливой причине, именно так, чтобы другому

Глава XXI

Средства к искоренению гнева из сердца

Посему подвижнику Христову, законно подвигающемуся, надобно с корнем истреблять гнев. Совершенное уврачевание этой болезни состоит в том, чтобы, во-первых, быть уверенным, что нам никак нельзя сердиться ни по справедливым, ни по несправедливым причинам, зная, что мы тотчас лишимся света рассудительности, твердости правильного совета, даже самой чест-

желать зла, или мстить за обиду, что значит воздавать злом за зло. Этому не противно, если кто иногда без греха осердится на другого или скажет рака, или дурак. Ибо: 1) здесь не запрещаются первые движения гнева, которые и не состоят в нашей власти; но запрещается гнев обдуманный, сильный, за которым следует согласие; 2) не запрещается гнев и такой, когда гневается кто или оскорбляется за порок человека, к внушению чего, по мнению некоторых, и сказано: «кто гневается на брата своего», то есть не на порок, а на человека, которого, поелику есть брат, надобно по-братьски любить. Потому блаженный Августин говорит: надобно смотреть, что значит гневаться на брата своего, ибо не на брата сердится, кто гневается на грех брата. Гневаться на брата, чтобы исправился, этого никто здравомыслящий не будет порицать. Ибо такой гнев, происходящий от расположений к добру и от святости любви, нельзя назвать пороком, когда последует здравому разуму.

ности и направления правды, если начальный свет нашего сердца будет помрачен тьмою гнева. Потом, чистота нашего духа тотчас будет возмущена, и он вовсе не может быть храмом Святого Духа, когда дух гнева овладеет нами. Наконец, мы должны размышлять, что нам, разгневанным, никак нельзя будет молиться, изливать моления Богу. И особенно имея в виду непрочное состояние человеческого положения (то есть неизвестность смерти), мы должны думать, что в каждый день можем переселиться из тела, и нам не доставят никакой пользы ни воздержание целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды поста и бдения, когда нам Судия вселенной угрожает вечным наказанием за один гнев и ненависть*.

* О средствах против гнева пространнее говорится у св. Василия Великого в Слове о гневе; у Кассиана в Собеседованиях. 16, гл. 27; 18, гл. 12 и 13; у св. Григория Великого, кн. 5.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

О духе пегами

Глава I

Пятый подвиг предлежит нам — притупить жало едкой печали, которая, если при каждом нападении в разных несчастных случаях будет овладевать нашею душою, то всякий раз будет лишать нас способности к божественному созерцанию, и самыи дух, низвергнув из состояния чистоты, совершенно расслабляет и угнетает, не позволяет ни совершать молитвы с обычною ревностью сердца, ни с пользою заниматься священным чтением, не попускает быть спокойным и кротким с братиями; ко всем обязанностям трудов или богослужения делает нетерпеливым и неспособным, погубив всякий спасительный совет и возмутив постоянство сердца, делает безумным, опьяняет чувство, сокрушаает и подавляет мучительным отчаянием.

Глава II

С какою заботливостью надобно врачевать болезнь печали

Посему с не меньшею заботливостью нам надобно врачевать и эту болезнь, если желаем законно подвизаться подвигом на духовном поприще. Ибо, *как моль одежде и червь дереву, так печаль вредит сердцу человека* (Притч. 25, 21). Силу этого вредного и гибельного порока Божественный Дух довольно ясно и точно изобразил.

Глава III

С чем сравнивается душа, съедаемая печалью

Ибо одежда, изъеденная молью, уже не может иметь никакой цены, ни приличного употребления; также и дерево, испорченное червями, не стоит употреблять на украшение даже и посредственного здания, а годно только на сожжение огнем. Так и душа, съедаемая едкою печалью, как одежда, будет бесполезна и для той первосвященнической одежды, которая обыкновенно принимает елей Святого Духа, стекающий с неба сначала на бороду Аарона, потом на края ее, как это изображается в пророчестве Давида: *как елей на голове, стекающий на бороду Ааронову, стекающий на края одежды его*

(Пс. 132, 2). Она не может быть пригодною и на построение и укращение того духовного храма, основание которого положил мудрый строитель Павел, говоря: *вы есте храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). Какие его дерева, это показывает невеста в Песни песней, говоря: *кровли домов наших суть кедры, потолки у нас — кипарисы* (1, 16). Такие-то роды дерев требуются для храма Божия, — благовонные и не гниющие, которые бы не подвергались ни гнилости от ветхости, ни съедению червей.

Глава IV

От чего или каким образом рождается печаль

Впрочем, (эта страсть) иногда происходит от порока предшествующего — гнева или рождается от неудовлетворения желания какой-нибудь корысти, когда кто видит, что он потерял составленную в уме надежду получить какие-нибудь вещи, а иногда без всяких причин, располагающих к этой болезни; по влиянию тонкого врага мы вдруг подвергаемся такой скорби, что не можем с обычною приветливостью принимать посещение даже любезных лиц и родственников наших, и, что ни было бы сказано ими в приличном разговоре, нам все кажется неблаговремен-

ным и лишним, и мы не даем им приятного отвѣта, когда все изгибы нашего сердца наполнены желчною горечью.

Глава V

Смущение происходит в нас от порочности нашей, а не от других

Отсюда очень ясно открывается, что не всегда от вины других происходит в нас возмущение, а больше от нашей порочности, потому что мы имеем в себе скрытные причины оскорблений и семена пороков, которые, как только прольется на нашу душу дождь искушений, тотчас производят ростки и плоды.

Глава VI

Никто внезапно не подвергается падению, но, мало-помалу произвольно уклоняясь от правды, наконец погибает

Никто никогда не может быть принужден впасть в грех по поводу порока другого, если в своем сердце не будет иметь расположения к грехам. Нельзя думать, чтобы кто-нибудь вдруг обольстился, когда, увидев красоту женщины, впал в яму гнусной похоти: тогда по случаю видения только вышла наружу потаенная, скрывавшаяся внутри болезнь.

Глава VII

Для достижения совершенства
не должно удаляться общения с братиями,
а надобно всегда вооружаться терпением

Посему Творец всех Бог, лучше всех зная врачевство для Своего творения и что не в других, а в нас самих заключаются корни зла и причины оскорблений, заповедал не оставлять сообщества братий, не избегать тех, которых мы оскорбили или которые нас оскорбили, а повел смягчаться, зная, что совершенство сердца приобретается не столько удалением от людей, сколько добродетелью терпения. Если терпение будет твердо укреплено, то может сохранить нас мирными даже и с ненавидящими мир; если же не будет оно приобретено, то постоянно будем в несогласии даже и с совершенными и лучшими нас. Ибо случаи смущений, из-за которых спешим оставить тех, с которыми имеем соотношение, не могут не быть в сообщении с людьми, и потому не избегаем, а только переменяя причины печали, по которым уклоняемся от первых (людей).

Глава VIII

Если нравы будут исправлены,
то мы можем сойтись со всеми

Итак, нам надобно стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будут исправлены, то, не говорю с людьми, даже и с зверями и животными очень легко сойдемся, как сказано в Книге блаженного Иова: *и звери полевые будут в мире с тобою* (Иов. 5, 23). Ибо мы не убоимся отвне приходящих оскорблений, и никто не может со стороны ввести нас в соблазн, если внутри нас не будут насаждены корни грехов (страстей): *ибо велик мир у любящих закон Твой, Господи, и нет им соблазна* (Пс. 118, 165).

Глава IX

О другом роде печали,
которая приводит к отчаянию в спасении

Есть и другого рода печаль, гораздо худшая, которая согрешающую душу ведет не к исправлению жизни, не к очищению пороков, а к гибельнейшему отчаянию. Она-то не попустила Каину покаяться после братоубийства и Иуде по предании Господа поспешить к средствам удовлетворения, но в отчаянии вовлекла его в петлю виселицы.

Глава X

В чем бывает полезна нам печаль

Только в одном случае надобно считать печаль полезною для нас: когда она возникает от покаяния в грехах, или от желания совершенства, или от созерцания будущего блаженства. О ней святой апостол говорит: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть* (2 Кор. 7, 10).

Глава XI

Как различить полезную печаль ради Бога от диавольской, смертоносной

Но эта печаль, производящая неизменное покаяние ко спасению, бывает послушна, приветлива, смиренна, кротка, приятна, терпелива, как происходящая от любви к Богу, по желанию совершенства, неутомимо простирающеся ко всякой скорби тела и сокрушению духа, и некоторым образом веселая, ободриваемая надеждою своего совершенства; сохраняет всю приятность приветливости и великодушия, имея в себе все плоды Святого Духа, которые перечисляет апостол: *плоды Духа суть: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). А бесов-

ская печаль бывает очень сурова, нетерпелива, жестока, строптива, соединена с бесплодною грустью и мучительным отчаянием; подвергшегося ей, расслабляя, отвлекает от усердия и спасительной скорби, как безрассудная, прерывает не только действенность молитв, но упраздняет и все сказанные духовные плоды, которые печаль ради Бога доставляет.

Глава XII

Без спасительной печали ради Бога,
которая рождается тремя способами,
всякая другая печаль должна быть отвергаема

Посему, кроме той печали, которая происходит от спасительного покаяния, или от ревности к совершенству, или от желания будущих благ, всякая печаль, как мирская и причиняющая смерть, должна быть отвергаема, все равно как дух блуда, или сребролюбия, или гнева; должна быть совершенно изгоняема из наших сердец.

Глава XIII

Какими средствами
должно изгонять печаль из сердца

Итак, эту гибельную страсть мы можем выгнать из себя, если ум наш, постоянно занятый

духовным размышлением, будем ободрять будущую надеждою и созерцанием обещанного блаженства. Ибо этим способом все роды печалей, — которые происходят или от предшествующего гнева, или от неполучения прибыли, или от понесения убытка, или от причиненной обиды, или от неразумного смущения духа и приводят нас к смертному отчаянию, — мы можем победить, когда, постоянно ободривая себя созерцанием будущих, вечных предметов, пребывая непоколебимы, не будем упадать духом при настоящих несчастных приключениях, а при счастливых обстоятельствах не станем возноситься, будем смотреть на то и другое, как тленное и скоропреходящее*.

* В Добротолюбии сказано, что печаль врачуется молитвой, надеждою на Бога, поучением в слове Божием и обращением с благочестивыми людьми.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

О духе уныния

Глава I

Шестой подвиг предлежит нам против духа уныния*, которое сродно с печалью. Ему подвергаются особенно скитающиеся и уединенные (монахи). Этот злой враг для пребывающих в пустыне часто нападает на монаха особенно около шестого часа (по-нашему: 12-го, в полдень), как какая-нибудь лихорадка, нападающая в определенное время; своими приступами причиняет большой душе жестокий жар в обычные, определенные часы. Некоторые из старцев называют его бесом полуденным, о котором говорится в Пс. 90, 6.

* Уныние *acedia* — беспечность, нерадение, совершенное расслабление, упадок духа.

Глава II

Как уныние вкрадывается в сердце монаха и какой вред причиняет духу

Когда уныние нападет на жалкую душу, то производит страх места, омерзение к келлии, также и к братиям, которые живут с ним или вдали, порождает презрение, отвращение, как к нерадивым и менее духовным. Также и ко всякому делу внутри келлии делает ленивым, нерадивым. Не попускает ему ни оставаться в келлии, ни прилежать чтению, и он часто стоит, что, пребывая столько времени в той же келлии, ничего не успевает; ропщет и вздыхает, что не имеет никакого духовного плода, пока будет связан с этим обществом; скорбит, что не имеет духовной пользы и напрасно живет в этом месте, так как, имея возможность управлять другими и приносить пользу очень многим, он никого не назидает и никому не доставляет пользы своим наставлением и учением. Другие отдаленные монастыри хвалит и места те считает более полезными к преспянию и более способствующими спасению; также общество братий представляет приятными и [людьми] духовной жизни. Напротив, что находится под руками, то все худо, не только нет никакого назидания

между братиями, но и самое телесное содержание приобретается не без большого труда. Наконец, думает, что, пребывая в этом месте, он не может спастись; нужно оставить келлию, в которой ему придется погибнуть, если еще будет оставаться в ней; и потому, как можно скорее, переселяется в другое место.

Потом уныние производит также расслабление тела и голод в пятом и шестом (по нашему счислению в 11-м и 12-м) часу, как будто он утомлен и расслаблен был долгим путем и самым тяжелым трудом или будто проводил два или три дня в посте, без подкрепления пищею. Потому тогда беспокойно озирается туда и сюда, вздыхает, что никто из братий не идет к нему, часто то выходит, то входит в келлию и часто взглядывает на солнце, как будто оно медленно идет к западу. Таким образом, в таком неразумном смущении духа, как бы земля покрылась мраком, пребывает праздным, не занятым никаким духовным делом, и думает, что ничто другое не может быть средством против такой браны, как посещение какого-либо брата или утешение от одного сна. Потому этот недуг внушает, что нужно делать приличные поздравления и посещения недужных, вблизи или вдали находящихся. Также внушает, как какие-

нибудь благочестивые, набожные обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравления их; считает великим делом благочестия чаще посещать какую-нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу женщину, особенно не имеющую никакого пособия от родителей, и, если что ей необходимо, чего не дают ее родители и небрегут, о том заботиться — есть дело самое святое, и больше надобно к этому прилагать благочестивый труд, нежели бесплодно, без всякого преспения сидеть в келлии.

Глава III

Уныние чем побеждает монаха

Итак, несчастная душа, опутанная такими хитростями врагов, расслабленная духом уныния, как сильным тираном, впадает в сон или, выгнанная из затвора келлии своей, начинает искаль в этой брани утешение в посещении брата; а этим средством, от которого в настоящее время как будто получает облегчение, не много после еще больше будет расслаблена. Ибо чаще и жесточе враг будет искушать того, о ком знает, что, вступив в борьбу, тотчас обратится в бегство, и в ком предвидит, что он ожидает себе спасение не от победы, не от борьбы, а от бегства. Оставляя свою келлию, он мало-помалу станет забывать

дело своего звания, которое есть не иное что, как созерцание той божественной и превосходящей всё чистоты, которая нигде не может быть приобретена, как только в безмолвии, постоянным пребыванием в келлии и размышлением. Таким образом, воин Христов, сделавшись беглецом из своей военной службы и изменником, связывает себя житейскими делами и становится неугодным военачальнику (2 Тим. 2, 4).

Глава IV

Уныние ослепляет ум,
делает неспособным к созерцанию добродетелей

Блаженный Давид хорошо выразил весь вред этой болезни в одном стихе, говоря: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28). Хорошо он сказал, что не тело, а душа собственно воздремала. Ибо истинно душа дремлет в рассуждении созерцания добродетелей и рассмотрении духовных чувств, когда будет уязвлена стрелою этой страсти.

Глава V

Двоякое уныние бывает

Итак, истинный подвижник Христов, который хочет законно подвигаться подвигом для

совершенства, должен поспешить выгнать из тайников своей души также и эту болезнь; и против этого злейшего духа уныния подвизаться с обеих сторон, так, чтобы, сокрушенному стрелою сна, не пасть и чтобы, выгнанному из затвора монастыря, хотя бы под благовидным предлогом, не быть беглецом.

Глава VI

Как зловредны бывают действия уныния

Ибо, кого ни начнет оно одолевать с какой-либо стороны, заставит его пребывать в келлии ленивым, беспечным, без всякого успеха духовного или, выгнав отсюда, сделает потом непостоянным во всем, праздношатающимся, нерадивым ко всякому делу; заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри и ни о чем другом не заботиться, как только где и под каким предлогом можно бы найти случай пообедать. Ибо ум празднолюбца не умеет ни о чем другом думать, как только о пище и чреве, до тех пор, пока, сведши дружбу с каким-нибудь человеком или женщиной, расслабленными одинаковою холодностью, обязывается делами их и нуждами, и таким образом мало-помалу запутывается во вредных занятиях, как бы стесняется

змеиными извилинами; потом уже никогда не в состоянии будет развязаться для достижения совершенства прежнего обета (монашеского).

Глава VII

Свидетельства апостола о духе уныния

Святой апостол, как истинный и духовный врач, видя, что эта болезнь, происходящая от духа уныния, и в его время распространялась, или, Святым Духом предвидя, что возникнет и между монахами, спешит предупредить ее спасительным врачевством своих заповедей. Ибо, пиша к Фессалоникийцам, и сначала, как искуснейший и совершенный какой-нибудь врач, врачуя немощь недугующих ласковым, мягким словом, начиная с любви и похваляя их с этой стороны, лока смертельная рана, обвязанная мягкительным лекарством, оставив опухоль негодования, удобнее будет сносить острые лекарства, говорит так: *о братолюбии нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братиями по всей Македонии* (1 Сол. 4, 9–10). Сначала предложил мягкие припарки похвалы, сделал их мягкими, готовыми к принятию спасительного слова, потом говорит: *умоляем же вас,*

братия, более преуспевать (ст. 10). Еще мягкими, приветливыми словами приласкивает их, чтобы не найти их неспособными к принятию совершенного врачевства.

Что же это такое, о чем умоляет апостол, чтобы они более преуспевали в любви, о которой выше говорил: *о братолюбии нет нужды писать к вам?* И что за необходимость говорить им: *умоляем вас более преуспевать*, когда они и не имели нужды, чтобы писано было им что-нибудь об этом предмете; особенно когда представляет и причину, по которой они не имеют нужды в этом, говоря: *ибо вы сами научены Богом любить друг друга*, потом еще большее прибавляет: что не только Богом научены, но и на деле исполняют то, чему научены; *ибо вы, говорит, так и поступаете* не с одним только или двумя, но со всеми братиями, не с вашими или известными только гражданами, но во всей Македонии?

Итак, скажи, что это, что ты такие слова предпосылаешь? Потом прибавляет: *умоляем же вас, братия, более преуспевать*, и едва высказывает то, о чем прежде заботился: *и усердно стараться о том, чтобы жить тихо*, высказал первую причину; потом прибавляет вторую: *делать свое дело*; также третью: *и работать*

*собственными своими руками, как мы заповеды-
вали вам* (ст. 11); четвертую: *чтобы вы поступали
благоприлично пред внешними*; пятую: *и чтобы
вы ничего никъего не желали* (ст. 12). Вот что он
медлил и уже после стольких предварительных
объяснений высказал, что у него на душе было!
И усердно старайтесь о том, чтобы жить тихо,
то есть, пребывая в своих келлиях, не подвер-
гайтесь беспокойству от разной молвы, которая
обыкновенно порождается словами или баснями
праздных, и другим не причиняйте беспокой-
ства. *Делать свое дело*: по своему любопытству
не желайте исследовать дела мирские и испыты-
вать поступки разных лиц, старайтесь употреб-
лять ваши труды к исправлению себя или для
упражнения в добродетелях, а не на порицание
братии. *И работать своими руками, как мы запо-
ведывали вам*. Для того чтобы они не были бес-
покойными, не заботились о чужих делах, или
не поступали неблагоприлично пред внешними,
или не желали ничего чужого, теперь прибавил,
говоря: *и работать своими руками, как мы запо-
ведывали вам*. Причиною того, что апостол выше
порицал, ясно показал праздность. Ибо никто не
может быть беспокойным или входить в чужие
дела, кроме того, кто не хочет заниматься делом
рук своих.

Представил еще и четвертый недуг, который происходит от этой праздности, то есть что поступают неблагоприлично, говоря: *чтобы вы поступали благоприлично пред внешними*. Даже и между людьми тот не может благоприлично поступать, кто не хочет заниматься делом рук своих и в своей келлии, но необходимо ему быть неблагопристойным, когда он ищет необходимого для пропитания — употреблять ласкательство, собирать новости по молве, изыскивать поводы к приключениям и басням, из-за которых открылся бы всюду доступ, мог бы иметь дозволение входить в дома разных людей. *И ничего ничего не желали*. Не может не желать чужих даров и подаяний, кто не находит удовольствия благочестным и спокойным деланием своего дела приобретать себе средства для ежедневного пропитания. Видите, сколько вин, столь важных и гнусных, рождается от одного порока праздности!

Наконец, тех самых, которых в Первом послании ласкал мягкими словами, во Втором послании, как не уврачевавшихся легкими средствами, начинает врачевать острыми какими-то и жгучими лекарствами, не предпосылает им никакого пластиря мягких слов, никакого нежного, ласкового выражения, как там: *умоляем*

вас, братия; но: завещаем вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно (2 Сол. 3, 6). Там просит, а здесь завещает или повелевает. Там расположение ласкающего, здесь строгость завещевающего и угрожающего. *Завещаем вам, братия, поелику прежде нас, просящих, вы пренебрегали слушать, по крайней мере ныне завещевающим повинуйтесь.* И самое завещевание не голым словом, но с заклинанием именем Господа нашего Иисуса Христа делает страшным, чтобы они как бы опять не презрели его, как простое, произнесенное обыкновенным человеческим голосом, не подумали, что нет нужды строго исполнять его. *И тотчас, как искуснейший врач, гнилые члены, которым не мог доставить уврачевания легким лекарством, пытается врачевать насечкою посредством духовного орудия, говоря: завещаем удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас (ст. 6).*

Итак, он повелевает удаляться от тех, которые не хотят заниматься делом, и отсекать, как члены, поврежденные гнилостью праздности, чтобы болезнь бездеятельности, как смертельная зараза, распространяющеюся гнилостью не повредила и здоровые части членов.

Намереваясь говорить о тех, которые не хотят работать своими руками, есть свой хлеб в безмолвии и от которых повелел удаляться, смотрите, какими порицаниями он клеймит их. Во-первых, говорит, что они бесчинны, не поступают по его преданию; другими словами: он называет их упрямыми, так как они не хотели поступать по его наставлению, и нечестными, то есть они не соблюдали сообразной (с обстоятельствами) и пристойной благовременности ни в выходе, ни в посещении, ни в слове, ни в часах. Ибо всякий беспорядочный необходимо подвергается всем этим порокам. *И не по преданию, которое приняли от нас.* И в этом считает их некоторым образом противниками и презрительями, так как они пренебрегали держаться предания, которое приняли от него, не хотели подражать тому, чему учитель не только учил словом, как они помнили, но исполнил и делом, как они знали. *Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам* (ст. 7). Он необычайную строгость порицания увеличивает, когда утверждает, что они не соблюдают того, что напечатлено у них в памяти и не только научены наставительным словом, но и примером дел, возбуждающим к подражанию.

Глава VIII

Бесчинным бывает тот,
кто не хочет заниматься делом рук своих

Ибо мы не бесчинствовали у вас (2 Сол. 3, 7). Когда апостол хочет указать, что он не был бесчинным у них, занимаясь работою, то ясно показывает, что солуняне от порока праздности всегда остаются бесчинными. *Мы ни у кого не ели хлеба даром* (ст. 8). Учитель язычников каждым словом усиливает речь. Проповедник Евангелия говорит, что он ни у кого не ел хлеба даром, тогда как знал, что *Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовестования* (1 Кор. 9, 14); и еще: *трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10, 10). Когда и тот, кто проповедовал Евангелие, совершая столь высокое и духовное дело, даром не принимал пищи по силе повеления Господня, то что будем делать мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой заботы не завещано, кроме попечения об одной нашей душе? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязаный заботою и проповедью евангельскою, без труда рук не отважился есть?

Но занимались, говорит, трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас (2 Сол. 3, 8). Еще усиливает строгость своего вразумления. Ибо не просто сказал: *мы ни у кого не ели хлеба даром*; на этом не остановился: ибо могло бы показаться, что он содержался хотя не их (фессалоникийцев) приношением или подарками, хотя на собственном иждивении, но в праздности на сбереженные деньги свои или других. *Но занимались, говорит, трудом и работою ночь и день*, то есть своим трудом собственно содержались. И это, говорит, мы делали не по своей воле, не для удовольствия, как требовало отдохновение и упражнение тела, но как необходимость и скудость содержания заставляли работать, — не без большого утомления тела. Ибо не только в течение всего дня, но и во время ночи, которая назначена для покоя тела, я неустанно занимался этим делом рук по заботе о пропитании.

Глава IX

Не только апостол, но и бывшие с ним
работали своими руками

Апостол свидетельствует, что он не один так между ними поступал, чтобы этот образец не показался, может быть, не великим и не общим,

если бы он преподавался примером только его; но и все, говорит, которые назначены были с ним для проповедания Евангелия, то есть Силуан и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались подобною работею. *А в словах: чтобы не обременить кого из вас*, он внушает им большую стыдливость. Ибо если он, проповедуя Евангелие и подтверждая его знамениями и добродетелями, не решается даром есть хлеб, чтобы не обременить кого-либо, то как не считают обременением других те, которые ежедневно праздные, ничего не делая, потребляют его?

Глава X

**Апостол для того и работал своими руками,
чтобы нам представить пример трудолюбия**

Не потому, — говорит апостол, — чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам (2 Сол. 3, 9). Апостол показывает причину, для чего он столько труда налагал на себя: *чтобы, говорит, себя самих дать вам в образец для подражания нам*, чтобы, если словесное учение, часто влагаемое в ваши уши, забудете, по крайней мере примеры обращения, верно представленные вашим очам, вы удержали в памяти. Не легкое порицание делается им и тем, что он говорит: что не по другой какой

причине, как для примера он понес этот труд и удручение тела днем и ночью, и они, однако ж, не хотели научиться; что он, не имея для себя необходимости, для них наложил на себя столько тяжести. Хотя, говорит, мы и имели власть, и нам открыты были все ваше имущество и припасы, и я знал, что имею дозволение Господа нашего пользоваться им; однако ж я не воспользовался этою властью, чтобы сделанное мною хорошо и позволительным образом не подало другим пример вредной праздности. И потому, проповедуя Евангелие, я лучше хотел содержаться работою своими руками, чтобы и вам, желающим проходить стезею добродетели, указать путь совершенства и своим трудом представить образец поведения.

Глава XI

Апостол, не только примером, но и словами проповедуя, увещевал работать

Но чтобы не показалось, что он, молча работая и желая научить их примером, нисколько не наставлял их заповедями, увещаниями, он прибавляет, говоря: *ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (ст. 10). Апостол, показывая, с одной стороны, беспечность тех, которые, зная

его как доброго учителя, работавшего своими руками для научения и для примера, не хотели подражать, с другой — свое прилежание и осторожность, говорит, что он, находясь у них, не только представлял себя в пример, но и словами постоянно проповедовал, что *если кто не хочет трудиться, то и не ешь*.

Глава XII

Апостол, не довольствуясь одним увещеванием, присоединил еще власть и повеление

Потом апостол употребляет по отношению к ним уже не совет учителя или врача, но относится к ним с строгостью судебного приговора и, употребив апостольскую власть, как бы с судилища изрекает приговор на презрителей; (употребил) именно ту власть, которую, говорит он в Послании к Коринфянам (2 Кор. 10, 8), дал ему Господь, когда увещевал их, подвергшихся проступку, чтобы они прежде его прихода поспешили исправить себя, заповедуя так: *прошу не довести меня до того, чтобы я по пришествии моем прибыл по отношению к некоторым к той власти, которая дана мне над вами* (2 Кор. 10, 2). И еще: *если бы я и более стал хвалиться нашою властью, которую Господь дал нам к созиданию*,

а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде (ст. 8).

Именно с этою властью он произносит: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Сол. 3, 10); не плотским мечом принуждает их, но властью Святого Духа запрещает им употреблять пищу для этой жизни, чтобы они, если нисколько не думая о наказании будущую смертью, по любви к праздности захотели бы еще оставаться упорными, по крайней мере стесняемые естественною необходимостью и страхом настоящей погибели, принуждены были исполнять спасительные заповеди.

Глава XIII

*О словах апостола: мы слышим,
что некоторые между вами поступают бесчинно*

Итак, после такой строгости евангельского требования, апостол теперь уже показывает причину, почему он все это предварительно говорил: *мы слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, и суетятся* (2 Сол. 3, 11). Нежелающих работать он не довольствуется объявить растленными одною только болезнью. Ибо во Втором послании к Солунянам он называет их бесчинными, поступающими не по преданию, которое приняли от него (ст. 6);

называет также беспокойными и ядущими хлеб даром. Здесь опять говорит: *мы слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно*, и тотчас присоединяет второй недуг, который есть корень этого беспокойства: *ничего, говорит, не делают*. Потом указывает третью болезнь, которая от той происходит, как бы отрасль: *но лукавно обходящия* (а суетятся).

Глава XIV

Слова апостола пресекают многие пороки

Итак, апостол теперь спешит устраниТЬ причину стольких пороков, и, отложив апостольскую власть, которую несколько прежде употреблял, опять обращается с расположением нежного отца и милосердого врача, и своим спасительным советом, как детям и своим покровительствуемым пациентам, предлагает средства к уврачеванию, говоря: *таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб* (2 Сол. 3, 12). Причины таких ран, которые происходят от корня праздности, он устранил одною спасительною заповедью труда, как искуснейший врач, зная, что по истреблении главной болезни тотчас прекратятся и прочие недуги, происходящие от той болезни.

Глава XV

Об оказании снисхождения праздным и нерадивым

Впрочем, как прозорливый и заботливый врач, апостол не только желает уврачевать раны немощных, но и здоровым также предлагает соответственные им заповеди, чтобы навсегда могло сохраняться здоровье их, говоря: *вы же, братия, не унывайте, делая добро* (2 Сол. 3, 13). Следуя нам, то есть по нашим стезям, трудом подражайте представленным вам примерам и никак не следуйте их беспечности и недеятельности: *не унывайте, делая добро*, то есть также оказывайте ваше человеколюбие к ним, если бы они как-нибудь пренебрегли соблюдать то, что мы сказали.

Итак, апостол как вразумил немощных, чтобы, расслабев от праздности, не предавались беспокойству и любопытству, — так увещевает и здоровых не отказывать тем в человеколюбии, которое по заповеди Господней мы должны оказывать и добрым и злым, если бы некоторые худые не захотели обратиться к здравому учению; но не переставали благотворить и благоприятствовать им как словом утешения и исправления, так и обычными благодеяниями и человеколюбием.

Глава XVI

Мы должны исправлять погрешающих не с ненавистью, а с любовью

Впрочем, чтобы одобренные этою тихостью некоторые не презрели повиновение его заповедям, он опять показывает апостольскую строгость, говоря: *если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его* (2 Сол. 3, 14). И, увещевая их соблюдать что должно, по уважению к нему и для общественной пользы, и с какою осторожностью они должны исполнять апостольские заповеди, тотчас присоединяет нежность благосклоннейшего отца и, как своих детей, учит, какое расположение они должны оказывать выше сказанным по братской любви, говоря: *но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата* (ст. 15). С строгостью судьи соединяет отеческую нежность; и приговор, произнесенный с апостольскою строгостью, умеряет милостивою кротостью, ибо повелевает иметь на замечании того, кто презирает повиновение его заповедям, не иметь с ним и общения; и, однако ж, повелевает это делать не с ненавистью, а с братскою любовью и с целью исправления их. Не сообщайтесь, говорит, с ним, чтобы

устыдить его, чтобы не исправившийся моими кроткими заповедями, по крайней мере будучи пристыжен публичным отлучением от всех вас, когда-нибудь начал ходить по стезе спасения.

Глава XVII

Разные свидетельства,
которыми апостол доказывает,
что надобно трудиться
и что он сам занимался работою

Также и в Послании в Ефесе апостол об этом самом труде так предписывал, говоря: *кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из него уделять нуждающемуся* (Еф. 4, 28). Также и в Деяниях апостольских находим, что он тому самому не только учил, но и делом исполнял. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался. Ибо так говорится: *после сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф и, нашедши некоторого иудея, именем Акилу, родом Понтийца, и жену его Прискиллу... пришел к ним; и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток* (Деян. 18, 1–3).

Глава XVIII

Апостол работал столько,
сколько нужно было ему и другим, бывшим с ним,
на пропитание

Потом, проходя Милет, оттуда послав в Ефес, он призвал к себе пресвитеров Ефесской церкви и, давая им наставления, как они в его отсутствие должны управлять Церковью Божией, говорит: *ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженное давать, нежели принимать»* (Деян. 20, 33–35).

Он оставил нам важный пример своего поведения, когда свидетельствует, что он не только делал то, что нужно было только для телесной потребности его, но чтобы могло быть достаточным и для употребления бывших с ним, именно тех, которые, ежедневно занимаясь необходимым служением, никак не могли приготовить себе пропитание своими руками. И как Фессалоникийцам говорил, что он трудился, чтобы дать им образец для подражания ему; так и здесь то же самое говорит: *во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать*

слабых, именно духом или телом, то есть поспешим содержать их не от избытка запаса или сбереженных денег, а лучше своею работою и доходом, приобретаемым потовым трудом, но не от чужой щедрости и имущества.

Глава XIX

**Как надобно понимать слова:
блаженнее давать, нежели принимать**

Это называет апостол заповедью Господа. Ибо Сам, говорит, сказал, то есть Господь Иисус: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35), то есть щедрость дающего блаженнее, нежели скудость принимающего, особенно та щедрость, которая подает не из денег, сбереженных по неверию или безнадежности (на Промысл Божий), и не из сокровищ, скрытых по скупости, но происходит от плода собственного труда и благочестного пота. И потому блаженнее давать, нежели принимать, особенно когда подающий хоть и живет в бедности принимающего, однако ж своим трудом не только удовлетворяет своей потребности, но с благочестивою заботливостью спешит приготовить еще, что подать бы нуждающемуся (это относится особенно к монахам). Он украшен двоякою благодатью: отвержением всех своих вещей стяже-

вает совершенную нищету Христову, — и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого. Он почитает Бога от своих праведных трудов, приносит Ему жертву от плодов своей правды; а тот, будучи расслаблен ленивою праздностью и бездеятельностью, недостоин и того, чтобы есть хлеб, как доказывает приговор апостола (2 Сол. 3, 10); празднолюбец, вопреки запрещению его, употребляет хлеб не без виновности в грехе и упрямстве*.

Глава XX

О празднолюбивом брате, побуждающем других выйти из киновии

Мы знали брата (коего имя, если это сколько-нибудь послужит к назиданию, откроем),

* *Блаженнее давать, нежели принимать*, — потому что подаяние расширяет сердце любовью, которая усовершает и украшает душу; подающий ради Бога тем почитает Его и дает Ему в долг, который будет уплачен если не в этой, то в будущей жизни, и получит награду за это, как за заслугу. А принимающий к тяжести скудости принимает на себя еще тяжелый долг благодарности, молитвы за подающего, обязан чем-нибудь отплатить долг. Другое дело — добровольно воспринять нищету, нестяжательность ради Христа, для беспрепятственного последования Христу, для удобнейшего утождения Богу и спасения души.

который, когда пребывал в киновии и необходимость заставляла его установленную урочную работу ежедневно отдавать economy, чтобы примером какого-нибудь, охотнее работающего, не быть понуждаемым к большей мере работы или не быть пристыженным, — когда в киновии видит какого-либо пришедшего брата, желавшего по горячности веры сделать несколько больше дела, тайными убеждениями отвлекал его от такого намерения и злыми советами и подстрекательством убеждал переселиться оттуда. А чтобы удобнее выселить его, он выдумывал, что и он, будучи оскорблен, по многим причинам уже хотел уйти, если бы нашел средства на дорогу или спутника. И когда тайными порицаниями монастыря склонит его к согласию, то, назначая ему час, в который он должен выйти из монастыря, или место, в котором он, предварив, будет ожидать его, сам, как бы намереваясь выйти оттуда вслед за ним, оставался там же. И, когда тот по стыду своего выхода не осмеливался уже возвратиться в монастырь, из которого убежал, этот несчастный виновник его бегства оставался в киновии. В предосторожность новоначальных довольно сказать один этот пример такого рода людей, из которого ясно видно, сколько зла причиняет в душе монаха праздность, по учению

Священного Писания, или как худые беседы портят добрые нравы (Сир. 33, 28; 1 Кор. 15, 33).

Глава XXI

Разные свидетельства Священного Писания об унынии

Этот порок праздности и премудрый Соломон явно порицает во многом, так говоря: *кто гоняется за праздностью, тот исполнится бедности* (Притч. 12, 11), то есть или видимой или духовной, по которой всякий празднолюбец необходимо впутается в разные пороки, всегда будет чужд созерцания Бога, или духовного богатства, о котором блаженный апостол говорит: *в Нем (Иисусе Христе) вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием* (1 Кор. 1, 5). Об этой бедности праздного в другом месте пишется так: *оденется всякий сонливец в разодранную одежду и рубища* (Притч. 23, 21). Без сомнения, он не заслужит того, чтобы украситься тою одеждой нетления, о которой апостол заповедует: *да трезвимся, облекшись в броню веры и любви* (1 Сол. 5, 8). И Господь чрез пророка говорит о ней к Иерусалиму: *воспряни, воспрыни, Иерусалим, облекись в одежду красоты твоей* (Ис. 52, 1).

Всякий, кто, будучи побежден сном празднолюбия или уныния, захочет покрыться не

тщательным трудолюбием, но лохмотьями бездеятельности, отрезывая их от совершенной полноты и состава Священного Писания, оденется не в одежду славы и красоты, а бесчестное покрывало извинения своего нерадения. Ибо расслабленные леностью, не желая содержать себя делом рук своих, которым апостол непрестанно занимался и нам заповедал заниматься, имеют обыкновение пользоваться некоторыми свидетельствами Священного Писания, которыми прикрывают свою леность; говорят, написано: *старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6, 27); *Моя пища есть творить волю Отца Моего* (Ин. 4, 34).

Но эти свидетельства суть как бы лоскутья от совершенной полноты евангельского чтения, которые выдираются больше для того, чтобы прикрыть бесчестие праздности и срамоты нашей, нежели для того, чтобы согреть и украсить нас тою драгоценной и совершенной одеждой добродетелей, которую, как пишется в Притчах, мудрая жена, одетая крепостью и красотою, сделала себе или мужу своему, о которой также говорится: *крепостью и красотою она одета, и весела в последние дни* (Притч. 31, 25). Об этом недуге недеятельности опять тот же Соломон так говорит: *пути ленивого устланы тернием*

(Притч. 15, 19), то есть теми и подобными пороками, которые происходят от праздности, как выше говорил апостол. И еще: *в пожеланиях всякий ленивый* (Притч. 13, 4). Об этом апостол упоминал, говоря: *ничего ничего не желайте* (1 Сол. 4, 12). Наконец Премудрый говорит: *праздность научает многому злу* (Сир. 33, 28). Это апостол ясно обозначает, как выше объяснено, говоря: *ничего не делают, а суетятся* (2 Сол. 3, 11). К этому пороку присоединил и другой: *старайтесь быть спокойными (жить тихо)*. И потом: *делать свое дело, и чтобы вы поступали благородно пред внешними и ничего ничего не желали* (1 Сол. 4, 11–12). А некоторых называет бесчинными и непокорными, от тех заповедует рачительным удаляться: *завещаем вам, говорит, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Сол. 3, 6).

Глава XXII

Египетские монахи так работают своими руками, что не только своим потребностям удовлетворяют, но подают и заключенным в темницах

Итак, египетские отцы, наученные этими примерами, никак не позволяют быть праздными монахам, особенно молодым, рачительностью к делу измеряя состояние сердца и преспяяние

в терпении и смирении. И не только ни от кого ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов не только пита-ют приходящих братий и странников, но и посы-лают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют огромное количество пищи и припасов, веря, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят разумную и истинную жертву Господу.

Глава ХХIII

По причине празднолюбия в западных странах Европы нет монашеских киновий

От того и зависит, что в этих (западных) областях мы не видим монастырей с таким множеством братий, потому что они не поддерживаются стяжанием от своих трудов, так, чтобы могли постоянно пребывать в них; а если бы как-нибудь щедрость другого и могла доставить им достаточное пропитание, то любовь к праздно-сти и рассеянность сердца не попустят им дольше пребывать в том месте. Потому у древних отцов в Египте составилась поговорка: работаю-щего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов.

Глава ХХIV

Об авве Павле, который в каждый год дело рук своих в огне сжигал

Наконец авва Павел, опытнейший между отцами, когда, пребывая в обширной пустыне, называемой Порфирион, будучи обеспечен плодами пальм и маленьkim садиком, имел достаточный материал для пищи и жизни и не мог заниматься каким-нибудь другим делом, которым бы содержаться, потому что жилище его в той пустыне отстояло от городов и обитаемой земли на семь дней пути или еще дальше, и больше требовалось платы за провоз, нежели сколько цены можно бы было получить за готовую работу, — собравши листья пальм, постоянно требовал от самого себя ежедневный урок работы, как будто этим он должен содержаться. Когда работою целого года пещера его наполнялась, то сделанное с заботливым старанием, подложив огонь, он ежегодно сжигал. Этим он показывал, что без дела рук невозможно монаху пребывать на одном месте, ни достигнуть когда-нибудь верха совершенства, так что, хотя необходимость пропитания вовсе и не требовала этого, он делал для одного очищения сердца, сорванности помыслов и постоянного пребывания

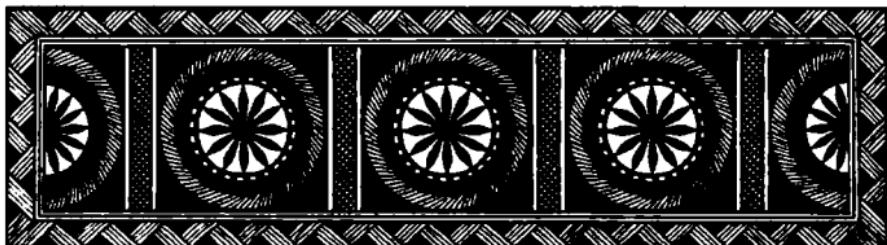
в келлии или для победы и прогнания самого уныния.

Глава XXV

Слова аввы Моисея, сказанные мне для прогнания уныния

Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому), высшему всех старцев тамошних, что вчера я был тяжко расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как побывавши у аввы Павла. Он говорит: нет, ты не освободил себя от него, но еще более предался и поработился ему. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя, как на труса и беглеца, увидев, что ты, побежденный на сражении, тотчас убежал; разве, вступив в борьбу с ним, захочешь скоро отразить приключающиеся нападения его не оставлением келлии, не погружением в сон, а научишься побеждать терпением и противоборством. Посему опытом доказано, что нападение уныния надобно не бегством отклонять, но противоборством побеждать*.

* В Добротолюбии уныние побеждается молитвой, воздержанием от празднословия и развлечения, упражнением в слове Божием, рукоделием, терпением в искушениях, размышлением о духовных, небесных благах.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

О духе тщеславия

Глава I

Седьмой подвиг предлежит нам против духа тщеславия — многообразного, разновидного и тонкого, так что едва можно самыми прозорливыми глазами, не говоря предостеречься, но предвидеть и распознать его.

Глава II

Тщеславие искушает монаха
не только с плотской стороны, но и с духовной

Ибо оно не только с плотской стороны, как прочие пороки, но и с духовной искушает монаха, приражаясь к уму самым тонким злом, так что, которые не могли обольститься плотскими пороками, те сильнее уязвляются тщеславием по поводу духовных успехов, и столько оно гибельнее при борении, сколько скрытнее, чтобы

предостеречься от него. Нападение других стра-
стей бывает более явно, открыто, и в каждом из
них искуситель, ниспроверженный строгим пре-
кословием, сделавшись слабее, отходит, и потом
поверженный противник слабее будет искушать
своего победителя. А эта страсть, когда будет
искушать душу с плотской стороны (например,
красивыми одеждами или другими внешними
вещами, принадлежностями, преимуществами)
и щитом пререкания будет прогнана, то опять,
как разнообразное зло, переменив прежний об-
раз и личину, под видом добродетелей старается
пронзить и зарезать победителя.

Глава III

Тщеславие многообразно

Ибо прочие страсти называются однооб-
разными и простыми; а эта многосложна, мно-
гообразна, разновидна, везде, со всех сторон
встречается воину и победителю. Ибо она и в
одежде, и в наружном виде, в походке, голосе,
деле, бдении, посте, молитве, отшельничестве,
чтении, знании, молчании, послушании, сми-
рении, долготерпении старается уязвить воина
Христова, и как какая-нибудь гибельная ска-
ла, покрываемая бурными волнами, причиня-
ет непредвиденное и жалкое кораблекрушение

плавающим при благополучном ветре, когда не опасались и не предвидели этого.

Глава IV

Как тщеславие нападает на монаха с правой и с левой стороны

Итак, желающему проходить царским путем надобно проходить, по апостольскому учению: *с оружием правды в правой и в левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах* (2 Кор. 6, 7–8); и с такою осторожностью среди воздымающихся волн искушений, под управлением рассудительности и под веянием на нас Духа Божия, направлять путь добродетели, так, чтобы мы знали, что, если немного уклонимся на правую или левую сторону, мы тотчас разобьемся на подводных, гибельных скалах. Потому премудрый Соломон увещевает: *не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27), то есть не тщеславься добродетелями, не превозносись счастливыми успехами в духовном, не уклоняйся и на левую стезю пороков, по апостолу, не ищи себе славы в сраме твоем (Фил. 3, 19). Ибо диавол, в ком не мог породить тщеславие видом хорошо сшитой, опрятной одежды, того старается искусить грязною, худо сделанною, убогою. Кого не мог низвергнуть честью, того

запинает смирением; кого не возмог заставить превозноситься знанием и красноречием, того обольщает важностью молчания. Если кто будет явно поститься, то искушается суетною славою. Если для избежания славы будет скрывать его, то подвергается тому же пороку превозношения. Чтобы не запятнать себя заразою суетной славы, он в виду братий избегает совершать продолжительные молитвы; а когда станет скрытно упражняться в них и не имеет никакого свидетеля этого дела, то не избегает стрел тщеславия.

Глава V

Каким сравнением поясняется свойство тщеславия

Старцы наши хорошо представляют свойство этой страсти под образом лука и чеснока, которые по снятии одного покрова оказываются покрытыми другим; столько оказываются покровов, сколько их будет снято.

Глава VI

Тщеславие не совершенно истребляется и в пустыне

Тщеславие даже и в уединении не перестает преследовать убегающего из-за славы сообще-

ства с людьми; и чем больше кто убегает всего мира, тем сильнее оно преследует его. Иного старается превозносить тем, что он очень терпелив в деле и труде, иного тем, что он очень скор на послушание, иного тем, что он превосходит прочих смирением. Иной искушается обширностью в знании, иной в чтении, иной в бдении. Не иначе эта страсть силится уязвить кого-либо, как его же добродетелями, полагая претыкания на погибель в том, в чем ищут средства к жизни. Ибо желающим проходить путем благочестия и совершенства наветующие враги скрывают сети обольщения не в другом месте, а на том пути, каким проходят, по изречению блаженного Давида: *на пути сеm, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4); так что именно на том самом пути добродетелей, каким проходим, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, мы обрушиваемся и с связанными ногами нашей души падаем, будучи спутаны сетями тщеславия. И бывает так, что в борьбе с противником мы не могли быть побеждены, а высотою своего триумфа мы побеждаемся; или, по крайней мере, что составляет другой род обольщения, мы, превышая меру воздержания или своих сил, по приключившейся слабости тела теряем постоянство нашего подвижничества.

Глава VII

Тщеславие, когда будет низложено,
тогда еще сильнее восстает на борьбу

Все страсти, будучи преодолены, увядают, побежденные, с каждым днем становятся слабее и местом или временем уменьшаются и утихают, или, по крайней мере, при сопротивлении противоположных им добродетелей удобнее предостеречься или избежать их; а эта страсть, будучи низложена, сильнее восстает на брань; и когда думают, что она умерщвлена, своею смертью еще живее укрепляется. Прочие страсти обыкновенно на тех только нападают, которых в борьбе победили, а эта страсть своих победителей еще жесточе преследует; и, чем сильнее будет сокрушена, тем сильнее борет возношением самою победою. И это есть самая тонкая хитрость врага, так что заставляет воина Христова пасть от собственных стрел, которого он не мог победить неприятельским оружием.

Глава VIII

Тщеславие не ослабляется ни пустынею,
ни возрастом

Иные отрасли иногда при помощи места успокаиваются, как мы сказали, и по удалении

предмета греха, или удобства, или повода к нему обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и с бегущим в пустыню проникает, и место не может исключить ее, не изнемогает и от удаления внешнего предмета. Ибо она воодушевляется не иным чем, как успехами добродетелей того, на кого нападает. Прочие страсти с течением времени, как мы уже сказали, иногда ослабевают и прекращаются; а этой страсти, если не будет заботливой рачительности и рассудительности, и долгое время не только не подавляет, но придает ей еще большее поощрение.

Глава IX

Тщеславие бывает опаснее,
когда соединяется с добродетелями

Прочие страсти, при противоборстве противоположных им добродетелей, открыто, как бы ясным днем, воюющие, удобнее можно победить и предостеречься их; а эта, прильнувши к добродетелям, вмешавшись в строй войска, сражается, как в темную ночь, и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее.

Глава X

Пример царя Езекии, как он стрелою тщеславия был поражен

Так мы читаем, что Езекия, царь иудейский, муж совершенной праведности во всем и свидетельством Священного Писания одобренный, после бесчисленных похвал за добродетели одною стрелою возношения (то есть тщеславия) был низложен, и кто одною молитвою мог испросить избиение 185 тысяч ассирийского войска чрез ангела, поразившего их ночью, — тот побежден тщеславием. Проходя молчанием столь длинный ряд добродетелей его, которые долго было бы перечислять, я скажу одно следующее. Кто после назначенного предела жизни и дня смерти, определенного приговором Господа, одною молитвою заслужил, чтобы переступить за грань жизни на 15 лет, когда солнце возвратилось на 10 степеней, — тот, после таких знамений, столь необычайных доказательств добродетелей, пал от своих успехов, как повествуется в Священном Писании. *В те дни, говорится, заболел Езекия смертельно. И помолился Господу, и Он услышал его и дал ему знамение (2 Пар. 32, 24),* то есть то, которое дано чрез пророка Исаию, как читаем в Четвертой книге Царств (гл. 20) о возвращении

солнца. Но не воздал Езекия, говорится, за оказанные ему благодеяния, ибо возгордилось сердце его. И был на него гнев Божий и на Иудею, и на Иерусалим. Но как смирился Езекия в гордости сердца своего, — сам и жители Иерусалима, то не пришел на них гнев Господень во дни Езекии (2 Пар. 32, 25—26).

Как гибельна, как тяжка страсть превозношения! Такая праведность, такие добродетели, такая вера и набожность, которые заслужили того, чтобы изменить самую природу и законы всего мира, погибли от одного превозношения, так что все добродетели преданы забвению, как бы их и не было, и он тотчас подвергся бы гневу Господню, если бы, образумившись, смиренiem не умилостивил Его; так что, кто с высоты заслуг ниспал чрез превозношение, тот только по тем же степеням смирения опять взошел на потерянную высоту. Хочешь узнать и другой пример подобного падения?

Глава XI

Пример царя Озии, пораженного проказою

Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Священного Писания, после необыкновенных похвал его

добродетелей, после бесчисленных побед, одержанных по заслугам своей набожности и веры, знай, как был низложен тщеславием. И пронеслось, говорится, имя Озии далеко; потому что Господь вспомоществовал ему и укреплял его. Но когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом Богом своим (2 Пар. 26, 15–16). Видишь другой пример тяжкого падения, видишь двух мужей, столь праведных и столь совершенных, погибших от своих побед! Отсюда видите, как обыкновенно бывают гибельны успехи счастливых обстоятельств, так что, которые не могли быть сокрушены несчастиями, те жесточе бывают поражены счастьем, если бывают неосторожны; и которые в сражении и битве избежали опасности смерти, те пали от собственных побед и торжеств.

Глава XII

Разные свидетельства о тщеславии

Потому апостол увещевает: *не будем тщеславиться* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от*

Единого Бога, не ищете? (Ин. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозою говорит: Бог рассыпал кости человекаугодников (Пс. 52, 6).*

Глава XIII

Каким образом тщеславие искушает монаха

Тщеславие дух начинающих и тех, которые мало еще преуспели в душевной добродетели или знании, обыкновенно превозносит или за звук голоса, то есть что они приятно поют псалмы, или что у них плоть истощенная (постом), или они телом красивы, или что имеют родителей богатых или благородных, или что они презрели военную службу и почести. Иногда также внушиает монаху, что достоинства и богатства, которых, может быть, никогда не мог бы и достичнуть, он очень легко получил бы, если бы оставался в мире; также вдыхает в него суетную надежду в сомнительном и в том, чего никогда не имел; восхищает суетною славою, как будто он сам то презрел.

* То есть когда кто угоджает прихотям людей, чтобы снискать их благоволение для своих выгод, с нарушением заповедей Божиих или без намерения исполнить волю Божию и угодить Богу.

Глава XIV

Как тщеславие внушает присвоить себе степень клирика

Иногда тщеславие влагает желание получить степень клирика, пресвитера или диакона. Если бы и невольно получил его, то представляет, что он будет исполнять с такою святостью и строгостью, что мог бы представить пример святости и прочим священникам; потом он доставил бы пользу многим не только образцом поведения, но и учением своим и речью. Также пребывающего в уединении или келлии заставляет умом и сердцем обходить дома мирян и монастыри под предлогом — воображаемым увещанием устроить обращение многих. Таким образом, несчастная душа увлекается такою суетностью, как бы в глубоком усыплении бредит, так что по большей части, увлеченная сладостью таких помыслов и наполненная этими мечтами, она не может видеть и братий или того, что делается в настоящее время, потому что она с удовольствием занимается, как истинным, тем, что в бодрственном состоянии приснилось при скиании помыслов.

Глава XV

Как тщеславие опьяняет ум

Когда я жил в пустыне Скитской, помню одного старца, который, идя в келлию одного брата для посещения, когда приблизился к двери и услышал, что он внутри что-то говорит, немного приостановился, желая узнать, что он читает из Священного Писания или, как было в обычай, за работою по памяти прочитывает. Когда благочестивый испытатель, ближе приложив ухо, точнее услышал, то узнал, что он духом тщеславия так был обольщен, что представлял, будто он в церкви предлагает народу увещательную проповедь. Когда старец, продолжая стоять, услышал, что он кончил поучение и, переменив должность, как диакон делает отпуск оглашенному, тогда толкнул в дверь. Брат, встретив старца с обычною почтительностью и вводя его, уязвляемый совестью за свои мечты, спросил, давно ли он пришел. Долго стоя у двери, не понес ли неприятности? Старец, шутя, ласково отвечал: я пришел, когда ты делал отпуск оглашенному.

Глава XVI

Страсти не иначе можно уврачевать,
как узнав их корни и причины

Я почел необходимым поместить это здесь для того, чтобы, о силе искушений от страстей, которыми жалкая душа уязвляется, узнав не только из разума, но и из примеров, мы могли быть осторожнее для избежания сетей и многообразных обольщений врага. Так и египетские отцы выставляют это на вид, чтобы браны всех страстей раскрыть для того, чтобы всякий из новоначальных и горящих духом знал тайны своих братий и, видя их как бы в зеркале, узнал и причины страстей, которыми искушаются, и средства против них; также, чтобы в случае будущих браней, прежде нежели они придут, знали, как предостерегаться и встречаться с ними или как должно сражаться. Как искусные врачи обыкновенно не только настоящие болезни лечат, но и будущие предупреждают прозорливым искусством и предотвращают их наставлениями и целебным питьем; так и эти истинные врачи душ, предотвращая имеющие возникнуть болезни сердец духовным наставлением, как некоторым небесным лекарством, не дозволяют усиливаться в душах юношей, открывая им и причины угрожающих страстей, и средства для здоровья.

Глава XVII

Монах должен избегать женщин и епископов

У отцов из древности доселе существует такое изречение, которого я не могу и произнести без своего стыда, так как я не мог ни родственницы удаляться, ни избежать рук епископа (то есть посвящен в сан пресвитера), именно: что монаху всячески надобно избегать женщин и епископов. Ибо если однажды вовлекут его в знакомство с собою, то ни тот, ни другая уже не допустят ему более иметь покоя в келлии или заниматься богомыслием, созерцать чистыми очами святые предметы*.

Глава XVIII

Средства против тщеславия

Итак, подвижник Христов, желающий законно подвизаться истинным, духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного, разновидного зверя. Мы можем избегать этого, со всех сторон встречающегося нам многоразличного зла таким

* Женщина будет возбуждать плотскую страсть, а знакомство с епископом может служить поводом к тщеславию таким знакомством или к высокому мнению о себе и т.п.

средством, если будем размышлять о словах Давида: *Господь рассыпал кости человекаугодников* (Пс. 52, 6). Во-первых, не дозволим себе ничего делать с тщеславным намерением, для получения суетной славы. Потом то, что сделано нами в начале хорошо, должны стараться охранять с должным вниманием, чтобы после подкравшаяся страсть тщеславия не упразднила всех плодов наших трудов. Также, что в сообществе братий не имеет общего употребления или не делается, того со всем старанием надобно избегать, чтобы не отдать дани тщеславию; также избегать и того, что может отличать нас между другими и приобрести у людей похвалу за то, что будто мы одни это делаем. Ибо этими особенно признаками докажется, что к нам прильнула смертельная зараза тщеславия. Этого мы легко можем избежать размышлением о том, что мы не только плод наших трудов совершенно погубим, если что станем делать с тщеславным намерением, но и, сделавшись виновными в большом преступлении, как святотатцы, подвергнемся вечным мукам; так как, к оскорблению Бога, дело, которое нам надобно бы делать для Него, мы лучше захотели делать для людей, то знающий все сокровенное обличит нас, что мы предпочли людей Богу и славу мирскую славе Господней.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

О духе гордости

Глава I

Восьмой и последний подвиг предлежит нам против духа гордости*. Эта страсть хотя последняя по времени борьбы с пороками и по порядку исчисления ставится последнею, а по важности и по времени происхождения она первая: этот зверь самый лютый, свирепее всех предыдущих, искушает особенно совершенных и почти уже поставленных наверху добродетелей жестоким угрызением погубляет.

* Гордость (*superbia*) есть беспорядочное пожелание собственного превосходства или возвышения. *Superbia* происходит от *superbeo*; *superbia* значит идти, поступать выше себя, выше своей меры, или состояния, или выше других, хотеть казаться выше, нежели каков на самом деле есть.

Глава II

Два рода гордости

Гордости два рода: один тот, который, как мы сказали, искушает мужей духовных и высоких, а другой — новоначальных и плотских. И хотя тот и другой род гордости вдыхается вредным возношением как на Бога, так и на людей; однако ж тот, первый, относится особенно к Богу, а второй касается собственно людей. Начало гордости второго рода и средства, по силам, при помощи Божией, исследуем в конце этой книжки (гл. 24); а теперь мы намерены немногое сказать о первой гордости, которою искушаются особенно совершенные, как мы сказали.

Глава III

Гордость все добродетели погубляет

Итак, нет никакой другой страсти, которая бы так все добродетели истребляла, лишила человека всякой праведности и святости и обнажала, как гордость, как главная какая и губительная болезнь, которая ни один член или часть его расслабляет, но все тело повреждает смертоносным расстройством и уже стоящих наверху добродетелей в состоянии подвергнуть

жестокому падению и погубить. Ибо всякая страсть ограничивается своими пределами и целью, хотя повреждает и другие добродетели, но нападает главно на одну и особенно ее подавляет и побеждает. И чтобы это можно было яснее уразуметь, скажем, что чревобесие, то есть вожделение чрева или страсть к обжорству, погубляет строгость воздержания, похоть оскверняет целомудрие, гнев погубляет терпение, так что иногда преданный одному пороку не лишается совсем других добродетелей; но, погубив только ту добродетель, которая падает, когда противоположный ей порок поборет, прочие добродетели хоть отчасти могут оставаться; а когда гордость овладеет несчастною душою, то как какой-нибудь самый жестокий тиран, взявши высокую крепость добродетелей, весь город до основания разрушает и разоряет. Высокие стены святости сравняв с землею пороков и смешав, потом не оставляет покоренной ею душе никакого вида свободы. И, чем более богатую захватит в плен, тем более тяжелому игу рабства подвергает и, с жестокостью ограбив все имущество добродетелей, совсем обнажает.

Глава IV

По причине гордости Люцифер из архангела сделался диаволом

Сила жестокой тирании гордости открывает-
ся из того, что тот ангел, который за превосход-
ство блеска и красоты своей назван Люцифером,
низвержен с неба ни за какой другой порок, а за
этот — из блаженного и высокого чина ангелов,
уязвленный стрелою гордости, ниспал в преис-
поднюю. Итак, если такую силу (архангела),
украшенную преимуществом такого могущества,
одно возношение сердца могло низвергнуть с
неба на землю, то с какою осмотрительностью
нам, облеченным слабою плотью, надобно осте-
регаться, — это показывает тяжесть этого паде-
ния. А как избегать гибельнейшей заразы этой
болезни, мы можем научиться, если исследуем
причины и начало этого падения. Ибо никогда
нельзя уврачевать слабость и приспособить ле-
карства к болезни, если наперед проницатель-
ным изысканием не будут исследованы начало
и причины ее.

Этот (архангел), облеченный божественною
светлостью и между прочими вышними силами
(ангелами) более сияя дарованиями Создателя,
думал, что блеск мудрости и красоту доброде-

телей, которою украшался по благодати Творца, он получил по могуществу своей природы, а не по благодеянию щедротательности Его. И от этого превознеслись, так, как будто не имел нужды в помощи Божией для пребывания в этой чистоте, почел себя подобным Богу, как будто ни в чем не имел нужды, как Бог; положившись на способность свободного произволения, думал, что по этому произволению будет у него в изобилии все, что нужно для совершенства добродетелей, или непрестанного продолжения высшего блаженства. Это одно помышление сделалось для него первым падением. За это оставленный Богом, в Котором, думал, он не имеет нужды, вдруг, сделавшись непостоянным и колеблющимся, почувствовал и слабость своей природы, и лишился блаженства, которым по дару Божию наслаждался. И поелику он возлюбил слова гибельные (Пс. 51, 6); говорил: *взойду на небо, и язык коварный, которым говорил о себе: буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13); или об Адаме и Еве: *будете, как боги* (Быт. 3, 5); *за то Бог сокрушит его вконец, изринет его и истотрннет из жилища Своего, и корень его из земли живых. Тогда праведники, видя падение его, убоатся, посмеются над ним, говоря* (это весьма справедливо относится также и к

тем, которые надеются, что могут совершать высшее добро без покровительства и помощи Божией): «*Вот человек, который не в Боге положал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем*» (см.: Пс. 51, 7–9).

Глава V

Побуждения ко всем порокам происходят от гордости

Гордость есть причина первоначального падения и главное начало болезни. Гордость чрез Люцифера, низверженного за нее, вкравшись потом в первосозданного (Адама), произвела слабости и поводы ко всем порокам. Ибо когда он думал, что может приобрести славу божества свободою произвола и своим старанием, то потерял и ту, которую получил по благодати Творца.

Глава VI

Гордость по порядку борьбы бывает последняя, а по времени и началу – первая

Итак, примерами и свидетельствами Священного Писания ясно доказывается, что страсть гордости хотя последняя по порядку борьбы (то есть гордость можно победить не

прежде, как после победления прочих стра-
стей), но по происхождению — первая, есть
начало всех грехов и пороков (Сир. 10, 15;
Тов. 4, 13). Она, не как прочие пороки, не одну
только противоположную ей добродетель, то
есть смиление, истребляет, но и все вместе доб-
родетели погубляет, и не только посредствен-
ных и малых искушает, но особенно стоящих
на высоте мужества (добродетелей). И потому
блаженный Давид хотя с такою осмотритель-
ностью охранял свое сердце, что дерзновенно
взывал к Тому, от Кого не скрыты тайны его
совести: *Господи! не надмевалось сердце мое, и
не возносились очи мои, и я не входил в великое и
для меня недосягаемое; не смирялся ли я?* (Пс. 130,
1–2); и еще: *не будет жить в доме моем посту-
пающий коварно (гордо)* (Пс. 100, 7); однако
ж, зная, как трудно это охранение сердца и
для совершенных, не полагается на одно свое
старание, но в молитве испрашивает помощи
Господней, чтобы мог не уязвленным избежать
стрелы этого врага, говоря: *да не наступит на
меня нога гордости* (Пс. 35, 12), опасаясь и бо-
ясь, чтобы не подвергнуться тому, что говорит-
ся о гордых: *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6);
и еще: *нечист пред Богом всяк высокосердый*
(Притч. 16, 5).

Глава VII

Гордость есть такое зло,
что Самого Бога имеет противником

Гордость есть столь великое зло, что заслуживает иметь противником не ангела, не другие противные ей силы, но Самого Бога. Надобно заметить, что не сказано, что Бог противится подвергшимся прочим порокам, например чревоугодникам, блудникам, гневливым или сребролюбивым, но одним гордым. Ибо эти пороки падают только на согрешающих или на их участников, то есть других людей по видимому касаются; а эта касается собственно Бога, потому особенно и достойна иметь Его противником.

Глава VIII

Как Бог посрамил гордость диавола
добротелью смирения

И потому Творец вселенной и Врач Бог, зная, что гордость есть причина и начало болезней, захотел уврачевать противное противным, так, чтобы то, что распалось от гордости, было восстановлено смирением. Ибо гордый говорит: *взойду на небо* (Ис. 14, 13); а смиренный говорит: *смирилась до земли душа моя* (Пс. 43, 26). Тот говорит: *и я буду подобен Всевышнему*; а этот

говорит: будучи образом Божиим, уничтил Себя Самого, приняв образ раба; смирил Себя, быв послушным даже до смерти (Фил. 2, 6–8). Тот говорит: выше звезд Божиих вознесу престол мой (Ис. 14, 13); а этот говорит: научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф. 11, 29). Тот говорит: я не знаю Бога и Израиля не отпущу (Исх. 5, 2); этот говорит: если скажу, что не знаю Его (Бога), то буду подобный вам лжец. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его (Ин. 8, 55). Тот говорит: мои суть реки, и я сотворил их (Иез. 29, 3); этот говорит: Я ничего не могу творить Сам от Себя, а Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела (Ин. 5, 19; 14, 10). Тот говорит: мои суть все царства мира и слава их, и кому захочу, даю их (Лк. 4, 6); этот говорит: будучи богат, обнищал ради нас, дабы мы обогатились Его нищетою (2 Кор. 8, 9). Тот говорит: как собирают яйца оставленные, так я обобрал всю землю, и никто не пошевелил крылом, и не разинул рта, и не пискнул (Ис. 10, 14); этот говорит: я уподобился пеликану в пустыне, бдел и сделался, как одинокий воробей на кровле (Пс. 101, 7–8). Тот говорит: ступнями ног моих иссушу все реки Египетские (Ис. 37, 25); этот говорит: не могу ли Я теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?

(Мф. 26, 53). Если рассмотрим причину начального падения и основания нашего спасения, кем и как они положены или возникли, то падением Люцифера и примером смирения Спасителя научимся, как мы должны избегать столь жестокой смерти от гордости.

Глава IX

Как можем победить гордость

Итак, мы можем так избегать сетей этого злейшего духа, если во всех добродетелях, в каких будем сознавать, что преуспеваем, будем говорить с апостолом: *благодатию Божию есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился, не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10). *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению* (Фил. 2, 13). И Сам виновник нашего спасения говорит: *кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не сохранит город, напрасно бодрствует стража. Напрасно вы рано встаете (Пс. 126, 1–2). Помилование зависит не от желающего и не от подвигающегося, но от Бога милующего (Рим. 9, 16).

Глава X

Никто не может достигнуть совершенства добродетелей, или обещанного блаженства, только своими силами

Ибо ничья воля или подвиг, хотя бы кто хотел и подвизался, не могут быть настолько достаточны, чтобы, обложенный плотью, противоборствующему духу, в состоянии был достигнуть верха совершенства и награды за непорочность и чистоту, если не будет вспомоществуем милосердием Божиим, так, чтобы заслуживал достигнуть того, чего очень желает или куда стремится. Ибо *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный исходит свыше, от Отца светлов* (Иак. 1, 17). Ибо *что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (1 Кор. 4, 7).

Глава XI

Примером Давида и благоразумного разбойника подтверждается вышесказанное

Если вспомним, что благоразумный разбойник за одно исповедание введен в рай (Лк. 23, 42–43), то поймем, что он достиг такого блаженства не заслужив своего подвига, а получил по дару милующего Бога. Или если вспомним,

что два столь тяжкие и столь необыкновенные преступления царя Давида были заглажены одним словом покаяния, то увидим, что заслуги труда здесь недостаточны были для прощения такого преступления, но в преизбытке явлена благодать Бога, Который, приняв истинное покаяние с искренним исповеданием одного слова (то есть согрешил я), потребил такую тяжесть грехов. Также исследуя начало звания и спасения человеческого, которым мы спасены, по апостолу, благодатью, и сие не от нас, не от дел наших, а по дару Божию (Еф. 2, 8—9), ясно можем понять, что достижение совершенства есть дело не желающего, не подвигающегося, но милующего Бога (Рим. 9, 16), Который во все не в воздаяние за заслугу наших трудов или подвижничества делает нас победителями проков и не в возмездие за тщание нашей воли помогает восходить на столь трудную высоту непорочности, покорив плоть, которую носим. Точно никакое удручене этого тела, никакое сокрушение сердца для приобретения истинной чистоты внутреннего человека не могут быть достойны того, чтобы в состоянии были приобрести такую добродетель чистоты, прирожденную одним ангелам и свойственную небу, одним трудом человеческим без помощи Божией. Ибо

действие всякого добра происходит от благодати Бога, Который такую долговечность блаженства и безмерную славу с великою щедростью даровал (нам) за слабое усердие и за краткий, малый подвиг наш.

Глава XII

Нет никакого труда, который мог бы равняться обещанному блаженству

Всякая долговременность настоящей жизни кажется ничтожною, когда посмотришь на продолжительность будущей славы, и все скорби от созерцания безмерного блаженства удалятся, как дым, истощившись до ничтожества, исчезнут и никогда не явятся, как угасшая искра.

Глава XIII

Предание отцов о способе приобретения чистоты

Итак, время уже сообщить мнение отцов теми самыми словами, какими передают, именно тех, которые путь совершенства и качество его не высокопарными словами изобразили, но, владея делом и силою духа, собственным опытом и верными примерами передали его. Итак, они говорят, что невозможно кому-либо совершенно очиститься от плотских пороков, если не

сознаёт, что весь труд и старание его не могут быть достаточны для достижения такого совершенства и если не убедится, будучи научен не столько наставлением преподающего, сколько расположением, усилием и опытом собственным, что достигнет его не иначе, как по милосердию и при помощи Божией. Ибо для получения столь величественной и столь превосходной награды за чистоту и непорочность, каков бы ни был употреблен труд поста, бдения, чтения, уединения, отшельничества, [никто] не может быть достоин того, чтобы получить ее по заслугам своего старания или труда. Ибо собственный труд или человеческое старание никогда не заменят божественного дара, если он по милосердию Божию не будет сообщен желающему.

Глава XIV

Помощь Божия подается трудящимся

Я говорю это не для того, чтобы упразднить человеческие усилия, отклонить кого-либо от тщания и труда, но решительно утверждаю мнением не моим, а старцев, что вовсе невозможно достигнуть евангельского совершенства без этих усилий и трудов; также и этими одиними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией. Ибо, как

мы говорим, что человеческие усилия сами по себе не могут достичнуть совершенства без помощи Божией, так утверждаем, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердие и благодать Божия, или, сказать словами апостола, желающим и подвигающимся сообщается, как и в 88-м псалме воспевается от лица Бога: *Я оказал помощь мужественному, вознес избранного из народа* (ст. 20). Хотя мы говорим, что, по изречению Спасителя, дается просящим, отверзается стучащим и ищащие обретают (Мф. 7, 7–8); но прошение, искаание и стучание наше не помогут нам, если милосердие Божие не даст того, чего просим, или не отверзет, когда стучим, или не даст нам найти то, чего ищем. Бог готов доставить нам все это, когда только от нас будет дан Ему повод доброю волею. Ибо Он больше, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаженный Давид знал, что он вовсе не может иметь успеха в своем деле и труде от собственного только тщания, так что неоднократно молитвою умолял Господа, чтобы Он благоволил управить дела его, говоря: *в деле рук наших споспешествуй нам* (Пс. 89, 17); и еще: *утверди, Боже, то, что Ты соделал для нас* (Пс. 67, 29).

Глава XV

У кого мы должны учиться пути к совершенству

Итак, если мы действительно хотим самым делом достигнуть истинного совершенства добродетелей, то должны ввериться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но, делом и опытом понимая, могут и нас научить, направить к нему и верно указать и путь к достижению его, и которые свидетельствовали, что они достигли его больше верою, нежели заслугами трудов. Приобретенная ими чистота сердца доставляла им ту особенно пользу, что сознавали, что они более и более удручаются грехами. Потому сокрушение о грехах столько каждый день умножалось в них, сколько чистота сердца усовершалась; и они непрестанно от искреннего сердца вздыхали, потому что сознавали, что они никак не могут избежать нечистоты и срама грехов, которые запятнали их чрез многоразличные помыслы. И потому объявляли, что они надеются получить награды в будущей жизни не по заслугам трудов, а по милосердию Господа, не присвоя себе никакого преимущества по сравнению с другими из-за такой осмотрительности сердца, потому что эту самую (осмотрительность) они

приписывали не своей тщательности, а благодати Божией; не обольщают себя высоким мнением о себе при виде нерадения низших и холодных (людей), а больше рассматривают тех, о которых знали, что они действительно не имели греха и в Царстве Небесном уже наслаждаются вечным блаженством, — приобретали постоянное смирение; и таким образом этим рассматриванием^{*} вместе избегали падения от возношения и всегда находили то, к чему стремились или о чем сетовали, понимали, что при препятствии от тяжести плоти они сами собою не могут достигнуть желаемой чистоты сердца.

* Тройное рассмотрение приводит к смирению и предостерегает от гордости: 1) рассматривание благости Божией, которая делает нас тем, что мы есмы, и без которой ничего не можем сделать, что нужно для спасения; 2) рассматривание нашей слабости, маловажности, окаянства как по душе, так и по телу, которое таково, что мы в себе ничего не находим, кроме греховности нечистоты; *что гордится земля и пепел?* — говорит премудрый Сирах (10, 9); 3) рассмотрение чистоты совершенства блаженных духов, не имеющих никакой греховной нечистоты и наслаждающихся блаженным видением. Если бы Бог оставил нас, то мы были бы хуже самых худых. Свойство смирения — видеть свои грехи, а в других — добрые качества; а гордости свойственно видеть в себе только хорошее, а в других — только худое.

Глава XVI

Без милосердия Божия и воодушевления
мы не можем приступить
к самому труду достижения совершенства

Итак, по преданиям и наставлениям (святых отцов), мы должны так стремиться (к совершенству), упражняясь в посте, бдении, молитве, скрущении сердца и тела, чтобы все это гордость не сделала напрасным. Ибо надобно верить, что мы не только не можем достигнуть совершенства нашим тщанием или трудом, но и самые эти труды, усилия и занятия, в которых упражняемся для него, не можем совершать без помощи Божией, без воодушевления, вразумления и увещания благодати, которую обыкновенно Бог вливает в наши сердца, милостию посещая нас, или чрез другого, или Сам Собою.

Глава XVII

Разные свидетельства,
которыми доказывается, что без помощи Божией
мы ничего не можем совершить
относительно спасения

Виновник нашего спасения научает, что мы ничего не можем сделать сами собою. *Я ничего не могу творить Сам от Себя*, говорит Он, *а Отец*,

пребывающий во Мне, Он творит дела (Ин. 5, 30; 14, 10). Он от лица воспринятого человечества говорит, что ничего не может делать Сам от Себя; мы ли, земля и пепел, будем думать, что не имеем нужды в помощи Божией в том, что относится к нашему спасению?

Итак, чувствуя во всем свою немощь и Божию помощь, научимся и мы ежедневно взывать со святыми: сильно толкнули меня, чтобы я упал; но Господь поддержал меня. Господь – сила моя и песнь; Он соделался моим спасением (Пс. 117, 13–14). Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания (ад). Когда я говорил: «Колеблется нога моя», милость Твоя, Господи, поддерживала меня. При умножении скорбей моих в сердце моем утешения Твои услаждали душу мою (Пс. 93, 17–19). Так же видя, что сердце наше укрепляется в страхе Божием и терпении, будем говорить: Господь был мне опорою. Он вывел меня на пространное место (Пс. 17, 19–20). Сознавая, что от успеха дел умножается у нас знание, будем говорить: ибо Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою. Тобою я поражаю войско, с Богом моим восхожу на стену (Пс. 17, 29–30).

Потом, чувствуя, что мы приобрели крепость терпения и на стезе добродетелей легче и

без труда направляемся, должны говорить: *Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь. Делает ноги мои, как оленьи, и на высотах моих поставляет меня. Научает руки мои браны* (Пс. 17,33–35). Если мы, приобретя рассудительность и укрепляясь ею, можем победить своих противников, то должны взывать к Богу: *наказание Твое исправило меня вконец, наказание Твое научило меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои* (Пс. 17, 36–37). И поелику я так укреплен Твоим знанием и силою, то дерзновенно прибавлю и следующее, и скажу: *я преследую врагов моих, и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их. Поражаю их, и они не могут встать; падают под ноги мои* (Пс. 17, 38–39).

Опять помня о своей немощи, что мы, облеченные слабою плотью, без помощи Божией не можем победить столь жестоких врагов — пороки, должны говорить: *с Тобою избодаем рогами врагов наших; во имя Твое попрем ногами восстающих на нас. Ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасает меня; но Ты спасаешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас* (Пс. 43, 6–8). Ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня. Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я

истреблю ненавидящих меня (Пс. 17, 40–41). Помышляя, что мы не можем победить своим оружием, будем говорить: *возьми щит и латы, и восстань на помошь мне. Обнажи меч и прегради путь преследующим меня; скажи душе моей: Я спасение твое!* (Пс. 34, 2–3). Мышцы мои сокрушают медный лук. Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня (Пс. 17, 35–36). *Ибо отцы наши не мечом своим приобрели землю, и не их мышца спасла их, но Твоя десница, и Твоя мышца, и свет лица Твоего, ибо Ты благоволил к ним* (Пс. 43, 4).

Наконец, все благодеяния Божии внимательным умом рассматривая, за все то, что или мы победили, или получили от Него просвещение знания, или дарование рассудительности, или Он наделил нас оружием Своим, или препоясал поясом силы, или обратил наших врагов в тыл и даровал силу рассеять их, как ныне пред лицом ветра, то с искренним расположением сердца будем взывать к Нему: *возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое, избавитель мой, Бог мой – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопоклоняемого Господа, и от врагов моих спасусь* (Пс. 17, 2–4).

Глава XVIII

Мы укрепляемся благодатью Божией
не только в естественном состоянии,
но и в ежедневном строительстве
нашего спасения

Мы должны благодарить Бога не только за то, что Он сотворил нас разумными, одарил властью свободного произволения, даровал благодать крещения, сообщил знание закона и помошь, но и за то, что Он доставляет нам ежедневным промышлением Своим, именно: освобождает нас от наветов врагов, содействует нам, чтобы мы могли победить плотские пороки, покрывает нас без нашего ведома от опасностей, ограждает от грехопадения, помогает и просвещает нас, чтобы мы самую помошь могли понимать и познавать, тайно вдыхает сердечное сокрушение о нерадении и грехах наших, посещает нас спасительным вразумлением, иногда даже влечет нас к спасению, наконец самый свободный произвол наш, который склоннее бывает к порокам, направляет к лучшему делу и, посещая Своим наказанием, обращает на путь добродетелей.

Глава XIX

Такое понятие касательно благодати Божией предано древними отцами

Это есть собственно смиление по отношению к Богу*, это есть искренняя вера древнейших отцов, которая у последователей их доселе продолжается неизменно. Об этой вере несомненно свидетельствуют апостольские силы (чудеса), которые часто совершались ими (святыми отцами) не только у нас, но и между неверными и маловерными. Они, в простом сердце содержа простую веру рыбарей, из очевидных знамений познали, что воспринимают ее (веру) не мирским духом посредством силлогизмов, диалектиков и

* Смиление по отношению к Богу состоит в том, чтобы сознавать свою зависимость от Бога во всем, признавать благодарения Божии, благодарить за них, покоряясь воле Божией, или, по выражению апостола Петра, смиряться под крепкую руку Божию, а ради Бога покоряться и людям, то есть высшим, как служителям Божиим и орудиям Его. Сущность смиления состоит в том, чтобы воля наша подчинялась воле Божией. Вся тварь невольно подчинена Творцу, а от разумной твари требуется добровольное подчинение, которое может быть тройкое, так, что, чего хочет Бог, и мы должны желать, чего не хочет Он, того и мы должны отвращаться, а когда неизвестно, хочет или не хочет Он чего, то и мы должны и не вполне желать и не совершенно отвращаться.

красноречия Туллия Цицерона, а опытом искренней жизни, чистою деятельностью и исправлением пороков, и (вернее сказать) в ней заключается сущность совершенства; а без нее (веры) невозможны ни благочестие по отношению к Богу, ни очищение пороков, ни исправление нравов, ни совершение добродетелей.

Глава XX

Один брат за богохульство предан нечистому духу

Я знал одного из числа братий (о если бы я не знал его; хотя после сего он допустил поставить себя в степень моего чина) (то есть посвятить в священники), который одному весьма опытному старцу открылся, что он подвергается жестокому нападению от плотской страсти, так что сгорал желанием лучше согрешить против употребления природы, нежели переносить нестерпимое разжжение похоти. Тогда старец, как духовный и истинный врач, прозрев внутреннюю причину и начало этой болезни и тяжело вздохнув, сказал: «Господь никак не попустил бы тебе подвергнуться такому нечистому духу, если бы ты в чем-нибудь не богохульствовал на Него»*.

* Из этого видно, что за гордость или богохульство Господь в наказание допускает виновному подвергаться

По открытии этого брат тотчас упал к ногам его на землю, пораженный крайним удивлением, видя, что Бог открыл ему тайны его сердца, сознался, что он в нечестивом помышлении имел хулу на Сына Божия. Отсюда ясно, что тот, кем обладает дух гордости или кто похулит Бога, как причиняющий обиду Тому, от Кого надобно ожидать дара чистоты, лишается непорочности и не заслуживает святости целомудрия.

Глава XXI

Пример иудейского царя Иоаса,
который за гордость подвергся наказанию

Нечто подобное читаем в книге Паралипоменон: Иоас, царь иудейский, седми лет первосвященником Иодаем был возведен на царство и, по свидетельству Священного Писания, был похвален во всем, пока жил упомянутый первосвященник. А после смерти Иодая

искушению плотской страсти. По словам св. Григория Великого, если грех не очищается скоро слезами покаяния, то Бог в наказание оставляет его, и человек, связанный узами греха и омраченный греховною тьмою, впадает в другие грехи, начинает присоединять один грех к другому. Таким образом, последующие грехи служат наказанием за прежние грехи, принебреженные, не скоро очищенные слезами покаяния.

слушай, что говорит об Иоасе Священное Писание, и как, превознесшись гордостью, он предан был бесчестной страсти: *по смерти Иудая пришли князья Иудейские и поклонились царю; тогда (обольщенный) царь стал слушаться их. И оставили дом Господа Бога отцов своих и стали служить деревам посвященным и идолам, – и был гнев Господень на Иуду и Иерусалим за сию вину их. И не много после: и по истечении года выступило против него войско Сирийское, и вошли в Иудею и в Иерусалим, и истребили из народа всех князей народа, и всю добычу, взятую у них, отослали к царю в Дамаск. Хотя в небольшом числе людей приходило войско Сирийское, но Господь предал в руки их весьма многочисленную силу за то, что оставили Господа Бога отцов своих. И над Иоасом совершили они (бесчестный) суд**. И, уходя от него, оставили его в тяжкой болезни (2 Пар. 24, 17–18, 23–25). Видишь, как гордость заслужила, чтобы он предан был бесчестным и нечистым страстям! Ибо он, вознесшись гордостью, допустил поклоняться себе, как Богу, за то предается, по апостолу, постыдным страстям и превратному

* Блаженный Иероним думает, что сириане осквернили его мужеложством.

смыслу (Рим. 1, 26, 28), чтобы он потерпел не- пристойное. И поелику, по словам Священ- го Писания (Притч. 16, 5), нечист пред Богом всяк высокосердый, то надменный сердцем предается постыдной страсти для посрамле- ния, чтобы, так униженный, почувствовал, что он нечист или по осквернению плоти, или по ощущению нечистой страсти, чего по воз- ношению своего сердца не хотел чувствовать, чтобы постыдное смешение плоти обнаружило скрытную нечистоту его сердца, которую про- извела гордость, и чтобы явное осквернение его тела показало, что он нечист, тогда как по надменности духа прежде не сознавал, что он сделался нечистым.

Глава ХХII

Всякая гордая душа
подвергается духовным непотребствам
для посрамления

Вышесказанным ясно доказывается, что всякая душа, одержимая гордостью, предается умственным сириянам, то есть духовным непо- требствам, запутывается плотскими страстями, чтобы, по крайней мере униженная плотскими пороками, сознала себя нечистою и осквернен- ною чрез плоть, тогда как во время холодности

духа не могла прежде сознать, что чрез возношение сердца она сделалась нечистою пред взором Божиим^{*}; чтобы таким образом человек, униженный, позаботился выйти из состояния холодности и, пристыженный бесчестием плотских страстей, постарался возбуждать в себе горячую ревность к духовным подвигам.

Глава XXIII

Совершенства нельзя достигнуть иначе, как смирением

Итак, очевидно, что никто не может достигнуть чистоты и конца совершенства иначе, как истинным смирением, которое сначала должен человек оказывать братиям, также и Богу в сокровенности сердца, в полной уверенности, что без покровительства и помощи Еgo, оказываемой ему ежеминутно, он вовсе не может достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием стремится.

* Богу столько противна гордость, что за нее Он допускает впадать в гнусные плотские пороки, которые посрамляют, заставляют сознать свою нечистоту и смириться.

Глава XXIV

Кого искушает духовная гордость и кого плотская

Доселе, сколько позволяла бедность нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которою, как сказано, искушаются все совершенные. Этот род гордости не многими познан и испытан, потому что не многие стараются приобрести совершенную чистоту сердца, чтобы могли достигнуть до этих степеней брани, и не заботятся об очищении от прежде упомянутых страстей, которых свойства и средства мы изложили в особых книгах. Эта гордость обыкновенно искушает только тех, которые, победив предыдущие пороки, находятся уже почти наверху добродетелей. Поелику хитрый враг не может подвергнуть их плотскому грехопадению, то усиливается запнуть и низложить духовным падением, чрез которое старается лишить их всех заслуг прежних добродетелей, приобретенных с большим трудом. Впрочем, нас, которые еще опутываемся плотскими страстями, он вовсе и не удостаивает искушать таким образом, но запинает более грубою и, так сказать, плотскою гордостью. И потому об этой гордости, которая обыкновенно искушает нас

или людей нашей меры, а особенно души новоначальных или начинающих, думаю, необходимо немного сказать по нашему обещанию.

Глава XXV

Описание плотской гордости

Итак, эта плотская гордость, о которой мы сказали, когда при холодном, худо положенном начале отречения от мира поселится в душе монаха, не дозволяя ему от прежней мирской надменности прийти к смирению Христову, сначала делает его непокорным и упрямым, потом не позволяет быть кротким и ласковым, также не допускает быть равным с братиями и общительным, не позволяет, по заповеди Бога и Спасителя нашего, оставить все имущество и остаться в нищете; и поелику отвержение мира есть не что иное, как знак умерщвления и креста, то оно и не может начаться и созидаться на другом основании, как на признании себя духовно умершим для дел этого мира и на уверенности, что он и телесно имеет умереть в каждый день; напротив — гордость заставляет его надеяться на долговечную жизнь, предполагает у него многие и продолжительные немощи, внушает также смущение и стыд, если, сделавшись нищим, станет содержаться чужим, а не своим имуществом;

внушает также, что пищу и одежду гораздо лучше приготовлять на свои, нежели на чужие средства, именно по тому изречению (которого, как сказано, никогда не могут и понять пораженные тупостью и холодностью сердца): *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35).

Глава XXVI

Кто положил худое основание,
тот ежедневно нисходит в худшее состояние

Итак, побежденные такою безнадежностью (иные нерадением) духа и диавольским неверием погасив искру веры (которою, казалось, воспламенились в начале своего обращения), начинают усерднее сохранять деньги, которые прежде начали было расточать, и как однажды расточенные уже не могут возвратить, то с большою скупостью сберегают их; или, что еще хуже, возвращая прежде отвергнутое или даже собирая то, чем прежде не владели, что составляет третий и самый худший род непотребства, тем показывают, что они, вышедши из мира, больше ничего не приобрели, как только имя и слово монаха. Итак, на этом начале, положенном на худом и порочном основании, необходимо будет устроиться потом все здание пороков, и ничего нельзя будет положить на таком худом

основании кроме того, что подвергнет жалкую душу плачевному падению.

Глава XXVII

Изложение пороков, рождающихся от гордости

Точно, душа, ожесточенная такими страстями и начинаящая (монашескую жизнь) с отвратительной теплотою, необходимо с каждым днем будет преуспевать на худшее и остальную жизнь свою заключит безобразным концом, и когда услаждается прежними похотями и побеждается святотатственным сребролюбием, о котором апостол говорит так: *любостяжение есть идолопоклонство* (Кол. 3, 5; Еф. 5, 5), и еще: *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10); то никогда не может приобрести в сердце своем простое, истинное смирение Христово, когда или тщеславится благородством рода, или надмевается достоинством (которое оставил телом, а не духом), или восхищается деньгами, которые удерживает к своему падению; а от этого (гордый) уже не хочет понести бремя монастырской жизни, не принимает наставления какого-либо старца.

Ибо, кем возобладает страсть гордости, тот не только не считает достойным соблюдать какое-либо правило подчинения или послуша-

ния, но и самое учение о совершенстве не допускает до своих ушей, и в его сердце растет такое отвращение к духовному слову, что когда бы и случилось такое собеседование, взор его не может стоять на одном месте, но исступленный взгляд обращается туда и сюда, глаза обыкновенно устремляются в другую сторону, вкось. Вместо спасительных вздоханий слюни в высохшей гортани сгущаются, харкотина выходит без всякого побуждения мокроты, пальцы играют, наподобие пишущего что-нибудь бегают, рисуют, и таким образом туда и сюда двигаются все члены тела, так что, пока продолжается духовное собеседование, ему думается, что он сидит на ползающих червях или острых спицах; и что простое собеседование ни высказало бы к назиданию слушающих, гордый думает, что это сказано в поношение ему. И во все время, в которое происходит рассуждение о духовной жизни, он, занятый своими подозрениями, ловит, перенимает не то, что надобно бы принять к своему преуспению, но озабоченным умом изыскивает причины, почему то или другое сказано, или с тайным смущением сердца придумывает, что можно бы возразить им, так что из спасительного исследования совершенно ничего не может получить или в чем-нибудь исправиться.

Таким образом бывает, что духовное беседование не только ни в чем не приносит ему пользы, но еще становится более вредным и делается для него причиной большего греха. Ибо когда он по своей совести подозревает, что все сказано против него, то с большим упорством сердца ожесточается и уязвляется острыми стрелами гнева; после этого бывает возвышенный голос, суровая речь, резкий, строптивый ответ, походка гордая и подвижная, язык легкий, речь дерзкая, никогда не любящая молчания, разве когда против какого-нибудь брата в сердце своем возымеет отвращение, и молчание его бывает знаком не сокрушения, не смирения, а гордости негодования, так что нелегко различить, что в нем есть более отвратительного: рассеянная ли и дерзкая радость или угрюмая язвительная молчаливость. Ибо в той радости бывает речь не благовременная, смех легкомысленный, глупый, необузданное и невежественное возношение сердца; а в этой (молчаливости) — молчание, полное гнева и язвительное, и оно только для того бывает, чтобы отвращение к брату, сохраняемое молчаливостью, могло дольше продолжаться, а не для того, чтобы от этого произошла добродетель смирения и терпения.

И будучи обладаем надменностью, хотя сам причиняет всем скорбь, но для удовлетворения оскорбленному брату не только не хочет поклониться, но и принесенное ему от него извинение отвергает и презирает. И не только никаким удовлетворением брата не трогается, не смягчается, но еще более негодует за то, зачем он предварил его в смирении. И спасительное смирение и удовлетворение, которое обыкновенно полагает конец диавольским искушениям, бывает причиной сильнейшей злобы.

Глава XXVIII

О гордости одного брата

Я слышал в этой только стране (что странно и стыдно рассказывать), что один из младших, когда авва его стал выговаривать, для чего он стал оставлять смирение, которое по отречении от мира так мало времени сохранял, и надмевается диавольскою гордостью, с крайним высокомерием ответил: ужели я для того на время смирялся, чтобы всегда быть подчиненным? При этом его столь дерзком, преступном ответе старец так изумился, что всякая речь его прервалась, как будто он принял эти произнесенные слова от самого Люцифера, а не от человека, так что вовсе никакого слова против

такой дерзости не мог выпустить из своих уст, кроме только стона из сердца и вздохания, только молча в себе размышлял о том, что говорится о Спасителе нашем: *Он, будучи образом Божиим, смирил Себя, быв послушным не на время (как он говорит, будучи одержим диавольским духом надменности), а даже до смерти* (Фил. 2, 6, 8).

Глава XXIX

Признаки, по которым узнается, что плотская гордость есть в душе

Чтобы сказанное об этом роде гордости кратче изложить, по возможности собрав некоторые признаки ее, чтобы тем, которые желают научиться совершенству, из внешних действий человека некоторым образом изобразить характер его, я считаю необходимым коротко повторить то же, чтобы нам в сокращении знать, по каким признакам можно угадать и различить ее, чтобы обнаженные и выведенныя наружу корни этой страсти, ясно понятые и рассмотренные, удобнее можно было вырвать или избежать. Ибо тогда можно бы смертоносной болезни всецело уклониться, когда против ее гибельного воспаления и вредных нападений принимается *заблаговременная* предосто-

рожность, когда, предварительные приметы узнавая, предусмотрительно прозорливою рассудительностью предупреждаем ее (безнь гордости). Ибо из действий внешнего человека, как мы сказали, познается состояние внутреннего.

Итак, эта плотская гордость, о которой мы выше сказали, отличается следующими признаками: сперва бывает в разговоре ее крикливость, в молчании — досада, в веселии — громкий, разливающийся смех, в печальном случае — неразумная скорбь, в ответе — строптивость, в речи — легкомысленность, слова вырываются без всякого участия сердца, безрассудно. Она не имеет терпения, чужда любви, дерзка для нанесения оскорблений, а к перенесению их малодушна, к повиновению неудобоподвижна, разве в чем предварило ее желание и воля, к принятию увещания непреклонна, для отсечения своей воли слаба, для подчинения другим весьма упорна, всегда усиливается настоять на своем мнении, а другому уступить никак не хочет; и таким образом, сделавшись неспособною принимать спасительный совет, во всем доверяет больше своему мнению, нежели суждению старцев.

Глава XXX

**Кто от гордости сделался холодным к благочестию,
тот желает иметь преимущество пред другими**

Тот, кем однажды гордость овладела, спустившись по сказанным степеням падения, уже страшится самого благочиния киновии, как будто сообщение с братиями отвлекает его от совершенства, как будто другие по своей вине препятствуют ему приобретать терпение и смирение; желает жить в уединенной келлии или построить монастырь, как будто он может принести пользу очень многим другим, и спешит сбрать тех, которых должен был учить, наставлять, из негодного ученика делается еще худшим учителем. Ибо когда от такого возношения сердца впадает во вредную, погибельную холодность и сделается ни монахом истинным, ни мирским, то от этого самого жалкого состояния и поведения обещает себе даже совершенство, что еще хуже.

Глава XXXI

**Как можем победить гордость
или достигнуть совершенства**

Итак, если хотим здание наше довести до верха, так, чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспешим положить основание его не

по воле нашей страсти, а по точному евангельскому учению; это основание не может быть иное, как страх Божий и смирение, которое происходит от кротости и простоты сердца. Смирения же нельзя приобрести без наготы*. Без нее никак невозможно приобрести ни готовности к повиновению, ни силы терпения, ни спокойствия кротости, ни совершенства любви, без которых сердце наше вовсе не может быть жилищем Святого Духа, как говорит Господь чрез пророка: «На ком почнет Дух Мой, как не на смиренном, и тихом, и благоговеющем пред Моими словами?» Или по еврейскому тексту: *на кого воззрю, как не на нищего, и сокрушенного духом, и трепещущего Моих слов* (Ис. 66, 2).

Глава XXXII

Каким образом
истребительница всех добродетелей – гордость
может быть подавлена истинным смирением

Посему подвижник Христов, который, законно подвизаясь духовным подвигом, желает

* То есть без отвержения мира, всех богатств и ненужных вещей, без нестяжательности. В Добротолюбии сказано: смирение рождается от веры, страха Божия, кротости и совершенного бескорыстия, посредством коих приобретается и совершается любовь.

получить от Господа венец, должен поспешить всеми способами подавить этого лютейшего зверя, как истребителя всех добродетелей, будучи уверен, что, пока эта гордость будет пребывать в его душе, он не только не может освободиться от разных пороков, но если бы и имел что-либо добродетельное, и то погибнет от яда ее. Ибо никаким образом не может в душе нашей созидаться здание добродетелей, если наперед не будет положено в нашем сердце основание истинного смирения, которое, будучи крепко утверждено, могло бы поддерживать верх совершенства и любви; именно нужно, чтобы сначала с искренним расположением сердца мы изъявили нашим братиям истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем не обидеть или не оскорбить, чего мы никак не возможем исполнить, если из любви ко Христу не будет утверждено в нас истинное самоотвержение, которое состоит в оставлении всего имущества и нестяжательности; потом, если не будет воспринято иго послушания и подчинения с простым сердцем, без всякого притворства, так, чтобы, кроме приказания аввы, вовсе не жила в нас никакая своя воля.

Это может исполнить только тот, кто считает себя не только мертвым для этого мира, но и не-

разумным, глупым, всё, что прикажут ему старцы, будет исполнять без всякого исследования, считая это священным и возвещенным от Бога.

Глава XXXIII

Средства против гордости

Если мы будем находиться в таком настроении духа, то, без сомнения, такое состояние смирения будет истинно спокойным и непоколебимым, так что мы, считая себя низшими всех*, всё, что будет причинено нам, обида ли, скорбь,

* Мы будем считать себя низшими всех в том убеждении, что в других есть много сокровенных добрых качеств, которых мы не видим; а в нас самолюбие недостатки наши скрывает, а доброе преувеличивает, ценит выше, нежели как оно кажется в глазах других. Святой Златоуст говорит: мы должны оказывать честь не только старшим по возрасту, но и равным. Ибо то не есть смирение, что ты должен делать по необходимости; а истинное смирение — то, когда мы уступаем тем, которые кажутся ниже нас, и мы уважаем тех, которые нам кажутся менее достойными, нежели мы. Если мы будем правильно мыслить, то никого не будем считать меньшим нас, но все люди превосходят нас. Это я говорю не о нас, погруженных в грехах; но, если кто сознает в себе много добрых дел, тот, если не будет думать, что он последний из всех, не получит никакой пользы от всех своих добрых дел (Беседа 33 на книгу Бытия).

или вред, терпеливо будем переносить, так, как бы нам это нанесено от начальников наших. Это будет перенесено нами не только очень легко, но и будет считаться малым и ничтожным, если мы умом постоянно будем размышлять о страданиях нашего Господа и всех святых, думая, что искушающие нас обиды столько легче, сколько дальше мы отстоим от их заслуг и поведения, также помышляя, что мы чрез короткое время переселимся из этого века, и по скором окончании этой жизни мы тотчас будем соучастниками их. Такое размышление истребит не только гордость, но и вообще все пороки. После этого будем твердо держаться и смирения по отношению к Богу.

Это мы исполним, если будем сознавать, что мы сами по себе без помощи благодати Божией ничего не можем сделать, что относится к совершению добродетелей, и по истине будем уверены, что и то самое, что мы удостоились уразуметь, есть дар Божий.

СОДЕРЖАНИЕ

Послание с. Кастора, епископа Аптенского, к Домну Кассиану Авве Мессалийскому.....	9
Иоанна Кассиана пресвитера, красноречивейшего и древнейшего писателя предисловие к книгам о постановлениях монастырских к епископу Кастору.....	13

Книга первая

[ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МОНАШЕСКОГО ОДЕЯНИЯ]

Глава I. О одежде монаха	21
Глава II. О поясе монаха.....	21
Глава III. О одежде монаха	24
Глава IV. О египетских куколях	27
Глава V. О мантиях египтян	27
Глава VI. О аналаве	28
Глава VII. О их мафортах	29
Глава VIII. О милоти и козьей коже.....	29
Глава IX. О посохе	30
Глава X. О их обуви	31

Книга вторая

О УСТАВЕ НОЧНЫХ МОЛИТВ И ПСАЛМОВ

Глава I.....	33
Глава II. О различном количестве псалмов, назначаемых для прочтения по уставам, коими руководствуются в разных странах	33

Глава III. О том, что во всем Египте хранятся единообразные правила, и о избрании настоятелей братства	35
Глава IV. О том, что во всем Египте и Фиваиде сохраняется чин двенадцати псалмов	37
Глава V. О чине двенадцати псалмов, принятом по преданию ангела	38
Глава VI. О обычae двенадцати молитв	41
Глава VII. О правилах, наблюдаемых при молитве	42
Глава VIII. О молитве, последующей за псалмом	43
Глава IX. О качестве молитв.....	43
Глава X. О том, коликово молчание соединяют египтяне в молитвах своих с краткостью	45
Глава XI. О уставе псалмопения у египтян	47
Глава XII. О том, почему, когда один читает псалмы, прочие в синаксе сидят, и с каким тщанием после оного пребывают по келлиям в бдении даже до света	49
Глава XIII. О том, почему не должно спать по отпуске ночного молитвословия	51
Глава XIV. О том, каким образом они занимаются в келлиях своих рукоделием вместе с молитвою.....	53
Глава XV. О том, с какою скромностью по окончании молитвословия каждый возвращается в свою келлию и какому подвергается наказанию тот, кто поступает иначе.....	54
Глава XVI. О том, что никому не должно молиться с тем, кто отлучен от молитвы.....	55
Глава XVII. О том, что будящий братию к молитве должен сие делать в известный час	56

**Глава XVIII. О том, что они не преклоняют колен
от вечера субботнего до вечера воскресного дня.....57**

**Книга третья
О УСТАВЕ ДНЕВНОГО МОЛИТВОСЛОВИЯ
И ПСАЛМОПЕНИЯ**

Глава I.....	59
Глава II. О том, что египтяне в продолжение всего дня непрерывно занимаются молитвами и псалмопением с рукоделием.....	59
Глава III. О том, что по всему Востоку служба третьего, шестого и девятого часа заключается только в трех псалмах и молитвах; почему именно в сии часы назначено отправлять богослужение.....	61
Глава IV. Утреня (см именем мы называем службу первого часа) установлена не древним преданием, но придумана в наше время.....	66
Глава V. О том, что после утренних молитв не должно возвращаться ко сну	68
Глава VI. О том, что старцы, учредив богослужение утрени, ничего не изменили в древнем порядке псалмов	69
Глава VII. О том, что не пришедшему при дневных молитвословиях до окончания первого псалма, воспрещается вход в церковь; при ночных же таковое замедление прощается до окончания второго псалма	70
Глава VIII. Бдения, отправляемые с вечера субботы и начинающиеся засветло, как располагаются относительно времени, или какой чин их отправления	71

Глава IX. О том, почему с вечера субботнего установлены бдения, и почему по всему Востоку повелевается разрешение поста в субботу	74
Глава X. От чего произошло наблюдение поста в городе в день субботний.....	75
Глава XI. О том, чем служба воскресного дня отличается от служения, отправляемого в прочие дни	76
Глава XII. О том, что в те дни, в кои поставляется ужин для братии, не читается положенного псалма, как это бывает пред обедом...	77

Книга четвертая О ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ДЛЯ ОТРИЦАЮЩИХСЯ

Глава I.....	79
Глава II. О том, что они пребывают в общежитиях до глубочайшей старости.....	80
Глава III. О том, какому подвергается испытанию желающий быть принятым в общежитие	80
Глава IV. О том, почему не употребляют на монастырские нужды имения тех, кои поступают в общество монашествующих	82
Глава V. О том, почему отрицающиеся мира, будучи приняты в монастырь, отлагают собственные одежды и облекаются игуменом в другие	83
Глава VI. О том, почему одежды отрицающих, в коих они пришли в монастырь, хранятся экономом	84
Глава VII. О том, почему принятому в монастырь не позволяется тотчас присоединиться к обществу братий, но он наперед помещается в гостиницу	85

Глава VIII. О том, какие наставления, во-первых, преподают юным, чтобы они могли оказать преуспеяние в побеждении похотей.....	86
Глава IX. О том, почему повелевается юным, чтобы никаких помыслений своих не скрывали от старца	87
Глава X. О том, коликое послушание юных даже и в том, что требуется необходимостью естества	88
Глава XI. О том, какая пища считается у них приятнейшею.....	89
Глава XII. О том, что по звуку толкнувшего в двери они оставляют всякое дело, стремясь скорее исполнить повеленное	90
Глава XIII. О том, сколько почитается преступным, если кто хотя и ничтожную какую вещь назовет своею.....	91
Глава XIV. О том, что хотя он и получит много денег за какое-либо дело, однако никак не выходит из установленных пределов умеренности	92
Глава XV. О неумеренности стремления нашего к стяжаниям	93
Глава XVI. О правилах исправления различных погрешностей.....	94
Глава XVII. О том, откуда получило начало чтение священных книг, совершающееся в общежитиях во время братского стола, и коликое молчание во время оного наблюдается у египтян.....	96
Глава XVIII. О том, что не должно вне трапезы употреблять ни пищи, ни пития.....	97

Глава XIX. О том, каким образом ежедневное служение отправляется братиями в Палестине и Месопотамии.....	98
Глава XX. О трех зернышках чечевицы, найденных экономом	100
Глава XXI. О добровольном служении, оказанном некоторыми братиями	101
Глава XXII. О уставе ежедневного служения братиям, наблюдавшим египтянами	102
Глава XXIII. О послушании аввы Иоанна, посредством коего он возвысился до благодати пророчества	103
Глава XXIV. О сухом дереве, которое сей авва Иоанн поливал по приказанию своего старца как бы для напоения	104
Глава XXV. О сосуде с маслом, который был один и выброшен Иоанном по приказанию старца	106
Глава XXVI. О том, каким образом авва Иоанн, повинуясь своему старцу, усиливался сдвинуть превеликий камень, который и многим вместе невозможно пошевелить	107
Глава XXVII. О смирении и послушании аввы Мукия, по причине коих он не остановился исполнить приказание старца и бросить малолетнего сына своего в реку	108
Глава XXVIII. Каким образом было открыто игумену о отце Мукие, что он совершил дело Авраама, и о том, что по кончине сего игумена отец Мукий наследовал ему в управлении монастырем.....	110

Глава XXIX. О послушании брата, который по повелению аввы, нося публично десять корзин, продавал по одной.....	111
Глава XXX. О смирении аввы Пинуфия, пресвитера и настоятеля знаменитейшего общежития, который, по желанию повиноваться, удалился в отдаленный монастырь и там принят как новоначальный	112
Глава XXXI. Каким образом игумен Пинуфий, будучи приведен в монастырь свой и пробыв там краткое время, опять бежал в Сирию.....	115
Глава XXXII. Завещание, данное сим игуменом Пинуфием брату, коего он принимал в свой монастырь	116
Глава XXXIII. Монаху, трудящемуся по преданию отцов, предназначено великое награждение, в противном же случае – великое наказание. Почему не должно принимать в монастырь с легкостью.....	117
Глава XXXIV. О том, что отречение наше есть не что иное, как умерщвление и образ распятия.....	118
Глава XXXV. О том, что крест наш есть страх Господень.....	119
Глава XXXVI. О том, что отречение не принесет никакой пользы, если будем возвращаться к тому, от чего отреклись	120
Глава XXXVII. О том, что диавол всегда подстерегает наш конец, а мы должны непрестанно блести его главу.....	122

Глава XXXVIII. О том, чтоб отрицающийся приуготовлялся ко искушениям и подражал немногим	122
Глава XXXIX. О том, какою постепенностью достигают совершенства.....	123
Глава XL. О том, что монах не должен затмствовывать примеры совершенства от многих, но от одного или немногих	125
Глава XLI. О том, что должно переносить или выдерживать пребывающему в общежитии...	126
Глава XLII. О том, что монах не должен ожидать блага терпения своего от добродетели других, но от своего великодушия.....	127
Глава XLIII. Краткое повторение исследования, в коем было изложено, каким образом монах может достигнуть совершенства.....	128

**Книга пятая
О ДУХЕ ЧРЕВООБЪЯДЕНИЯ**

Глава I.....	131
Глава II. О том, что причины страстей живут во всех, но что оных никто не знает; что для обнаружения их нуждаемся в Божией помощи.....	132
Глава III. О том, что первая борьба предстоит нам противу духа чревообъядения, то есть противу похоти гортанной.....	133
Глава IV. Свидетельство аввы Антония, научающее, что в каждой добродетели должно наставляться у того, кто в оной особенно процветает	134

Глава V. О том, что единообразные правила поста не могут наблюдаться всеми.....	136
Глава VI. О том, что не одним только вином упивается ум	137
Глава VII. О том, что слабость тела не может препятствовать чистоте сердечной.....	138
Глава VIII. О том, как должно употреблять пищу по отношению к аппетиту	139
Глава IX. О том, до какой степени должна простираться умеренность в пище, и какие нужно сохранять условия, чтоб пост был правилен	140
Глава X. Для сохранения чистоты умственной и телесной недостаточно одного воздержания от пищи.....	142
Глава XI. Похотения сердечные не иначе погашаются, как искоренением всех страстей	143
Глава XII. О том, что в сражении духовном должно брать пример с сражения материального	144
Глава XIII. Если не будем освобождены от страсти чревообъядения, то никак не возможем достигнуть до браней внутреннего человека.....	146
Глава XIV. Каким образом должно побеждать чревообъядение.....	147
Глава XV. О том, что монах должен непрестанно внимать хранению чистоты сердечной.....	149
Глава XVI. Монах, не победив плотской браны, не может устоять в бранях духовных, по подобию Олимпийских игр	150
Глава XVII. Основание духовного подвига заключается в борьбе противу чревообъядения....	151

Глава XVIII. О том, через какие роды сражений и побед блаженный апостол мог достичь до венца высшей награды.....	153
Глава XIX. О том, что подвижник Христов, доколе находится в теле, не бывает без браны	155
Глава XX. О том, что монах не должен употреблять пищи вне положенного времени, если хочет достигнуть поприща внутренних браней	156
Глава XXI. О внутреннем мире монаха и духовном воздержании.....	157
Глава XXII. О том, что для того именно и должно нам упражняться в телесном воздержании, чтоб посредством оного достигнуть поста духовного.....	160
Глава XXIII. Какова должна быть пища монаха	161
Глава XXIV. О виденном нами в Египте разрешении поста при приходе нашем в какой бы ни было день без различия	163
Глава XXV. О воздержании некоторого старца, который вкусили пищи в один день шесть раз с такою умеренностью, что сохранил алчбу	164
Глава XXVI. О другом старце, который никогда один не употреблял пищи в своей келлии	164
Глава XXVII. Похвала Паисия и аввы Иоанна	165
Глава XXVIII. Достопримечательное наставление того же игумена Иоанна, данное им пред смертию	166
Глава XXIX. О авве Махете, никогда не спавшем при духовных беседах и всегда засыпавшем при беседах о земных предметах	166

Глава XXX. Изречение того же старца о том, что никого не должно осуждать	167
Глава XXXI. Замечание того же старца братиям, спавшим во время духовной беседы и проснувшимся при начатии праздной повести	169
Глава XXXII. О письмах, сожженных прежде чтения.....	170
Глава XXXIII. О разрешении вопроса, полученном аввою Феодором посредством молитвы	171
Глава XXXIV. Изречение того же старца, коим он научает, каким образом монах может получить знание Священного Писания.....	172
Глава XXXV. Замечание того же старца, когда он пришел ко мне в полночь	173
Глава XXXVI. Описание пустыни, находящейся в Диолке, в коей жительствуют отшельники	174
Глава XXXVII. Похваляется человеколюбие аввы Архебия.....	175
Глава XXXVIII. Тот же Архебий трудами рук уплатил долг матери своей.....	176
Глава XXXIX. О притворстве, посредством коего некоторый старец доставил рукоделие авве Симеону, который нуждался в оном	178
Глава XL. О юношах, которые умерли в пустыне от голода, неся кльному смоквы и не вкусив оных	180
Глава XLI. Изречение аввы Макария, что монах должен себя вести так, как бы ему предлежала и долговременная жизнь, и ежедневно смерть	181

**Книга шестая
О ДУХЕ ЛЮБОДЕЯНИЯ**

Глава I.....	183
Глава II. О главнейшем врачевстве противу духа любодеяния	184
Глава III. Сколько способствует уединение к преодолению любодеяния.....	185
Глава IV. О различии между чистотою и воздержанием, и всегда ли они находятся вместе в одном человеке.....	186
Глава V. Нападения любодеяния не могут быть побеждены одним человеческим старанием	187
Глава VI. О необходимости особенной благодати Божией, необходимой для стяжания чистоты.....	188
Глава VII. По слову апостола, должно заимствовать пример с светского сражения	189
Глава VIII. Примеры очищения тех, кои назначаются вступить в земный подвиг, для очищения духовных подвижников	191
Глава IX. Какую всегда чистоту сердца мы должны иметь пред глазами Бога	192
Глава X. Что служит признаком совершенной и непорочной чистоты	192
Глава XI. Отчего происходит ночное мечтание.....	193
Глава XII. Нельзя получить чистоты телесной без чистоты сердечной	194
Глава XIII. Должно немедленно отгонять восстающие плотские помышления в самом их начале.....	195
Глава XIV. О том, что мы стараемся не соплетать похвалы чистоты, но показать сущность оной	197

Глава XV. О том, что апостол именно называет добродетель чистоты – святыне	197
Глава XVI. О другом свидетельстве апостола о той же святыне	199
Глава XVII. О том, что надежда высочайших наград должна умножать хранение чистоты	199
Глава XVIII. Чистота рождается от смирения, а от чистоты – знание.....	200
Глава XIX. Изречение святого епископа Василия о качестве своего девства.....	201
Глава XX. Из чего познается совершенство чистоты душевной	201
Глава XXI. Каким образом мы можем удержать состояние совершенной чистоты	202
Глава XXII. До какой степени может простираться чистота тела нашего, или что служит признаком ума, вполне очищенного	203
Глава XXIII. Врачебные средства, посредством коих может тело и сердце наше пребывать в совершенной чистоте	203

**Книга седьмая
О ДУХЕ СРЕБРОЛЮБИЯ**

Глава I.....	205
Глава II. О том, что недуг сребролюбия пагубен....	206
Глава III. В чем естественные страсти могут быть нам полезны.....	206
Глава IV. Говоря, что в естестве находятся некоторые страсти, тем не приносим бесчестия Создателю.....	208

Глава V. О страстиах, не насажденных в естестве и в приобретении коих мы сами виноваты.....	208
Глава VI. Недуг сребролюбия, однажды полученный, с коликим трудом изгоняется	209
Глава VII. От каких пороков рождается сребролюбие, и коликих зол оно родитель	210
Глава VIII. Сребролюбие служит препятствием для всех добродетелей.....	213
Глава IX. Монах, имеющий деньги, не может пребыть в общежитии	214
Глава X. О том, каковые труды ради сребролюбия переносит беглец монастырский, которому прежде легчайшие дела служили поводом к ропоту	215
Глава XI. По поводу хранения денег ищется знакомство с женщинами	216
Глава XII. Случай с некоторым монахом, потерявшим теплоту свою и увязшим в сети сребролюбия.....	217
Глава XIII. Что старцы признают за нужное юным для обнажения от страстей.....	217
Глава XIV. Недуг сребролюбия бывает трех родов	218
Глава XV. Худо отрицающийся, чем отличается от неотрицающегося.....	220
Глава XVI. Какими оправданиями прикрывают себя те, которые не хотят обнажиться своих имений	221
Глава XVII. О самоотвержении апостолов и первенствующей Церкви.....	222

Глава XVIII. Если мы желаем подражать апостолам, то не должны жить по собственному рассуждению, но последовать их примеру	226
Глава XIX. Изречение святого Василия епископа о некотором сенаторе	227
Глава XX. Как бесчестно быть побеждену сребролюбием	227
Глава XXI. Каким образом должно побеждать сребролюбие	228
Глава XXII. Кто из неимеющих денег может быть признан сребролюбивым?	229
Глава XXIII. Приводится в пример Иуда	230
Глава XXIV. О том, что невозможно победить сребролюбие иначе, как нестяжанием	230
Глава XXV. О кончине, которой подверглись Анания, Сапфира и Иуда, будучи увлечены сребролюбием	231
Глава XXVI. Сребролюбие причиняет душе невидимую проказу	233
Глава XXVII. Свидетельства Писания, коими стремящийся к совершенству научается не собирать снова того, от чего он отказался при отречении	233
Глава XXVIII. Победа над сребролюбием приобретается не иначе, как нестяжанием	234
Глава XXIX. В чем состоит монашеское нестяжание	235
Глава XXX. Врачевства противу недуга сребролюбия	235
Глава XXXI. Невозможно иначе победить сребролюбия, как пребыванием в общежитии, и каким способом можно пребыть в оном	236

Книга восьмая
О ДУХЕ ГНЕВА

Глава I	237
Глава II. О тех, которые утверждают, что гнев тогда не вреден, когда гневаемся на согрешающих: ибо гневается и Сам Бог	238
Глава III. О том, что говорится о Боге сообразно нашей природе.....	239
Глава IV. О том, как должно рассуждать о склонностях и свойствах человеческих, приписываемых Писанием неизменяемому и бестелесному Божеству	240
Глава V. О том, сколь монаху надлежит быть кротку	242
Глава VI. О возмущении гневом праведным и неправедным.....	243
Глава VII. О том, в каких только случаях нам нужен гнев, или каким образом, по примерам блаженного Давида, гнев с пользою допускается	244
<i>Далее перевод епископа Петра</i>	
Глава VIII. Гнев надобно иметь на самих себя.....	247
Глава IX. О каком солнце говорится, чтобы оно не зашло в гневе нашем.....	248
Глава X. О тех, кои и по закате солнца не прекращают гнева.....	249
Глава XI. Притворно скрывающий свой гнев грешит так же, как и обнаруживающий его	250
Глава XII. Гнев и на короткое время не позволительно иметь	251
Глава XIII. О братском примирении	252

Глава XIV. Также и Ветхий Закон запрещает иметь гнев не только в действии, но и в помышлении.....	253
Глава XV. Говорится о тех, которые причины своей нетерпеливости слагают на других	253
Глава XVI. Спокойствие нашего сердца зависит не от произвола другого, а от нашей власти	254
Глава XVII. С каким намерением надобно удаляться в пустынью.....	254
Глава XVIII. Нетерпеливы и раздражительны бывают и те, которых люди не трогают	256
Глава XIX. О подавлении гнева по евангельскому учению	257
Глава XX. Как надобно понимать гнев напрасный.....	258
Глава XXI. Средства к искоренению гнева из сердца.....	260

**Книга девятая
О ДУХЕ ПЕЧАЛИ**

Глава I	262
Глава II. С какою заботливостью надобно врачевать болезнь печали	263
Глава III. С чем сравнивается душа, съедаемая печалью	263
Глава IV. От чего или каким образом рождается печаль	264
Глава V. Смущение происходит в нас от порочности нашей, а не от других	265
Глава VI. Никто внезапно не подвергается падению, но, мало-помалу произвольно уклоняясь от правды, наконец погибает	265

Глава VII. Для достижения совершенства не должно удаляться общения с братиями, а надобно всегда вооружаться терпением.....	266
Глава VIII. Если нравы будут исправлены, то мы можем сойтись со всеми	267
Глава IX. О другом роде печали, которая приводит к отчаянию в спасении.....	267
Глава X. В чем бывает полезна нам печаль	268
Глава XI. Как различить полезную печаль ради Бога от диавольской, смертоносной	268
Глава XII. Без спасительной печали ради Бога, которая рождается тремя способами, всякая другая печаль должна быть отвергаема	269
Глава XIII. Какими средствами должно изгонять печаль из сердца.....	269

**Книга десятая
О ДУХЕ УНЫНИЯ**

Глава I.....	271
Глава II. Как уныние вкрадывается в сердце монаха и какой вред причиняет духу.....	272
Глава III. Уныние чем побеждает монаха.....	274
Глава IV. Уныние ослепляет ум, делает неспособным к созерцанию добродетелей.....	275
Глава V. Двоякое уныние бывает.....	275
Глава VI. Как зловредны бывают действия уныния	276
Глава VII. Свидетельства апостола о духе уныния	277
Глава VIII. Бесчинным бывает тот, кто не хочет заниматься делом рук своих	283

Глава IX. Не только апостол, но и бывшие с ним работали своими руками.....	284
Глава X. Апостол для того и работал своими руками, чтобы нам представить пример трудолюбия.....	285
Глава XI. Апостол, не только примером, но и словами проповедуя, увещевал работать	286
Глава XII. Апостол, не довольствуясь одним увещеванием, присоединил еще власть и повеление	287
Глава XIII. О словах апостола: <i>мы слышим, что некоторые между вами поступают бесчинно.</i>	288
Глава XIV. Слова апостола пресекают многие пороки.....	289
Глава XV. Об оказании снисхождения праздным и нерадивым.....	290
Глава XVI. Мы должны исправлять погрешающих не с ненавистью, а с любовью	291
Глава XVII. Разные свидетельства, которыми апостол доказывает, что надобно трудиться и что он сам занимался работою	292
Глава XVIII. Апостол работал столько, сколько нужно было ему и другим, бывшим с ним, на пропитание.....	293
Глава XIX. Как надобно понимать слова: <i>блаженнее давать, нежели принимать.</i>	294
Глава XX. О празднолюбивом брате, побуждающем других выйти из киновии	295
Глава XXI. Разные свидетельства Священного Писания об унынии	297

Глава XXII. Египетские монахи так работают своими руками, что не только своим потребностям удовлетворяют, но подают и заключенным в темницах	299
Глава XXIII. По причине празднолюбия в западных странах Европы нет монашеских киновий	300
Глава XXIV. Об авве Павле, который в каждый год дело рук своих в огне сжигал	301
Глава XXV. Слова аввы Моисея, сказанные мне для прогнания уныния	302

**Книга одиннадцатая
О ДУХЕ ТЩЕСЛАВИЯ**

Глава I.....	303
Глава II. Тщеславие искушает монаха не только с плотской стороны, но и с духовной	303
Глава III. Тщеславие многообразно	304
Глава IV. Как тщеславие нападает на монаха с правой и с левой стороны	305
Глава V. Каким сравнением поясняется свойство тщеславия	306
Глава VI. Тщеславие не совершенно истребляется и в пустыне	306
Глава VII. Тщеславие, когда будет низложено, тогда еще сильнее восстает на борьбу	308
Глава VIII. Тщеславие не ослабляется ни пустынею, ни возрастом	308
Глава IX. Тщеславие бывает опаснее, когда соединяется с добродетелями	309

Глава X. Пример царя Езекии, как он стрелою тщеславия был поражен.....	310
Глава XI. Пример царя Озии, пораженного проказою	311
Глава XII. Разные свидетельства о тщеславии	312
Глава XIII. Каким образом тщеславие искушает монаха.....	313
Глава XIV. Как тщеславие внушает присвоить себе степень клирика.....	314
Глава XV. Как тщеславие опьяняет ум	315
Глава XVI. Страсти не иначе можно уврачевать, как узнав их корни и причины	316
Глава XVII. Монах должен избегать женщин и епископов	317
Глава XVIII. Средства против тщеславия	317

**Книга двенадцатая
О ДУХЕ ГОРДОСТИ**

Глава I.....	319
Глава II. Два рода гордости	320
Глава III. Гордость все добродетели погубляет	320
Глава IV. По причине гордости Люцифер из архангела сделался диаволом	322
Глава V. Побуждения ко всем порокам происходят от гордости	324
Глава VI. Гордость по порядку борьбы бывает последняя, а по времени и началу – первая.....	324
Глава VII. Гордость есть такое зло, что Самого Бога имеет противником.....	326
Глава VIII. Как Бог посрамил гордость диавола добродетелью смирения	326

Глава IX. Как можем победить гордость	328
Глава X. Никто не может достигнуть совершенства добродетелей, или обещанного блаженства, только своими силами	329
Глава XI. Примером Давида и благоразумного разбойника подтверждается вышесказанное.....	329
Глава XII. Нет никакого труда, который мог бы равняться обещанному блаженству	331
Глава XIII. Предание отцов о способе приобретения чистоты.....	331
Глава XIV. Помощь Божия подается трудящимся	332
Глава XV. У кого мы должны учиться пути к совершенству	334
Глава XVI. Без милосердия Божия и воодушевления мы не можем приступить к самому труду достижения совершенства.....	336
Глава XVII. Разные свидетельства, которыми доказывается, что без помощи Божией мы ничего не можем совершить относительно спасения	336
Глава XVIII. Мы укрепляемся благодатью Божией не только в естественном состоянии, но и в ежедневном строительстве нашего спасения.....	340
Глава XIX. Такое понятие касательно благодати Божией предано древними отцами	341
Глава XX. Один брат за богохульство предан нечистому духу	342
Глава XXI. Пример иудейского царя Иоаса, который за гордость подвергся наказанию.....	343

Глава ХХII. Всякая гордая душа подвергается духовным непотребствам для посрамления	345
Глава ХХIII. Совершенства нельзя достигнуть иначе, как смирением.....	346
Глава ХХIV. Кого искушает духовная гордость и кого плотская	347
Глава ХХV. Описание плотской гордости.....	348
Глава ХХVI. Кто положил худое основание, тот ежедневно нисходит в худшее состояние.....	349
Глава ХХVII. Изложение пороков, рождающихся от гордости.....	350
Глава ХХVIII. О гордости одного брата	353
Глава ХХIX. Признаки, по которым узнается, что плотская гордость есть в душе	354
Глава ХХХ. Кто от гордости сделался холодным к благочестию, тот желает иметь преимущество пред другими	356
Глава ХХXI. Как можем победить гордость или достигнуть совершенства.....	356
Глава ХХХII. Каким образом истребительница всех добродетелей – гордость может быть подавлена истинным смирением	357
Глава ХХХIII. Средства против гордости	359

О ПОСТАНОВЛЕНИЯХ МОНАСТЫРСКИХ

Труд преподобного Иоанна Кассиана,
переведенный святителем Игнатием Брянчаниновым

Печатается по:

Авторской рукописи, хранящейся в Отделе рукописей РГБ;
Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. Перевод епископа Петра (Екатериновского). Издание
Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. – М., 1892.

Редактор *Лина Егорова*

Под общей редакцией *Христофора Силина*

Художник *Димитрий Епифанов*

Художественный редактор *Наталья Тихомирова*

Компьютерная верстка *Сергей Ковалец*

Корректор *Лина Егорова*

Набор *Наталья Королева*

Офсетная печать. Гарнитура «Академия».

Формат 70x100 1/32. Объем 12 печ. л.

Тираж 5000 экз. Заказ 1833.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»».
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться
по телефонам: (499)613 94 63, (495)345 88 44.
Email: pravilovery@yandex.ru; www.pravilovery.ru.

Интернет-магазин и Книга-почтой
Email: info@blagovest.moskva.ru. Тел.: (495)787 50 72

